

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала — издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница — 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
Сообщество: http://community.livejournal.com/ru_kontrabanda
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор — Алексей Караковский.
Литературный редактор — Сергей Алхутов.
Выпускающий редактор — Анна Герасимова.
Верстка — Алексей Караковский.
Фото — Наталья Караковская.
Художник — Владимир Дручин.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) — прозаик, эссеист, член Союза писателей Москвы.

Анна Герасимова (Москва) — переводчик, эссеист.

Алексей Караковский (Москва) — прозаик, музыкант, переводчик, эссеист, издатель, член Союза писателей Москвы.

Андрей Моисеев (Москва) — критик, эссеист.

Екатерина Сергацкова (Волгоград) — критик, публицист.

Дэн Шорин (Тула) — писатель.

Организационная группа («Совет контрабандистов»):

Сергей Алхутов, Алексей Ануфриев, Кирилл Калинин, Алексей Караковский, Татьяна Рябова, Павел Соломагин, Татьяна Трусова, Алина Халзагарова, Александр Холмогоров.

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) — поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева (Москва) — руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Елена Рышкова (Франкфурт) — руководитель конкурса «Согласование времён» и литературного агентства «Русский автобан».

Евгений Степанов (Москва) — кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.01.11 в 18:40. Заказ № 4

Издатель Воробьев А.В. 117321, Москва, ул. Профсоюзная, 140, корп. 2. E-mail: gorkom11@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Мульти Графика», 105483, г. Москва, ул. Никитинская, 5а, (495) 749-61-68

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

Вномере:

... Дело поэта, который в форме слова перемещает похищенное из немоты, из хаоса, из небытия, — несомненная КОНТРАБАНДА.

Георгий Ефремов, «Любой пустяк в порядке», «Дружба Народов» 2000, №8.

Красный уголок	2
Почему мы решили переиздать «Контрабанду» 2008 года Алексей Караковский, Михаил Майгель. Введение в «Контрабанду» Сказки одесского порта	
Рецепты чтения	7
Елена Бондаренко (Блонди). Семён Беньяминов, битник из Новой Англии	
Сценография	9
Виктор Кузнецов. Драматическая жизнь Иллариона Певцова	
Перечитываем классику	20
Владимир Жбанков. Явор и куга поэта Ивана Бунина	
Исторический слой	15
Кирилл Ковальджи. Моря не было	
История песен	15
Молли Мэлоун (перевод Алексея и Натальи Караковских).	
Консонанс	15
Дмитрий Бебенин. Валенсийские кружева	
Библиотека поэтического рока	15
Дмитрий Румянцев. Олег Медведев — последний рок-поэт?	
Большая литература	22
Александр Немировский. Литература большая и малая. Наталья Рубанова. Не верь словам Елена Кутинова. Про слова и личность	
Технология культуры	25
Александр Чулков. Ветер слов. Мысли о поэзии.	
Сетевые раскопки	31
Андрей Гришин. Вениамин Каверин и книги древности Алексей Корнеев. Поэты «Живого журнала»: узнай о себе сам	
Кают-компания	25
Михаил Майгель. Рустам Карапетян: «Я всегда был влюбчив»	
Портрет писателя в интерьере	30
Алексей Караковский. Анастасия Яковлева-Помогаева: Бог пишет свои верлибры	
Точные координаты	38
Максим Усачёв. Одесса, это когда... Анастасия Яковлева-Помогаева. Как мы раскачивали Одессу Поэты Одессы: Оксана Макачук, Виктория Лях Максим Усачёв. Рассказы Сергей Шаманов. У границы прибоя.	
Кунсткамера	32
Лиене Ласма. Безжалостный Enter	
Дикий гон	32
Сергей Алхутов. Дар Решки.	
Безумный словарь	34
Дмитрий Висков. Бер-Щур	
Контрабандное чтение	42
Михаил Придворов. Пошушайки	
Легенды и мифы планеты	61
Елена Кутинова. Пятое время года	
Издательство — авторам	64

Почему мы решили переиздать «Контрабанду»-2008

Наш журнал может по праву отмечать два дня рождения. В январе 2008 года вышел первый номер «Контрабанды», посвящённый литературе Одессы. Это был любительский, самиздатовский журнал, выпускаемый на личные средства основателей — молодых, энергичных ребят, много лет сотрудничавших на страницах Интернет-сайта «Точка Зрения», а осенью 2007 года, наконец, встретившихся лично на Форуме молодых писателей России. На волне энтузиазма мы сумели выпустить шесть номеров, после чего журнал на время прекратил своё существование.

2009 год был самым важным в нашей жизни: мы поняли, что без «Контрабанды» жизнь на Земле если и не невозможна, то крайне затруднена. Были найдены средства на возобновление издания, в декабре журнал получил лицензию СМИ. В январе 2010 года вышел первый номер обновлённый «Контрабанды». Финансирование проекта взяло на себя наше же издательство «Современная литература в Интернете».

К концу 2010 года из продажи исчезли последние экземпляры старой «Контрабанды», и мы впервые задумались о допечатке тиражей: ведь в ранних номерах были опубликованы интереснейшие материалы. Доводы против были достаточно серьёзными: первые номера журнала никак не могли найти свой формат (кое-где журнал даже обзывался «газетой»), постоянно меняли рубрики и объём, пестрили опечатками. Выход был найден: мы решили профессионально переиздать дополненные и исправленные номера журнала за 2008 год.

В конце концов, это не просто история — они и вправду это заслужили.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Введение в «Контрабанду»

Такое время — никто не любит писателей и, тем более, поэтов. То ли дело раньше! Написал пару строк в рифму любимой женщине, и мужская биография складывается удачно. А теперь обязательно найдётся какая-нибудь эрудитка, которой не понравится рифма «любовь-вновь». Или хуже: прозвучит оскорблением какое-нибудь расхожее выражение типа «сердце стынёт», «возвышенные чувства» и тому подобное. Причём особо продвинутых уже не убеждает ни Мураками, ни Коэльо: в ходу только первоисточники от Ключева до Августина Блаженного.

Можно, конечно, научиться писать и хорошие стихи. Которые оценят мэтры. Которые выучат наизусть тайные поклонницы. Которым будут подражать юные писцы. Но что бы ты ни написал, обязательно найдётся какой-нибудь эрудит и упрекнёт: слишком хорошо! До омерзения хорошо! Стыдиться надо!

А всё потому, что моду задаёт постмодернизм, и правильно делает. В наше время лучше вообще не писать. И не читать. Тогда тебя признают невоплощённым гением, и всё простят. Особенно, если ты ходишь на все литературные тусовки, где из сорока зрителей пятнадцать выступающих, а ещё двадцать пять пишут стихи просто так. Особенно, если ты чётко знаешь, какие фигуры современной поэзии харизматичные, а какие — мейнстрим. Особенно, если когда все пьют, а ты под наркотой. Или, наоборот, когда все под наркотой, а ты пьёшь. Продвинутый человек, не мурло какое-нибудь союзписательское.

Короче, занудное это дело — литература. Требуется полная концентрация и серьёзности. Всецелого осознания своей культурной миссии. Никаких сомнений в своей правоте и богоизбранности... И, слава Богу, такой литературы в нашем журнале вы никогда не увидите.

Интернет полон сокровищ, но хранит их для себя и своих. Интернет не любит чужаков, и известен не один случай, когда ушедшие в него оставались там навсегда, забыв дорогу назад, утратив возможность вернуться в реальный мир.

Мы — контрабандисты. Мы знаем, что в реальной жизни спрос на сокровища Сети высок. Нам не страшны барьеры, преграды, таможни и прочие засады. Вы хотите — мы приносим вам лучшее. Лучшие стихи и рассказы, обзоры, новости и просто неожиданные идеи.

Наслаждайтесь сокровищами Сети, не подвергая себя ее опасностям! Делайте это дома, на работе или в универе, и все — без малейшего риска.

Алексей КАРАКОВСКИЙ, Михаил МАЙГЕЛЬ (2008)

Сказки одесского порта

Ночь. У Потёмкинской лестницы стоит молодой прыщавый графман и вглядывается в невидимые глазу морские дали. Ему кажется, что он видит старинный корпус трёхмачтового парусника, на борту которого стоят сундуки с награбленным барахлом. В кают-компании за огромным столом при свете свечи сидят двое бородатых контрабандистов в тельняшках, пьют портвейн «777» и режусь в «двадцать одно».

— Ох, братушечка, — говорит один, — давай-ка ишшо выпьем. Трубы горят, Митька-брат помирает, ухи просит...

— Обсад... — отвечает второй и разливает по-христиански.

Разговор, как обычно у митьков, развивается без всякой логики.

— А то пойдёшь, бывает, по Приморскому бульвару, и все одесситы апельсины, значит, лопают, одни кожурочки летят. Знаемо дело: контрабанда пришла, из Марокко, канешн...

— Ну дык ёлы-палы... апельсины-то... умат...

— А бывает пойдёшь себе, семь футов под килем, по Ланжероновской... а вокруг рыбой воняет — страх, все натурально селёдку покупают и домой ташут. Значит, контрабанда пришла! Натуральная исландская селёдка из Исландии...

— Знамо-знамо... как селёдки укусишь, так и пиво само в рот лётся... оття!

— А вчера, братушечка, иду по Ришельевской, сворачиваю на Базарную, и ни души вокруг!

— Что, неуж на один день Одесса без контрабанды осталась?

— Да где там! То из России груз пришёл...

— А пошто людей не встретил?

— Так всё книги там, книги...

Буря мглою небо кроет и будет продолжать крыть...

СЕМЁН БЕНЬЯМИНОВ, БИТНИК ИЗ НОВОЙ АНГЛИИ

Однажды, в переполненном автобусе, затиснутая среди чужих пальто и угловатых сумок, я обратила внимание на руки сидящего поодаль мужчины. Крупные руки с жесткими сильными пальцами, сложенные на коленях. Тонкие нитки темного — работа, что въедалась годами и не отмоешь. И вдруг на пальце — старинный перстень.

Тянула шею, любопытно очень, а не могла за серыми боками стоящих даже рукава увидеть, не то что лица сидящего. И три остановки домысливала — внешность, биографию, характер. А потом засмотрелась нечаянно в окно, и незнакомец вышел. Так и не узнала, какой же он был в целом. Хотя бы внешне.

Когда взялась читать книгу Семена Беньямина «Кумачовщина», об этом маленьком случае еще не вспомнила. Просто открыла тонкую книжку в мягкой обложке цвета крови и — читала жесткие, хорошие стихи, написанные еще до моего рождения. Политические. Или — социальные? О той жизни, которую прятали за бравурными маршами и радостными сводками новостей об улучшении всего в стране советов, в которой все неуютное затыкалось кляпами кумачовых знамен.

Красный ход

Стелился взор шеренги первой
ковром партийных измышлений,
грозился виселичной вервью,
мытарством тайных умерщвлений —
второй шеренге приговор,
в затылок третьей взором — мор,
четвёртой не было в помине,
на пятой пялился мундир,
шестёрка шестеро в кабине,
надулся грудью командир.
Крутым бедром качнула стерва —
идёт стальная пионерия
и у подопытной руки
несёт наручников крюки.
(1962)

Читала с удовольствием, хотя не слишком люблю чтение на политические темы. А какая разница — какие темы, если стихи однозначно хороши? Как всегда, когда хорошо, талантливо — возникает ощущение свежести. Пусть и написаны они давно.

Вот только чуть беспокоило сказанное хорошим молодым поэтом, который мне эту книгу и посоветовал. О том, что считает Беньямина — учителем, во многом сформировавшим его самого как поэта. Потому искала откликов, пыталась угадать, что именно восхищало в этих стихах человека уже другого поколения? И за тематикой — жесткой и непримиримой позицией автора «Кумачовщины» — видела размеренную и величавую поступь верлибров.

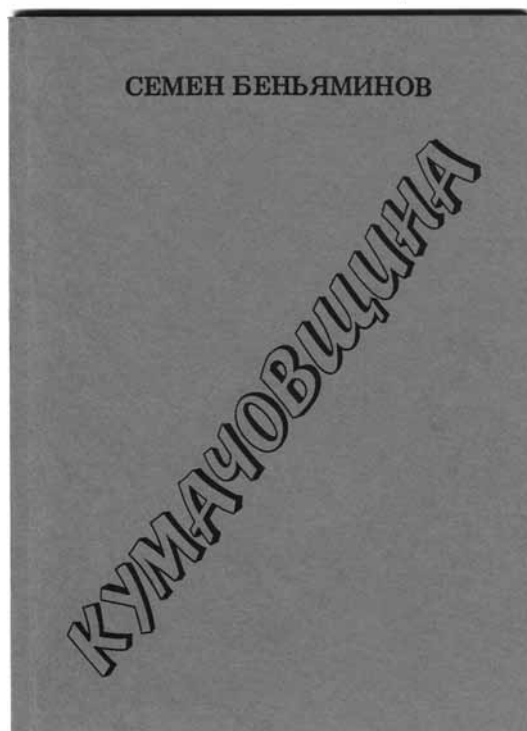
Безлунный вечер снискал себе славу
и своей тёмной стороной
затмил свежие новости.
Перекочёвывали воды в каналы,
убегал одинокий волк

от скачущего сверху самолёта,
и в тоскливой избе
шла семейная проба самогона.
Было тепло и степенно, как во все вечера.
А ночь ждала долго, долго
и, приподняв чёрную шляпу,
резанула полоской рассвета.
Я видел, как слетали головы домушников,
конокрадов и ночных сторожей.
Так наступило утро. На трупах бдящих.
Так качнулся маятник ночи.

А потом ушла в сеть — искать об авторе. Потому что уже слышала много интересного. О том, что шестидесятник и скрывался от властей. Немудрено — с такими-то стихами в те еще времена! Что за книгу «Кумачовщина» был сослан в Мордовию и учил детей русскому языку. Что сумел уехать в Америку, где и выпустил книгу на бумаге. И с большой охотой работает в сети (это мне особенно приятно), потому что считает — за ней будущее.

Биографических данных нашла немного. Родился на Волыни в 1935 г. Окончил филологический факультет Киевского университета. Служил в ВВС. Работал токарем, слесарем, котельным рабочим, авиамотористом; преподавал словесность в школах Саратовской, Владимирской, Новгородской и др. областей. Первая публикация — в журнале «Континент», №56. Публиковался в журналах «Футурум АРТ», «Топос», «Заповедник», «Точка Зрения», антологии «Освобождённый Улисс». Сборник «Кумачовщина» вышел в издательстве New England Publ. Co. в 1990 году. Живёт в США с 1975 года, работает в области самолётостроения.

Зато нашла довольно большое количество литературных ресурсов, где обитают стихи Семена Беньямина: «Литсовет», «Котлеты и Мухи»,

«Самиздат» Максима Мошкова, «Гоголь.ru». Нашла Живой журнал. И с радостью убедилась, что автор там отмечается. И нашла его переводы. Тарас Шевченко, Чарльз Буковски, Эл Жолинас, Эдвард Филд, Филипп Лопэйт, Стивен Доббинс. Прекрасные стихи, замечательные переводы, собранные в цикле *Maverick Poets*. Как пишет сам переводчик в аннотации к этому сборнику: «...переводы независимых, антириторических поэтов, говорящих напрямик простым, доступным языком. Это поэзия андерграунда, которая избегает, с одной стороны, общепринятой манерно-изысканной дикции, с другой, — несовместима с рутинным, бессвязным авангардом. Называя их *Maverick Poets*, мы не исходим из того, что они представляют собой определённую поэтическую школу, а скорее, чтобы подчеркнуть общее сопротивление преобладающему массовому стилю». Кстати, одно из первоначальных значений слова «маверик» — зверь, живущий вне стаи. Кого-то из авторов я знала, а других читала впервые, за что Семену мои благодарности.

Вот тогда я вспомнила автобус и маленькие свои сожаления о лишь одной увиденной детали, одной грани заинтересовавшего меня человека. И порадовалась, что сейчас произошло по-другому. Благодаря инету я смогла больше узнать о творчестве автора, в книге которого, хоть и очень интересной, представлена лишь часть его литературной личности.

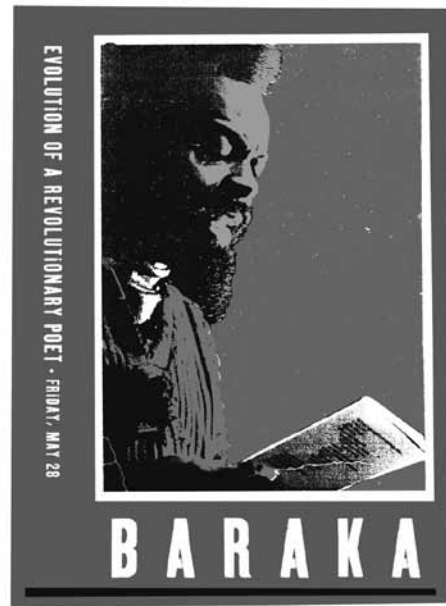
Новые времена, новые реалии. Возможность составить более полное представление, найти больше сведений. Возможность сосуществовать в одном пространстве, пусть даже никогда не встречаясь лично. И надо ли отвергать высокомерно эти дополнительные возможности, как делают все еще довольно многие авторы, доказывающие преимущества бумаги перед сетью? Не лучше ли пользоваться всеми преимуществами, данными современными технологиями?

Так делает Семен Беньяминов, так делаю я, так поступает множество известных мне современных замечательно талантливых авторов. И если бы не это, я, конечно, смогла бы прочитать в его книге замечательное стихотворение:

Поклонялась ночь Марксу-Энгельсу,
велелепная, как стихарь.
В колокольне сердца в чугунную рельсу
тарабанил глухой звонарь.
Поклонялась ночь, главной улицей
протолкнула ком слёз.
Молод ты ещё так сутулиться,
черноусый зис-водовоз!
Сорок с лишним святейших отпраздновав дат,
в срок меняя резину истёртую,
ты какую в бочонке привёз наугад
сорок ведер — живую иль мёртвую?

...Но, возможно, замечательное стихотворение Филиппа Лопэйта в переводе Беньяминова «Женщина, которая плакала просто так» — прошло бы мимо меня...

Он представил её на улице друзьям так:
«Это женщина, которая плачет просто так...»,
Потому что после того, как она прилетела к нему в Сан-Пауло,
И в первый день он был счастлив;
И на второй день он был житейски озабочен;
И на третий день он беспокоился о друге, который лёг в больницу;

Книга американского поэта Амира Баракы

И на четвёртый день он обнял её при всех и сказал:
«Как так, что мы всё ещё не вместе?..»;
И на пятый день он не позвонил вовсе;
И на шестой — он внимал музыке глубоко, как африканец;
И на седьмой — он предложил ей провести с ним ночь в отеле;
И на восьмой — он не смог отговорить её от покупки билета на автобус;
И в последний день, когда он встретил её на улице, сияющий и энергичный,
И предложил нести её чемоданы,
Она расплакалась;
И он спросил: «Отчего ты плачешь?»
И она ответила: «Просто так...»

Еще одна грань автора Семена Беньяминова — пародии. Те, что я нашла и прочитала — хлестки, емки и, как правило, короче оригинала. Более сконцентрированы. Сначала показалось — злы. Потом — совсем нет. Умны, а это часто сгоряча принимается за ехидство. Но на то они и пародии, думается мне. Тем более, что в некоторых стихотворениях не сразу и поймешь — пародия или подражание другому поэту. И уж совсем я обрадовалась, обнаружив пародию Семена на стихотворение Анны Гершаник, посвященное моему городу (в котором я этот текст и пишу):

Последний паром уходит в Тмутаракань,
не стало спичек, соли, казанского мыла...
Для того ль отстояли мы Малую землю, Вань,
чтоб толпа на толкучке на рідній мові бубнила?
А намедни стою я на горе Митридат,
любуюсь чудесным видом на Чушку.
Вдруг подходит ко мне кривоногий сармат,
предлагает купить геноуэзскую пушку...
Захожу в парикмахерскую — армянин-брадобрей,
турок втолковывает татарину, как проехать в Мекку;
в очереди: караим, украинец, кубанский казак, еврей...
Что тут делать русскому человеку?!..

Елена БОНДАРЕНКО (БЛОНДИ)

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ИЛЛАРИОНА ПЕВЦОВА

Сегодня в живых уже почти нет тех, кто видел на сцене этого выдающегося исполнителя ролей короля Лира, Отелло, царя Федора Иоанновича, Тартюфа, Городничего... Из экранных героев одного из первых в нашей стране Народных артистов кинозрители помнят только белогвардейского полковника Бороздина в фильме «Чапаев» — хотя в Госфильмофонде, бесспорно, до сих пор хранятся созданные с его участием немые черно-белые картины «Победители ночи», «Чудо», «Смертельный номер», и звуковая лента «Памир»...

Илларион Николаевич Певцов (1879-1934) сыграл и Федю Протасова в «Живом труп» Льва Толстого, и Павла I и Александра I в одноименных пьесах Дмитрия Мережковского, и Робеспьера в драме Федора Раскольникова...

Преодоление

Впервые Илларион Певцов попал в театр осенью 1893 года учеником Вильненского реального училища. Тот вечер, как вспоминал позднее выдающийся актер, «...смял, расколол, уничтожил нормальную жизнь третьеклассника».

Ошеломленный Илларион до утра бродил по городу. Твердо и бесспорно решив стать артистом, он тут же сообщил об этом друзьям и родителям. Однокашники подняли его на смех, а отец и мать ужаснулись... Все дружно твердили, что это абсолютно невозможно: Илларион с раннего детства страдал заиканием, и связано оно было с наследственностью — в семье и со стороны отца, и со стороны матери имелось несколько заик. Недостаток все усиливался: на уроках в реальном училище третьеклассник не мог даже отвечать вслух, а писал. Учителя и товарищи к дефекту Певцова привыкли, и все, казалось бы, шло нормально. И тут...

«Ни уговоры, ни насмешки, ни указания на абсолютную невозможность для человека с таким дефектом речи, как у меня, попасть когда-нибудь на сцену, — вспоминал позднее Илларион Николаевич, — не действовали. Жизнь моя резко изменилась. Учение было заброшено, все вечера я проводил в театре, а чтобы добыть денег на билет, продавал учебники, книги, делал товарищам чертежи, — я хорошо чертил, — получая по гривеннику за чертеж».

Паренька, каждый вечер появляющегося на галерке, в театре заметили и стали бесплатно пропускать в зрительный зал. В школе же дела шли все хуже. Дома и на уроках Илларион запоем читал Гоголя, Островского, Сухово-Кобылина, книги по театру. За что и был оставлен на второй год...

Известная писательница Александра Бруштейн в автобиографической повести «Дорога уходит вдаль» подробно описывает, как летом 1895 года, поднимаясь на Замкову гору в окрестностях Вильно, услышала голос, красиво и страстно произносивший монологи из Пушкина и Грибоедова. Сам же чтец оказался нескладным, плохо одетым и, к тому же, заикающимся парнем — младшим братом ее институтских друзей Сони и Нади Певцовых.

Через два года Илларион сбежал от родителей в Паневежис... Сняв у отставного солдата в крошечной лачужке угол за печкой, он поступил в шестой класс местного реального училища. Учитель словесности обратил внимание на начитанность и несомненную эрудицию новичка — Певцов написал серьезное исследование о мировой драматургии, сравнивая пьесы Шекспира с русскими историческими драмами... А директору

училища понравилось, как шестиклассник на скрипке играет Шопена... В итоге его бесплатно поселили в общежитии в качестве «старшего», он выступал со скрипкой на ученических концертах и даже вышел на сцену в самодеятельной постановке гоголевской «Женитьбы»...

«В жизни я продолжал заикаться по-прежнему, — вспоминал те дни Певцов, — но на сцене говорил совершенно свободно и достигал этого исключительно силой воображения».

Скопив к осени 1899 года необходимую сумму денег, Илларион направился в Москву — к В. И. Немировичу-Данченко, в его театральное училище. Перед началом первого экзамена к кучке жаждущих поступления подошел директор и спросил Певцова:

— А вы когда намерены экзаменоваться — сегодня или завтра?

Перепуганный абитуриент не смог выдать из себя ни слова.

— Так вы на музыкальное отделение, — решил Владимир Иванович.

— Нет, на драматическое, — ответил покрасневший Певцов.

— С таким дефектом речи?!

— А вот увидите.

Уже через час Илларион без малейшей запинки выразительно прочитал перед приемной комиссией монолог из «Марино Фальери» Байрона. Это смягчило Немировича-Данченко, но он все-таки предложил молодому человеку роль Гаврилы в «Горячем сердце» А. Н. Островского. Спектакль, где основные роли исполняли второкурсники, состоялся через десять дней, и крайне довольный директор распорядился зачислить заика на первый курс не просто с освобождением от платы за обучение, но и с койкой в общежитии и вполне приличной по тем временам стипендией. А после зимней сессии Певцов был переведен на второй курс...

Через 15 лет московская «Театральная газета» так писала об Илларионе Николаевиче: «Певцов достоин внимания и уважения не только за хорошо им сыгранные роли. Только люди, одержимые призванием, могут представить, каким путем невероятных усилий воли и характера Певцов приобрел право быть артистом». Автор статьи, известный театральный обозреватель того времени Н. Россов, был осведомлен о том, о чем широкая публика и не догадывалась — он сам страдал заиканием...

В 1902 году Певцов окончил театральное училище и пришел работать в Малый театр. Получив роль в спектакле, где за сценой звучит скрипка, он перед репетицией тоже принялся что-то наигрывать. За кулисами оказался директор филармонии профессор В. Кесс, взволнованно отыскавший Певцова и принявшийся убеждать его бросить театр и пойти учиться к нему — совершенно бесплатно. Уговаривал он настолько горячо, что молодой артист заколебался и два дня не знал, на что решиться. На третий он продал скрипку и никогда больше не притрагивался к смычку...

Вскоре Певцов принял предложение Всеволода Мейерхольда и в составе труппы, покинувшей Художественный театр, уехал в Херсон. И там разразилась беда: Певцов начал заикаться на сцене. Видя его отчаяние, Всеволод Эмильевич посоветовал ехать в Москву к доктору Н. В. Далию — модному невропатологу-гипнотизеру и дальнему своему родственнику. В полумраке уютного кабинета актер долго размышлял о причинах, освобождающих речь или делающих ее тяжелой и сбивчивой. И пришел к выводу, что ему подходят далеко не все роли. Если текст психологически неверен, искусственен или слишком многословен, решил для себя Певцов, браться за пьесу не следует. Крайне трудными для него оказались французские роли, а русские и немецкие, как прави-

• СОБЫТИЯ

ло, — легкими... Не догадываясь еще об этом, он стихийно приблизился к театральной системе Станиславского. И решил для себя, что существуют роли, совсем чуждые ему... Через несколько месяцев актер вернулся в Херсон, и дальше в театре все шло для него благополучно. Доктор Даль, хотя в быту Певцов по-прежнему заикался, не сомневался, что это он вылечил талантливого актера.

Аналогичным недостатком страдал и другой выдающийся актер — Анатолий Петрович Кторов. В конце 1916 года его за профнепригодность намеревались отчислить из студии при театре имени В. Ф. Комиссаржевской. И исключили бы, не вмешайся новый педагог Илларион Певцов. Который поручился за талантливого ученика...

Самоотдача

«Если можешь не быть актером, то не смейшь им быть». Эти слова Илларион Николаевич повторял не часто. Но жил именно так. Даже простое перечисление сыгранных им ролей заняло бы слишком много места. О совместной работе с выдающимся актером трепетно вспоминают его именитые коллеги Игорь Ильинский, Борис Ливанов, Вера Юреньева, Борис Бабочкин, Юрий Лавров и многие-многие другие.

Народный артист России Николай Петров, называя творчество Певцова «могуществом правды», рассказывает, как в Ленинграде при поступлении в Академический театр драмы (бывший Александринский) Певцов выдвинул условие: если решат ставить «Отелло», он получит право первым сыграть заглавную роль — это его 25-летняя мечта. Через несколько лет театр действительно объявил о постановке «Отелло» — к юбилею своего художественного руководителя Юрия Михайловича Юрьева. Певцов тут же напомнил о себе:

— На премьеру не претендую — это ваш, а не мой юбилей. Но на третий или четвертый спектакль рассчитываю категорически.

7 мая 1927 года Певцов вышел на сцену в роли Отелло. И уже через несколько дней признался, что, хотя он четверть века мечтал о ней, роль венецианского мавра ему не удастся — он отказывается от дальнейшего участия в спектакле. «Этот эпизод, — отмечает Н. Петров, — характеризует подлинную творческую честность художника».

Но тогдашняя пресса восторженно откликнулась на игру Певцова. Критик А. Слонимский в журнале «Жизнь искусства» утверждал: «Певцов был убедителен. Весь путь Отелло — от сладостного упоения своим счастьем до финального отчаяния после убийства — передан им правдиво, искренне, с заразной эмоциональностью. Он свел Отелло с холодных вершин декламации и наполнил образ живой, теплой кровью».

Последние дни и минуты

В апреле 1933 года, возвращаясь с концерта, Певцов попал в автокатастрофу.

«Я увидел его через несколько часов, — вспоминает профессор Военно-медицинской академии Г. И. Турнер. — Он производил впечатление умирающего. Было тяжелое зрелище: изуродованное лицо с переломом нижней челюсти и выбитыми зубами, обширный кровоподтек по всей грудной клетке, оскольчатый открытый перелом предплечья... Встал вопрос об ампутации левой руки».

Наталья и Татьяна — дочери Иллариона Николаевича от первого брака — и его жена балерина Наталья Камкова поочередно дежурили в госпитале. Женщины тепло относились друг к другу. С первой семьей

• РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

Певцов расстался еще в начале 1920-х, но отношения поддерживал всегда. «Очень рад, — писал он Н. Камковой в октябре 1930 года, незадолго до женитьбы на ней, — что мои чада нравятся тебе. Эти две роли (Наташка и Танька) как будто удались мне лучше всех других...»

Благодаря интенсивному уходу в сентябре того же года Певцов вновь вышел на сцену. Изуродованная левая рука (актер звал ее теперь «собачьей лапой», так как в месте перелома предплечья возник ложный сустав) слушалась плохо, но из зрительного зала мало кому удавалось рассмотреть скованность движений...

Следующей весной Илларион Николаевич снялся в фильме «Чапаев», где создал образ умного и прозорливого офицера-белогвардейца...

Летом в горах Таджикистана он снимался в роли ученого-геолога в приключенческом фильме «Памир». В поездке Ташкент-Москва попутчики приняли возвращающегося со съемок артиста за столичного профессора и всю неделю расспрашивали о результатах экспедиции. «Этому, — вспоминал актер, — способствовали и экипировка, и усы, которые я отстриг для съемок... А я по тексту картины твердил им о несуществующем металле. И они делали умные лица и твердили: ага!»

Следующим летом Певцов намеревался с тем же кинорежиссером А. Минкиным ехать на Шпицберген и Землю Франца-Иосифа... Но уже через месяц после возвращения из Ходжента слег. И в ночь с 24 на 25 октября 1934 года скончался.

Через 12 дней на экраны страны вышел великий кинофильм «Чапаев». И не сходит до сих пор. А для завершения «Памира» (Певцов ведь успел сняться только на натуре) пришлось искать артиста, способного при павильонной съемке заменить Иллариона Николаевича. Актера, равного ему по таланту, по всей видимости, не нашлось, ведь никто сегодня не помнит этого фильма, прошедшего по экранам в 1935 году...

Виктор КУЗНЕЦОВ

Интересно, насколько различаются типажы у героя Певцова не только с кинематографическим Чапаевым, но и с историческим (фото снизу).

ЯВОР И КУГА ПОЭТА ИВАНА БУНИНА

Поэт Иван Алексеевич Бунин, в отличие от прозаика, и поныне воспринимается публикой неоднозначно. Причем взгляд на стихи Бунина искоса, как на не совсем законную забаву человека, обреченного писать прозой (позиция, сформулированная Набоковым, который сам находился в схожей ситуации и стихи Бунина ценил), наиболее распространен. И действительно, значительная часть его поэтического наследия не вызывает ни внутренней дрожи, ни хриплых задыханий, ни учащения пульса. Однако и глубоких провалов с розовыми заостренными краями в собрании сочинений Бунина вы не найдете. Большая часть его стихов предстает тщательно выписанным фоном к шедеврам: «Одиночество» (1903 и 1915 годов) — практически диптих, матрешка, два разных измерения неуловимого чувства (как «Александровский квартет» Л. Даррелла), «Венеция» 1913-го — ажурно окованный сундук, красотой и содержательностью способный соперничать с лучшими стихотворениями о самом воспетом городе, и еще около десятка произведений, на которых критика и публицистика уже построили солидный особняк.

В этой статье я хочу обратить внимание читателя на одно стихотворение, отчего-то не столь популярное среди поклонников «злого гения», в котором видны его легендарные черты. И «цепкий взгляд», и «волчьи уши», и аристократизм, и прочие, уже ставшие традиционными тимпаны сопровождающие появление Бунина.

Вот оно:

Край без истории... Все лес да лес, болота,
Трясины, заводи в ольхе и ростниках,
В столетних яворах... На дальних облаках —
Заката летнего краса и позолота,
Вокруг тепло и блеск. А на низах уж тень,
Холодный сивый дым... Стою, рублю кремень,
Курю, стираю пот... Жар стынет — остро, сыро
И пряно пахнет глушь. Невидимого клира
Тончайшие поют и ноют голоса.
Столбом толчется гнус, таинственно и слабо
Свистят в куге ужи... Вот гаснет полоса
Чуть греющих лучей, вот заклохотала жаба
В дымящейся воде... Колтунный край древян,
Русь киевских князей, медведей, лосей, туров,
Полесье бортников и черных смолокуров —
И теплых сумерек краснеющий шафран.

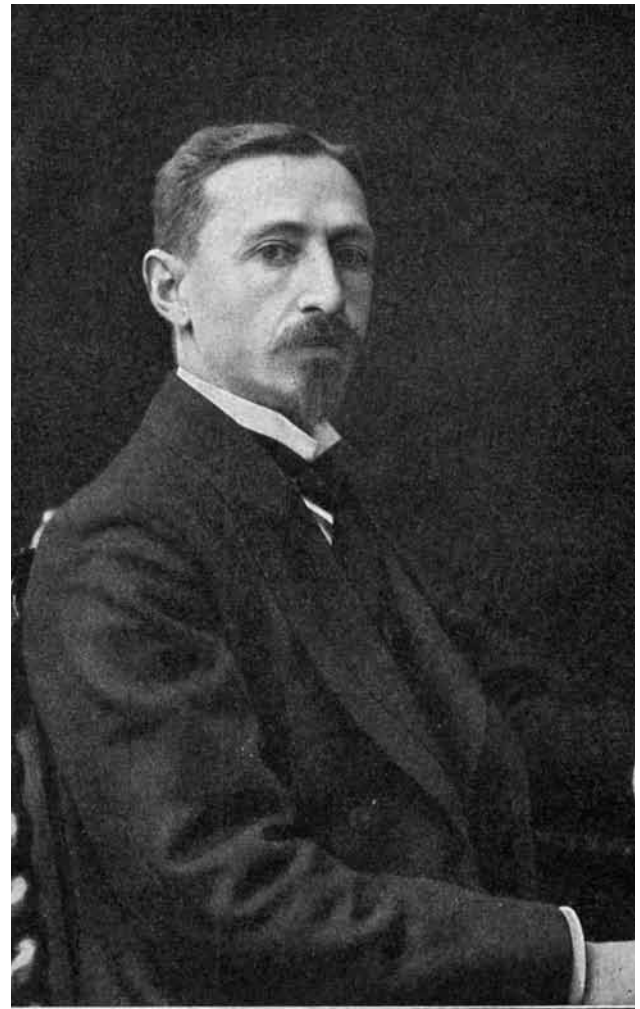
(16 июля 1916 г.)

Некоторые — в том числе и это — стихотворения, для того чтобы раскрыться, требуют от читателя игры. Мне, чтобы дать ему зазвучать в себе, нужно, вместе с глубоким вдохом, «стать Буниным». Сорокапятилетним франтоватым мужчиной с холеной бородкой, гуляющим где-то на юго-западе тогдашней России (скорее всего, в Одесской губернии). Сюжет прост: вечерняя прогулка, писатель, задумчиво закуривая, рассматривает окрестности. Такovy предлагаемые обстоятельства. Удастся ли в них поверить или нет, во многом зависит от того, что я услышу. И неким загадочным образом я буквально ныряю в дрожащий от комариного писка, теплый южный воздух, кисельно-густой от буйной флоры, забывая о франтоватой бородке и о времени-

месте, потому что сам, бывало (да, я верю в это!), гулял по полям и пригоркам, размышляя о татарах, которым, наверное, неудобно было на лошадях преодолевать все эти овраги и промоины. И уже не важно, гулял ли я где-то или нет, потому что слышен голос места, будто пространство овладело речью. Дальше уже совсем невнятно, только гуд и трепет. Это значит, что долго я еще буду бормотать обрывки этих строчек, и вспоминать их не к месту. Таков конечный итог многих произведений искусства: они падают в область солнечного сплетения, сдирая с тебя очередную шкуру.

Так как текст достаточно небольшой, как тропинка в поле, можно расставить вешки, флажки, отмечающие части, выбивающие душу с насиженного места и заставляющие ее грустно искать новое.

Начало — чистой воды провокация: «Край без истории. Все лес да лес, болота...». Тем более обидная, что подобное описание под-

И. Бунин

МОРЯ НЕ БЫЛО

Знаменитый поэт, прозаик и эссеист Кирилл Ковальджи родился в 1930 году в Бессарабии, долгое время жил в Одессе. Мы попросили его рассказать на страницах нашего журнала о старой, военной и послевоенной Одессе.

Почему рассказ о ней не получился?

... Валентина казалась мне, одиннадцатилетнему, очень взрослой, теперь мне трудно это понять... Я не упускал ее из виду, но держался на расстоянии — есть такая форма мальчишеского поклонения. Сохранился листок, где рассказ о ней начинался с описания сверкающего синего моря, хотя я ее у моря никогда не видел. Ну и что? Я же хотел написать рассказ, а не просто воспоминания. И рассказ начинался не с моря вообще, а с воскресного июньского утра, когда Валя прибежала купаться, еще не зная, что уже произошло, отчего наступила другая, страшная жизнь...

Красивая девушка входила в море — картина вдруг отдалялась, становилась круглым полем оптического прицела...

Начало так и повисло в воздухе, но я все возвращался мысленно к лету сорок первого года, осажденной Одессе, когда мы с мамой приютились беженцами в квадратном дворике, где среди множества соседей жила Валя, комсомолка, дочь циркача, светловолосая, большеглазая, лет восемнадцати. Она была окутана прозрачным облаком какой-то завтрашной радости, а вокруг была смерть, выли сирены, рвались бомбы. Пусть я ни капельки не сомневался, что мы не будем убиты, это просто-напросто исключалось, но все-таки чувства были обострены до предела.

В редкие часы тишины двор был полон кошек, почти все они принадлежали двум старым девам, живущим во флигеле у ворот, но куда было этим заурядным животным до Валиной обезьянки Микки, маленькой, строптивой и неистово ласковой. Помню, как Валя гладила ее, как они разговаривали: Валя — воркующими словами, а Микки — всеми лапками, хвостиком, телом...

В середине осени Одесса была сдадена, пришли румыны — мне они были не в диковинку, для Вали же, наверное, это было потрясением основ, полным переворотом.

Отца ее я не видел, он ушел на фронт до нашего появления в Одессе, Валя осталась с матерью, однако отец полновластно присутствовал в их единственной, но просторной комнате: стены были увешаны его афишами, фотоснимками (особенно поразил меня один, крупный, где он смеялся, взвалив себе на плечи молодого медведя). Пепельно-рыжая обезьянка свободно хозяйничала в комнате, стремительно носилась, визжала, прыгала, умудряясь, однако, ничего не опрокинуть, не разбить... Этот мирный уклад был теперь беззащитен и открыт всем ветрам. Я опасался, что и обезьянка и ее владелица попадутся на глаза оккупантам и это непременно плохо кончится.

Но действительный сюжет оборвался. Что было дальше — я так и не узнал, мы вскоре вернулись домой. Последнее воспоминание связано с Валиным горем. Кто-то с улицы подстрелил Микки, когда она взобралась на каштан во дворе, и обезьянка из последних сил — и сверх всяких сил — доползла до порога и только на руках у безутешной Вали позволила себе умереть...

Прошли годы, я учился в Москве, и однажды поэт Долматовский рассказал примечательную историю: во время войны немецкий солдат влюбился в украинскую девушку, заигрывал с ней, как умел, а она с ненавистью вырывалась из его рук, убегала. Немец не был зверем, но в ее

ходит практически к любой местности бывшей Российской Империи, кроме крайне южных и северных областей. В то время как каждое поле гордится своим происхождением от греков, хазар, Тамерлана, древних ариев, варягов или, в крайнем случае, каких-нибудь кривичей или вятичей, точный бунинский взгляд фиксирует: край без истории. Даже вековые яворы не помнят человеческих увлечений: их мир — это почва, ветер, вода, их переливчатые и опасные изменения, их в прямом смысле «не колышет», что поблизости ночует какой-нибудь хан со сказочной красавицей — что уж говорить о кустах и недолговечных травах.

Это пейзаж вне времени, застывший и неизменный. Его мог видеть и Овидий в своей далекой ссылке, и Гоголь, и Бунин, и мы. Даже наши потомки смогут увидеть его, если вся эта красота не погибнет в ядерной или еще какой-нибудь зиме. Однако при всей своей универсальности местность примерно определима, а поэтически даже конкретизирована благодаря одной броской детали: «в столетних яворах». Явор, по Далю — красивое кавказское дерево чинар (отсылка к известным кавказским странникам), в Малороссии — немецкий клен. Картина в стихотворении рисуется явно не кавказская, так что действие стихотворения концентрируется в южной Украине. Весенний, уже душный вечер с недавно проснувшимися комарами.

Со словами «стою, рублю кремень» стихотворение начинает шевелиться, происходит качественный сдвиг — причем, и на фонетическом, и на семантическом уровнях: через тяжелое и неуклюжее выражение «рублю кремень» в пейзаже появляется человек, запускающий историю. Лирический герой закуривает, стирает пот, и обжигающая жара начинает отступать, слышится тонкий вой мелких хищников-комаров. И через блестящее сравнение миниатюрного хора, одетого в невесомые плащи, с церковными певчими (вот еще одна провокация: гнус-клир), происходит взлет или, если угодно, падение в сказку.

Ужи, свистящие в куге (слово того же порядка, что и «яворы» — болотное крутостебельное безлистное растение) — совершенно «бабушкин» оборот, детское удивление и вера в то, что эти безобидные змеи свистят по вечерам. Тут же всплывает и ужинный король со своей свитой, и сметливые увальни, помогающие его родне. Солнце заходит, и в этом живом, одушевленном мире «заквохта'ла жаба» (просторечный перенос удара делает звук только громче); жаба, конечно, близка жуиному королю, — та самая, заколдованная страшной ведьмой, заброшенная в темную, дымящуюся воду.

Да, конечно (вот он, восторг узнавания) — колтунный край древлян. И далее рывок, сродни соколиному пику: от древлян к киевским князьям, через неизменных до самой революции смолокуров к строке, обнимающей всю современную Бунину культурную лексику — «и темных сумерек краснеющий шафран». Тут и ветреная Геба с ее кубком, и символистские видения, и, конечно, французский флёр, и главное — замечательный импрессионистский сгусток: ярко-оранжевый, переходящий в желтый и стремительно темнеющий. Мгновенный, в четырех строчках, рывок через всю литературу.

После остается только светлое пятно, блуждающее поверх предметов — мимолетный шрам, от яркого, вдруг срезанного света.

Владимир ЖБАНКОВ

глазах был именно таким. Он пережил войну и потом в ГДР с благодарностью вспоминал ту Оксану — с ее ненависти началось его прозрение.

Это было как раз то, что надо. Я вдруг увидел Валю с молоденьким румынским офицером и понял, что произошло. Мне ничего не пришлось придумывать, я хорошо помнил Валю, знал и румын, видел их в обыкновенной жизни, в довоенное время. Я легко представил себе офицера из вполне уважаемой семьи, недавнего гимназиста, он был начитан и удачлив, его любили и дома и в компаниях, потому он и не сомневался, что поразит Валю своей обходительностью, сумеет приручить циркачку-дикарочку из побежденной Одессы...

Воображение разыгралось, тем более что был тут и личный момент. Я познакомился с девятиклассницей и попытался шутя вскружить ей голову. И напоролся на такой серьезный, я бы сказал, идейный отпор, что вскоре понял, что без нее жить не могу. Бывалый студент, я растерялся, стал делать глупости и, понятно, с каждым провалом возвышал ее всё больше. Она четко и бескомпромиссно различала, где свет, где тьма, а я никакой цельностью не отличался... Короче говоря, мне захотелось стать таким, как она, — чистым, возвышенным, ежесекундно готовым на подвиг.

Невольно я передал Вале некоторые черты моей мучительницы, а офицеру — кое-что от себя, из того, что перемешалось во мне, и с замиранием сердца следил за драматическим поединком идей и характеров, двух, если хотите, миров, находил — себе в утешение — какой-то смысл и оправдание в неразделенной любви.

Румынского локотенента (лейтенанта) звали Тудор, он не просто увлекся, а глубоко и самозабвенно полюбил Валентину, буквально ошалел от ее красоты и строгости, но он был оккупант, враг, она отвергала его со всей резкостью, на какую была способна советская девушка, комсомолка конца тридцатых годов. Недоумевающий Тудор старался доказать, что он культурный, интеллигентный европеец, что у него лично нет никаких предубеждений против славян (война, кстати, уже кончается, пора думать о мирных отношениях), но Валя, несмотря на уговоры матери (в Одессе был голод), гневно и брезгливо отказывалась от его подарков и подношений — цветов, колбасы и хлеба. Однажды она так швырнула ему вслед консервы, что они со стуком покатались по двору. Так они весь день и лежали на виду, только ночью кто-то из соседей их подобрал.

Тудор, так сказать, был хозяином положения, на его стороне были все преимущества, вплоть до возможности применить грубую силу, а у Вали — ничего, кроме решительного нежелания признать его человеком. Тудор совсем извелся. Что же это такое, Господи? Почему, собственно, ему надо брать на себя ответственность за нападение на Россию, испытывать стыд перед этой девушкой, и даже чувство вины? Война ведь — как стихийное бедствие, от отдельных людей не зависит, он же к ней — с открытым сердцем, неужели это непонятно? Но ей было непонятно.

Так победитель был побежден, разбит наголову, точно он, православный, с золотым крестиком на груди, был безбожник и палач, а она, большевичка, — непогрешимая и святая! Невыносимо. Офицер плакал по ночам, погибал от бессилия, от открывшейся вдруг пустоты и никчемности своей безобидной и безбедной жизни в родном королевстве. Несчастливая любовь делала из него человека...

Я был доволен, чувствовал, что тут есть своеобразный поворот, даже представил себе, что может написать об этом доброжелательный критик.

Осталось только завершить рассказ, но сначала на моем лирическом фронте произошли благоприятные перемены, когда оказалось, что романтическое противостояние снимается сразу чем-то простым и естественным, давным-давно известным, но каждый раз открываемым заново. Менялось и время, ставило иные вопросы, предлагало другие сложности. К тому же я с удивлением увидел в первом выпуске «Дня поэзии» стихотворение Долматовского, которое называлось «Оксана» и где была вполне добросовестно изложена та история с немцем, я и забыл, что сюжет-то был не мой, и поэт имел полное право распоряжаться им по своему усмотрению.

Я не отказался от своего замысла, тешил себя надеждой, что напишу лучше, сильнее, но все-таки стихотворение чем-то мешало, и я отодвинул ненаписанный рассказ куда-то в сторону до поры до времени.

Лет через пять я оказался проездом в Одессе и успел забежать в тот самый квадратный дворик сорок первого года. Я был потрясен: все оставалось таким же, как тогда, только посредине двора вместо крытой «щели», куда мы набивались во время бомбежек, был разбит цветник, огороженный низеньким, словно игрушечным заборчиком. А галереи с верандами были те же, Бог мой, те же кошки заполонили двор, те же соседки судачили на солнышке у веревки, на которой сушились кальсоны. Одна из них признала меня: «А, — сказала, — помню, помню, вы жили у Погосовых, его осколком в голову стукнуло, так он тогда не умер, он теперь скончался...»

Я спросил про Валю. И совершенно неожиданно (я же свыкся со своим сюжетом и поверил в него) узнал, что она «сошлась с каким-то кавалером-мамалыжником», а когда наши в сорок четвертом стали приближаться к Одессе, с ним вместе удрала. С тех пор о ней ни слуху

ни духу. «Вы думаете — далеко она за ним бежала? А я думаю, что он бежал быстрее, так ей и надо, паскуде», — без всякой злобы сказала старуха и вопросительно посмотрела на меня. Я молчал. «А какая цаца была...» — покачала она головой.

Так рассказ был приговорен. Действительность жестоко обошлась с моим замыслом. Что-то ныло в душе, болело, и тогда вспомнилась подстреленная Микки, и я увидел Валу в ином, трагическом свете и понял, что она погибла. Сначала погибла нравственно, сломалась — скорей всего из-за матери, которая голодала, болела, но она-то, мать, и погибла первая, попала случайно в облаву, подвернулась кому-то под горячую руку. Валя этот удар восприняла как возмездие. Я увидел презрение и ненависть окружающих, бегство Вали и весь ужас ее одиночества: ей, опозоренной, уже никогда не вернуться домой, нет ей там места, нет прощения. И истекающая кровью Микки из последних сил ползла, лишь бы дотянуться до родного порога...

Но не хватало чего-то, рассказ буксовал. Может, потому, что в глубине души я не был уверен: горькая, вполне правдоподобная история, но так ли было на самом деле? Валя будто сопротивлялась отрицательной роли, она вставала перед глазами живая, неповторимая, в белом берете чуть набекрень, с легкой светлой прядью на лбу, ясноглазая, всегда готовая так приветливо улыбнуться, словно ты ей самый родной человек. Даже во время бомбежек, когда всем было страшно, она умудрялась улыбнуться, как бы обещая, что все обойдется...

Еще лет через десять я в составе делегации был в Яссах. Теплым вечером мы сидели на террасе ресторана, в соседнем зале пели цыганские скрипки, на середину стола дымящимся холмом водрузили мамалыгу со шкварками, по бокалам разлили сухое вино, я прикидывал, что скажу, когда подойдет очередь произнести тост, и в это время редактор отдела из еженедельника «Конворбирь литераре» наклонился ко мне и сказал, что молодой человек, сидящий напротив, прекрасно переводит русскую литературу и что он меня с ним познакомит. Зовут парня Думитру... Я посмотрел на него: ладный такой, синеглазый юноша с вьющимися волосами, лет двадцати с хвостиком. Когда он успел стать профессионалом? «Он свободно говорит по-русски, — продолжал редактор, — это у него от матери. Очень любит вашу литературу, в курсе всех новинок, вам будет интересно, но про маму все-таки не надо спрашивать». — «Почему?» — «Ну, как вам сказать... Давайте сначала выпьем за культурный обмен, за таланты. Замечательно: вы переводите нас, он — вас. Через

литературу мы открываем друг друга. Дай Бог всем понимания и чтоб никогда больше не видеть войны... Да... Вы, наверное, догадались: его мама русская. Его будущий отец в той несчастной войне попал в Одессу и там, представьте себе, женился. То есть, не там. Он привез невесту к себе домой, в Яссы. Сколько они пережили — сказать невозможно, но они не хотели расстаться. Сначала ее прятали от наших — при Антонеску, потом от ваших, пока все постепенно не утряслось...» — «Она жива?» — «Жива». Я почувствовал такое волнение, как на пороге нечаянного открытия, и понял, что не успокоюсь, пока не узнаю — кто она. Когда все поднялись из-за стола, я улучил момент и разговорился с Думитру, благо это было совсем не трудно, проблемы поэзии и перевода одинаково интересовали нас. Во время беседы я то с одной, то с другой стороны подкатывался к щепетильному вопросу о его маме, но без успеха. Думитру отвечал односложно и возвращался к стихам. Тогда я рискнул и в нарушение правил хорошего тона чуть ли не напросился на знакомство с ней. Дескать, я пережил осаду Одессы, как и она, и нам есть, что вспомнить... Но лицо Думитру стало серьезным и огорченным:

— Мама не любит гостей...

От неожиданности я смутился и замолчал. Неловкость скрасил Думитру, он извинительно улыбнулся и сказал:

— Да, у меня ее недавняя фотография. Вот. — И он достал из буфажника снимок.

Я долго на него смотрел. Я не знаю, что я увидел. Была ли эта пожилая женщина когда-то Валею или не была? На меня смотрела женщина с сухим непроницаемым лицом — такие дамы безукоризненно вежливы, они давно и достойно несут свой крест, никого не подпуская близко, словно у них никогда не было молодости и детства. Выражение привычной самозащиты и самоотречения, броня — и дистанция; то, что было, то закрыто, не ваше дело, меня для вас нет, я — только для сына...

Я вернул ему фотографию и уже не спросил, как зовут его маму.

...Я почему-то вспомнил, что начинал рассказ с описания моря. С моря, которого за всю осаду Одессы ни разу не видел. Даже в голову не приходило. Была война, никакого моря не было.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

МОЛЛИ МЭЛОУН

«Молли Мэлоун» — баллада, ставшая чрезвычайно популярной в Ирландии и Великобритании в исполнении таких фолк-исполнителей как «Dubliners», Лонни Доган и т.п. Большинство ирландских традиционных песен написано о любви либо к женщине, либо к Родине, либо к алкоголю (что в контексте песен часто отождествляется), плюс сдобрено грубоватым юмором. На этом фоне «Молли Мэлоун» — образец католического целомудрия.

Как это часто бывает с народными песнями, у «Молли Мэлоун» есть хорошо забытый автор — уроженец Эдинбурга Джеймс Йоркстон, опубликовавший текст песни в 1883-84 годах совместно с аранжировщиком Эдмундом Форманом. Критик Мария Килфитер утверждает, что «Молли Мэлоун» не могла быть сочинена на основе более старого фолк-произведения, так как мелодически соответствует не уличным балладам Дублина, а британскому мюзик-холлу этого периода. Версию об «исторической Молли Мэлоун» она считает nonsensom.

Впрочем, всё это не помешало стать песне символом Дублина, на одной из улиц которого установили памятник Молли Мэлоун, а футбольные фанаты местных команд используют различные куплеты этой песни в качестве кричалки. Относительно недавно в столице Ирландии была найдена также могила молодой женщины по имени Молли Мэлоун, якобы являющейся прототипом героини и умершей в 1699 году от рака. Комиссия по проведению Миллениума немедленно объявила день её смерти, 13 июня, «Днём Молли Мэлоун».

В России песня известна столько же времени, сколько существует мода на ирландский фольклор. Независимо от меня в 2008 году эта песня была переведена Романом Куниным — на мой критический взгляд, вполне удачно, хотя и несколько приукрашено по отношению к оригиналу. В моей версии «Молли Мэлоун», сделанной в 2005 году, полноправным соавтором необходимо считать Наталью Караковскую, которая придумала фонетически идеальный вариант припева песни.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

МOLLY MALONE

by James Yorkstone & Edmund Forman

In Dublin's fair city where the girls are so pretty
I first set my eyes on sweet Molly Malone
As she wheeled her wheelbarrow,
through streets broad and narrow
Crying cockles and mussels alive, alive-oh.

Alive, alive-oh. Alive, alive-oh.
Crying cockles and mussels, alive, alive-oh.

She was a fishmonger and sure 'twas no wonder
For so were her father and mother before
They both wheeled their barrows
through streets broad and narrow
Crying cockles and mussels alive, alive-oh.

She died of a fever and noone could save her
And that was the end of sweet Molly Malone
But her ghost wheels her barrow
through streets broad and narrow
Crying cockles and mussels alive, alive-oh.

МОЛЛИ МЭЛОУН

В ирландской столице, где красотки-девицы,
я встретил прекрасную Молли Мэлоун,
она шла неспешно меж улиц с тележкой
с криком: «Крабы и рыба — живее живой!»

«Живее живой, живее живой!»
с криком: «Крабы и рыба — живее живой!»

Родителей Молли тяжёлая доля,
как водится, не обошла стороной,
и они шли неспешно меж улиц с тележкой
с криком: «Крабы и рыба — живее живой!»

В тот год лихорадка скосила ирландку,
и больше на свете нет Молли Мэлоун -
лишь призрак неспешно проходит с тележкой
с криком: «Крабы и рыба — живее живой!»

**Перевод с английского
Алексея и Натальи КАРАКОВСКИХ**

ВАЛЕНСИЙСКИЕ КРУЖЕВА

Скромный успех какого-либо предприятия — вовсе не повод скромничать в работе. Тем более, если сам себя считаешь человеком творческим. Порой у иного малоизвестного музыканта можно обнаружить дюжину альбомов, записанных на уровне, которого не постыдились бы и звезды первой величины. Не повезло по-настоящему раскрыться? Ну и что с того? Когда главное для музыканта — реализовать ту музыку, что по его разумению во что бы то ни стало должна зазвучать, все это неважно. Если ты хоть чего-то стоишь — слушатели тебя найдут.

Несвоевременные песни

В начале 90-х отечественное телевидение пару-тройку раз демонстрировало загадочный видеоклип. Некоторые меломаны даже успели записать его на пленку, и потом часто ставили эту запись знакомым, вопрошая в конце показа: не знаешь про таких? Нет? Какая жалость... Песня действительно производила впечатление — причудливый арт-роковый вальс с занятыми мелодическими поворотами и пышной аранжировкой, да еще и в обрамлении передовой в ту пору компьютерной графики. Некоторый элемент интриги вносили и вокальные партии, до боли напоминающие манеру пения уже пару лет как покойного Фредди Меркьюри. Те, кому посчастливилось записать видео от начала до конца, даже знали, как это все называется. Субтитры гласили: «Valensia. Gaia».

Прошло время. Многие из меломанов тех лет позабыли и песню, и видео. Но кто-то из них пару раз выбрался в Европу. А кто-то получил возможность искать информацию в сети. Потом им стали доступны каталоги зарубежных фирм звукозаписи. Шаг за шагом — и постепенно завеса тайны над географическим названием с намеренной погрешностью в написании начала таять.

Ряд релизов Valensia можно отыскать в каталогах «Phonogram-Mercury» и «Universal». Хотя теперь большие фирмы крайне неохотно связываются с исполнителями арт- и симфо-рока в формах, приближенных к традиционным. А в тихие заповедники вроде «InsideOut» Valensia пока не стремится. К тому же это не совсем группа, а как говорят сейчас, «one man's band». Подумать только, все это буйство вокальных и инструментальных партий — плод трудов фактически одного человека... Одно время даже ходили слухи о том, что Valensia — созданная коллективом анонимных авторов группа-призрак. И тем не менее.

Все началось с человека по имени Альдо Байрон Валенсия Кларксон (Aldous Byron Valensia Clarkson), родившегося 13 апреля 1971 года в Гааге (Нидерланды). Маленькая Голландия изредка преподносит миру музыкальные сюрпризы, но еще реже весь остальной мир может оценить их по достоинству. Исключение разве что Shocking Blue, подарившие миру обойму потрясающих рок-боевиков и проложившие один из путей в хард-рок, но по большей части запомнившихся примитивно-дворовой песенкой «Venus» aka «Шизгара». Каковы будут в современном мире шансы пробиться к широкой аудитории у парня, учившегося музыке на лучших песнях Beatles, Queen, Kate Bush и Duran Duran? Тем не менее кое-что ему удалось.

Осенью 1993 года европейские хит-парады изумленно прогнулись под натиском сингла «Gaia» никому не известных Valensia. На первое место песню не допустил угнездившийся там мордovorот Meal Loaf со своей очередной балладой, тем не менее успех был налицо. За синглом последовал и альбом, записанный Альдо Кларксоном (вокал, гитара, клавишные, композиция, аранжировки) при поддержке сессионных ба-

систа и барабанщика, а также группы оркестровой поддержки. Первоначально проект предполагалось назвать Valensia, но по темным причинам «с» решили заменить на «s».

Альбом получился ударным и чрезвычайно разноплановым. Здесь есть и отголоски «новой волны» («My heart is in your hands»), и вычурное рок-кабаре («Scaraboushka»), и даже эксперименты с регги, ска и хип-хопом в арт-роковом прочтении («The Sun», «Mr. 1999»). Заглавная песня «Gaia» и финальный номер «1997» воплощали концепцию «матери-земли» в планетарном смысле, всегда готовой наказать своих детей за нерадивое отношение к ее богатствам. Год спустя альбом был переиздан японским отделением «Polygram». Вдогонку группа-проект выпустила EP «White Album», включавший, помимо собственных композиций, кавер на «A View To A Kill» Duran Duran.

В 1996 году Valensia разродились новым релизом «K.O.S.M.O.S.». Он был логичным продолжением предыдущего. Баллады стали более рафинированными, танцевальные номера прибавили в ритмичности. Водевильную тему продолжили франкоязычная «Chique, Mystique & Excentrique» и выдержанная в духе Sparks «The Cassiopeian». Регги-ритмика окончательно соединилась с инструментарием синти-поп на «Blasphemian Charlatan». Примечательно, что Кларксон всегда как бы ненавязчиво отвергал принципы современной танцевальной поп-композиции. К примеру, номер «Thunderbolt» прекрасно подходит для дискотек и даже несет в себе некоторые намеки на техно-музыку. При этом корни ее следует искать не в диско, а, скажем, в канкане. Такой вот евроцентризм в действии.

Увы, середина 90-х плохо подходила для продолжения подобных экспериментов. Запись «K.O.S.M.O.S.», первого в Голландии «Dolby Surround CD», обошлась «Polygram» в 200000 долларов, а немедленной финансовой отдачи музыка Valensia не подразумевала. Хотя в Японии правило «первого уик-энда» сработало, и дальневосточный филиал фирмы собрал хорошую кассу. Valensia были задуманы, как чисто студийный проект. «Gaia» невозможно исполнить, если не использовать записи или не нанимать большой оркестр», — объяснял такое решение Кларксон. Тем не менее, в октябре 1996 года Valensia (Кларксон и пятеро сессионных музыкантов) дали несколько успешных концертов в Токио.

Контракт с «Polygram» на родине Альдо Кларксон все же утратил, и следующий альбом (1998) был выпущен только в Японии. Этот релиз значится в каталогах, как «Valensia III», однако имеет совершенно невероятное полное название: «MUSICAL BLUE PARAPHERNALIAN DREAMS OF EARTH'S EVENTIDE WHITER FUTURE & DARKER PRESENT SOUNDSPHERES FROM NEW DIAMOND AGE SYMPHONIAN ARTWORKS TO YESTERDAY'S WESTERNWORLD ROCKCRAFT UNDER THE RAGING NINETIES' SILVER PROMISE OF THE HAPPY HUNDREDS ON THE BREAK OF THE NEW MILLENIUM'S HAZY MISTY DAWN». Уф-ф...

На новом альбоме Кларксон попытался обратиться к более простым, гитарно-ориентированным формам рока, да еще и с «альтернативным» оттенком. «Let's Talk About Me» пронизана «попрыгунчиковыми» ритмами, гитарным скрежетом и ди-джейскими скрэтчами, а техно-элементы в «Gantenbrink» стали прямо-таки навязчивыми. Это не сработало. Музыка Valensia уже тогда была некоей «отдельной реальностью», и уникальный стиль Кларксона выпирал из модных аранжировок, рождая диссонанс. По-настоящему на альбоме удались лишь финальная баллада «Millennium» и свирепый хард-роковый боевик «Dead Or Alive». В последнем Кларксон не смог удержаться от своего обычного шутовства — к громогласным хоревым рефренам там примешивается голос кукушки из часов.

Однако это было веселье через растерянность. Будущее музыканта и его проекта продолжало оставаться неопределенным...

2 скарамуша 2

На рубеже веков у Альдо Байрона Валенси Кларксона обнаружился «брат по разуму». Его соотечественник Робби Валентайн (Robby Valentine), виртуозный пианист и неисправимый романтик прог-хард-рока, с 1991 года точно так же мыкался между голландским и японским филиалами «Polydor», пытаясь донести до мира свою музыку, которую неожиданно взяли и объявили «неактуальной». Правда, в отличие от Valensia, у него была группа, с которой можно было давать концерты.

В 1999 году два Кларксона и Валентайн выпустили шикарный юмористический альбом «Valensia/Valentine». Эту работу можно сравнить разве что с музыкальными мистификациями Нейла Инесса Самые милые уму и сердцу рок-штампы и клише вырваны здесь из привычного контекста и помещены в совершенно иное окружение. Пост-битловские и пост-куиновские мотивы преобладают, однако нашлось место и изящной пародии на Sweet («Lion»), и реверансу в адрес Саймона и Гарфункеля. Песенку «The Internet» Кларксон и Валентайн исполнили с намеком на «Mrs. Robinson», на два голоса, и под две акустические гитары, только вот украсили ее треском модема в проигрышах.

Успех альбома сподвиг просвещенных рок-скоморохов на совместное японское турне. К сожалению, из Японии Альдо вернулся прямоком на похороны матери. Тем не менее следующая программа Valensia «Gaia II» (2000) удалась на славу. Название программы не просто напоминало о первом успехе, новые песни были более компактными и мощными. К тому же на помощь пришел технический прогресс: в этот раз Альдо колдовал над многослойными оркестровками лично. Лишь с записью партий ударных ему помог брат, Дэвид Кларксон (David Clarkson). Несомненными шедеврами стали симфо-роковая «Mayke & Veronique», пропитанная сэмплами духовых из шпионских боевиков «Acquelcuela», и исполнение испаноязычной песни «Hijo de La Luna» Meccana.

В доброй половине альбома безошибочно угадывались отсылки к классике рока. Так, «белое регги» «Celeste» вызывает в памяти Стинга периода Police, водевильный номер «Electric Lady House» напоминает Sparks, а баллада «Realm Of Nature» могла бы появиться на любом из альбомов Queen. Публика и раньше замечала поразительное сходство в манерах пения Кларксона и Фредди Меркьюри. Но на «Gaia II» (проект с Валентайном — не в счет), Альдо впервые сознательно этим сходством воспользовался. Аранжировка «Leu Park» весьма нахально напоминает о «Killer Queen», а «Phantom Of The Opera» — о «Bohemian Rhapsody».

Не без этих пост-модернистских игр в рок-жанры на рубеже веков впервые появились слухи, согласно которым Брайан Мэй и Роджер Тейлор обращались к Альдо Кларксону с предложением занять место вокалиста Queen, а тот отказался. Тем не менее однажды Кларксон принял участие в одном из сборных концертов серии «Queen Rocks», где пел в паре с Джэффом Скотт-Сото. «Я думаю, что это была бы хорошая идея — продолжить тур со связкой вокалистов, — размышлял Альдо. — Я не рекомендовал бы Queen работу с новым ведущим певцом». Как бы то ни было, а истории Queen и Valensia продолжают — каждая в своем направлении.

В 2002 году появился новый альбом проекта «Valensia/Valentine». В «City Lights» дуэт поприветствовал возродившихся из пепла E.L.O., а в «As Salam Aleikum» воскрешал гротесковый саунд Duran Duran. К сожалению, эта программа получилась несколько тяжеловеснее предыдущей: новую порцию рок-коллажей отличала не слишком уместная серьезность.

Намного удачнее оказался очередной продукт собственно Valensia. Программу «The Blue Album» отличал крен в старообразное психоде-

лическое звучание. К примеру, в балладе «Alyssa» можно услышать и тяжелые виолончельные записи, и гитарные пассажи в обратной записи. А номер «Burying Heather» исполнен в сопровождении струнного квартета на манер битловской «Eleanor Rigby». В остальном это самая «мюзик-холльная» программа проекта — веселее и безбашеннее «Inshallah» и «Bonaparte» Альдо Кларксон пока что ничего не сочинил.

Спекуляции на тему «Valensia и Queen» между тем продолжались: в 2003 году Valensia (по-прежнему Альдо и Дэвид Кларксон) выпустили «Queen Tribute». Интересно, что из всех аналогичных альбомов-посвящений, которых сейчас по всему миру насчитывается около полусотни, именно этот удостоился высокой оценки самих Queen. Однако эта работа показала, насколько далеки друг от друга при внешней схожести британские ветераны рока и молодые голландцы. Скажем, «Sheer Heart Attack» в исполнении Valensia отстоит от оригинала Queen дальше, чем «Tie Your Mother Down» в версии Motorhead. Вокальные гармонии в «I'm In Love With My Car» искажены так, как некогда изменял Дэвид Боуи хиты Yardbirds или Who. «Liar» имеет несколько иную последовательность куплетов, а «Killer Queen» сыграна в свободном размере — наподобие «Love Of My Life».

Вместе с тем альбом включает несколько вещей, которые вряд ли рассматривались кем-то до этого в качестве материала для «Queen Tribute» — например, песню Эдди Хауэлла «Man From Manhattan», в записи оригинала которой сессионно участвовали музыканты Queen, или написанную Брайаном Мэем для его первой группы Smile балладу «Polar Bear». Вот эти-то номера звучат в исполнении Valensia совершенно по-куиновски: своего рода реконструкция на тему «а что было бы, если бы...». И еще о Боуи: совершенно непонятно, каким ветром на этот альбом занесло его песню «All The Young Dudes», некогда сочиненную для Mott The Hoople, но и она решена в манере Queen... Позже, на вышедшем в 2004 году EP Valensia «Non Plugged», появился и постскрипtum этому необычному трибюту — «You take my breath away», записанная в манере «хор без инструментального сопровождения». На этом тему «Valensia и Queen» можно считать раскрытой и закрытой. И лишь добавить, что на волне интереса публики к «Queen Tribute» релиз Valensia «The Blue Album» был переиздан в Великобритании.

Вы будете смеяться, но продолжения не последовало. Более того, с 2004 года под вывеской Valensia более не вышло ни одного номерного альбома. Правда, к этому моменту Альдо Кларксон уже пользовался своим третьим именем, как первым, и в выходных данных своих работ фигурировал, как Валенсия Кларксон. Как и в хрестоматийном случае с Alice Cooper, название проекта стало сценическим именем его основателя.

В 2004 году Валенсия (Альдо) и Дэвид Кларксон основали новый проект — Metal Majesty, выпустивший два альбома на финском лейбле «Lion». Этот состав разрабатывает ниву симфо-хард-рока, основа инструментального звучания которого — вновь, как и в 1998 году, — гитары. Только на сей раз благородно-роковые, а не гнусаво-альтернативные. Клавишные ушли на задний план, а оркестровых сэмплов почти не осталось. Проект рассчитан на завоевание популярности у поклонников тяжелого рока, и тем не менее характерные для Valensia элементы порой проявляются и здесь, проглядывая сквозь самые тяжелые риффы.

Некоторые из тех, кому довелось ознакомиться с репертуаром Valensia и всех прочих проектов Кларксона, выносят вердикт: «Неоригинально!» Что же, быть может, оно и так. Но если «неоригинальные» опусы Valensia кому-то покажутся гораздо ближе душераздирающего авангарда — это нормально.

Дмитрий БЕБЕНИН

ОЛЕГ МЕДВЕДЕВ – ПОСЛЕДНИЙ РОК-ПОЭТ?

Для начала неплохо бы определиться, что такое рок-поэзия и существует ли она вообще. Самая простая формулировка звучит так: рок-поэзия — это текст песни, написанный рок-музыкантом. Здесь вопросов практически нет. В этом случае любой современный рок-музыкант является по совместительству рок-поэтом (естественно, если он написал исполняемые песни сам). Правда, как тогда быть с Александром Башлачевым и Янкой Дягилевой, которые выступали в акустике? Ещё один вариант: рок-поэзия — синтетическое искусство, включающее в себя три компонента: исполнение (шоу), текст и музыку. Но тогда все поющие авторы, без разделения на отдельные стили, — рок-поэты. Обе формулировки к заглавию не имеют никакого отношения. На самом деле над тем, как правильно сформулировать определение, бьются уже несколько лет филологи, и пока к единому решению не пришли. Тогда что же я имею в виду? Когда гуманитарная наука оказывается бессильна, самое время обратиться к общественному мнению, т. е., к простым слушателям. Потому как в общественном сознании всё-таки обозначился набор принципов, наличие которых позволяет добавить к тексту песни приставку «рок». Сформировал такое представление так называемый «Героический период русского рока» (1986-1991 гг.), и характеризуется оно всего двумя словами: «драйв» и «конфликт». Конфликт не обязательно социальный, хотя, конечно, и он в том числе. Именно энергия, агрессия, борьба, протест связываются массами с рок-поэзией (подчёркиваю — именно массами, потому что на самом деле русский рок гораздо многограннее, и сводить его только к конфликту — всё равно что сводить радуугу к одному красному цвету). И вот в этом смысле Олег Медведев последний и, может быть, единственный современный рок-поэт.

Тексты Медведева в большинстве своём энергичны, жёстки, оппозиционны (в широком смысле), и так же, как в перестроечное советское время, политизированы. В его песнях чётко вырисовываются два тематических вектора: конфликт с либеральной западной идеей и конфликт с массовой культурой, всеобщим упрощением, культом доллара, превосходством внешнего над внутренним. Со всем тем, что пришло вместе со «свободой» 90-х. Пришло извне. Тут нельзя не вспомнить точное

замечание Андрея Макаревича — «Свобода накрыла нас с головой, и нам казалось, что всё состоялось, но мы проиграли в этой войне». Причём вторая тема плавно вытекает из первой, ибо главной причиной всеобщей «дебилизации» как раз и становится западная (в частности американская) идеология общества потребления, которая как вирус проникла в Россию:

Вновь свои девизы поменяла знать —
С «Veni, vedi, vici» на «fuck твою мать» —
Западные кляксы по восточной степи.
(«Религия»)

Эта идеология подменяет высокое низким, извращает вечные ценности, пропагандирует распущенность, делает так, что святое становится несущественным, ненужным, грязным:

Рясы и погоны, кривые хари святых,
Буквы и экраны, скользкий ком правоты,
Катится повальная похабная хворь.
Праведное слово, как тифозная вошь —
Если ты согласен, значит, ты не живешь,
Спорь, моя неверная религия, спорь!

И дальше:

Лучше задохнуться, чем вдыхать этот дым,
Лучше быть коричневым, чем голубым.
(«Религия»)

Так же жёстко Медведев высказывается в знаменитой «Балладе о кроликах». Только теперь действие происходит на «вражеской» территории. Массовая культура, её фальшивость и пошлость настолько впитались и в сам либеральный социум, что даже три великих символа американского мира: Кролик Банни, Кролик Роджер и братец Кролик отказываются дальше в нём существовать и уходят на поиски новой, более чистой реальности:

На другой стороне Земли жизнь сладка, как сироп на роже.
В двухэтажной своей норе Братец Кролик сидел, скучал.
Как-то ночью к нему пришли Кролик Банни и Кролик Роджер,
Завели разговор за жизнь, заливая вином печаль.

Молвил Банни: «Обрыдло быть этикеткой для голых задниц.
Нынче днем я зарезал всех, финку выправив на ремне,
Взял надежду сухим пайком, соль со спичками бросил в ранец,
Я готов отправляться в путь, все, что нужно, уже при мне».

«В Калифорнии тишь да гладь», — мрачно вклинился Роджер-Кролик.
«В Голливуде и жизнь, и смерть — все — туфта, и даже небо там
Голубее, чем Элтон Джон и пошлей, чем рекламный ролик.
Даже если ведет нас черт, я пойду по его следам».
(«Баллада о кроликах»)

Конечно, в русском роке идея «падшей» окружающей действительности в том или ином варианте была развита. Только социальный контекст был другой. Рокеры противопоставляли свой образ жизни советской одинаковости и серости. В частности, это прослеживается в творчестве Майка Науменко. Но Майк ни с кем не боролся, он чаще наблюдал «сидя на белой полосе». Медведев же не пассивный созерцатель, он с новой «системой» борется. «Совок» заменил маскулт, но выход есть. Медведев видит спасение для общества и для самого себя (тут следует отметить, что герой так же подвержен духовному распаду, как и всё общество, нет противопоставления поэт-толпа, он не пророк, а один из многих) в той чистоте, которая заложена в нас с детства, в том внутреннем фильтре, который по мере взросления забивается всякими социальными надстройками и «здоровым» цинизмом. Фильтр, за которым люди постепенно перестают следить, хотя стоило бы.

Тряпочки для обтирки
И всяческие излишки
Смешались в свином корыте
В объедочный парадиз.

Держи же меня за шкуру,
Живущий во мне мальчишка,
Держи же меня за шкуру,
Не дай мне сорваться вниз.
(«Мальчик»)

Тотальной грязи и бездуховности мира может противостоять только детская незамутнённая честность, максимализм. Нерушимая вера в идеалы, в сказку, в мечту. Потому что «лишь детям да рудознателям нужны изумрудные города». Именно дети и сказочные персонажи в текстах Медведева выходят и «принимают бой». Такая вот романтика в начале 21 века, и в этом тоже состоит уникальность его поэтической системы. Нужна определенная смелость, чтобы позволить себе такое в наше жёсткое, основанное на тотальной конкуренции время. Позволить себе это может только тот самый внутренний мальчишка.

Книгам — отбой, сказкам — отбой,
Война стоит у дверей.
Здравствуй, мальчик, я за тобой,
Вставай и двинем скорей.

Под коврик ключ, и лишь шаг за край —
И счастье тем, кто не спал:
В седьмое небо идет трамвай,
Сдувая листву со шпал.
(«Мальчик»)

Наверное, не случайно в приведённой цитате есть отсылка к песне Виктора Цоя «Спокойная ночь». Знаменитую фразу: «а тем, кто ложится спать, спокойного сна», Медведев подхватывает: «и счастье тем, кто не спал». Цоя ведь тоже считают главным романтиком в рок-культуре. Неоромантиком. Но если его герой, «прочитавший вагон романтических книг», не знал, за что умирать, то Олег Медведев знает. Кстати, в чем-то идеалистическая атмосфера песен Медведева напоминает мне и атмосферу книг писателя Крапивина. Очевидны схожесть некоторых приёмов и общее мироощущение. Пожалуй, чтобы глубже понять Медведева, стоит обратиться к его книгам.

Я не случайно привожу цитаты из песен «Религия», «Баллада о кроликах» и «Мальчик». На мой взгляд, это квинтэссенция всего творчества рассматриваемого автора. То есть большинство его произведений (не все, подчёркиваю, но довольно крупный пласт) так или иначе, под разным углом зрения, несут изложенные мной идеи. Здесь он даже гораздо более последовательный рок-поэт, чем многие русские рокеры. Потому что в их творчестве такая конфликтность характерна в основном для определённого периода, о чём было уже упомянуто выше. Исключение составляет разве что Михаил Борзыкин и его «Телевизор».

Вроде бы всё ясно, но почему же я вынес в заглавие знак вопроса? Дело в том, что, при всей роковости текстов, Олег Медведев выступает как бард — в основном сольно, под аккомпанемент акустической гитары, и мелодически явно находится под влиянием родоначальников бардовской песни. В его творчестве мы наблюдаем уникальное слияние двух направлений русской песенной культуры: авторской песни и рок-музыки. Некий «промежуточный»³ новый жанр. Нечто, что может прийти им на смену (некоторые исследователи считают, что русский рок и авторская песня достигли апогея в своём развитии и находятся в тупике, т.е. двигаются исключительно по инерции) и продолжить эволюцию отечественной текстоцентричной музыкальной традиции. То, за счёт чего произойдёт обновление, прилив свежей крови. Именно поэтому я ставлю знак вопроса: рок-поэт или всё-таки просто поэт, без всяких приставок? Поющий поэт?

Литература:

1. И.Кормильцев, О.Сурова. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов [Выпуск 1]. Тверь, 1998.
2. А.В.Лексина-Цыдендамбаева. Неоромантический импрессионизм как основа художественного мира Виктора Цоя. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов [Выпуск 2]. Тверь, 1999.
3. А.Обыденкин. Произвольная Космонавтика. Рязань, 2006.

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

ЛИТЕРАТУРА БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ

Часто приходится слышать горячие споры о том, какому жанру принадлежат шишки в лесу Большой Литературы. Что же такое Большая или Настоящая литература, где ее средоточие — тот центр, от которого можно отсчитывать степень удаленности того или иного жанра, будь он фантастика, фэнтези, «женский любовный роман», детектив или триллер? На этот коварный вопрос для нас отвечает востоковед и литератор Александр Немировский.

Дело в том, что никакого объективного «центра литературы» нет. Есть представления о том, кто из литераторов чего достоин, присутствующие у разных людей и коллективов людей. Собственно говоря, есть три-четыре типа носителей этих представлений. Первый из них — частные лица, в него входят два подтипа: читатели «рядовые» и читатели «продвинутые» (отличаются от рядовых не числом, а многообразием прочитанного; грубо говоря, кто прочел и Гончарова, и Толстого, и Головачева, и Олди, и Библию, при прочих равных будет знать и различать по личасти больше, чем тот, кто читал что-то одно). Второй тип — книгопродавцы: издательства, выпускающие разнообразную литературу, но прежде всего — массового спроса. Еще один тип — меценаты, это фонды и издательства, прицельно поддерживающие литературу немассового спроса сообразно представлениям глав и сотрудников этих фондов и издательств о Настоящей Литературе.

Оценки всех этих категорий и формируют некий рейтинг литератора в глазах читающей публики. При этом все (кроме некоторых рядовых читателей) понимают, что привлекательность книги создают 1) язык + интонация + колорит; 2) суть коллизий (идейных, психологических и т.д.) + меседж, в них и в их подаче и расстановке выраженный; 3) та или иная построенность, закрученность, затейливость сюжета (включая «сюжетообразующие идеи») и, наконец, 4) декорации, антураж.

Чем больше соизмеримого и ассоциирующегося с собой, своим внешним и внутренним опытом (включая мечты и фантазии), найдет читатель, тем больше при прочих равных его будет привлекать книга. При этом все (кроме некоторых рядовых читателей) понимают, что имеется некая существенная разница — не иерархическая сама по себе, просто видовая — между той литературой, которая привлекает прежде всего или в высокой степени факторами 1-2, и той, что привлекает прежде всего или только факторами 3-4.

К примеру говоря, «Дуэль» Чехова, «Обломов» Гончарова или «Левша» Лескова факторами 3-4 привлечь практически никого не смогут, и их поклонники ценят их исключительно по факторам 1-2. Едва ли кому-то интересно, что произойдет с фон Кореном и Лаевским помимо интереса к самим фигурам обоих. Тот, кто не заинтересуется ими самими и сутью их противостояния, не заинтересуется и ходом и результатом ононого. Иное дело — чтение обычного триллера: читатель интересуется ход и развитие дела как таковое (фактор 3) совершенно независимо от того, интересуют ли его характеры героев или суть их столкновения. Как правило, в триллере ни то, ни другое читателя не интересует совершенно.

Когда «большую литературу» противопоставляют «беллетристике», под первым термином имеются в виду тексты, берущие в первую голову факторами 1-2, а под вторым — те, что берут факторами 3-4. Иными словами, чем меньше антуражно-сюжетных факторов нужно, чтобы зацепить читателя, тем более — при прочих равных — «большой литературой» является текст. Представление о «большой литературе» как о чем-то высшем, в принципе, справедливо — в том смысле, что ей требуется большее искусство в области главного — языка, коллизий и меседжа — чтобы привлечь читателя, так как подпорки в виде бластеров, колесниц и хитро закрученных сюжетов у нее нет.

Что может значить утверждение «фантастика признана как жанр большой литературы»? Только одно: многие граждане признали, что т.н. фантастика берет не обязательно факторами 3-4, а вполне может брать и факторами 1-2 — в достаточной степени, чтобы соответствующие тексты числить по ведомству «большой литературы». При этом они все равно займут там, как правило, периферийную позицию, потому что факторы 3-4 по-прежнему служат сильнейшими дополнительными подпорками в привлечении читателя. «Оно» Кинга привлекает читателя не только и не столько сюжетом, сколько характерами и судьбами героев — то есть коллизиями и меседжем (а также интонацией и атмосферой, «музыкой» текста и выстраиваемого им мира). Но тем не менее легко можно представить себе читателя, которому совершенно не интересно все вышесказанное, но все равно очень интересно, что ж это такое за «оно», да как оно кого жрет, и вообще что там будет дальше. А вот читатель «Ярмарки Тщеславия», если уж он не заинтересуется характерами и коллизиями, то не заинтересуется и действием.

Говорят, что в последние годы происходит переоценка фантастики: жанр, прежде прочно ассоциировавшийся с «беллетристикой», теперь считается частью «большой литературы». Но никакого процесса переоценки фантастики нет, есть лишь процесс изменения самой фантастики. Несколько десятков лет люди, бравшиеся за фантастические и мистические сюжеты, совершенно сознательно хотели делать ставку на факторы 3-4. Что, кого-то заинтересует характер Конан-варвара и коллизии духа, в которых он оказывается?! А потом ряд людей стал писать на подобные сюжеты произведения, уделяющие существенное внимание факторам 1-2. И как только это случилось, так про них и стали говорить, что они постольку «большая литература», поскольку двигатели у их книг работают на горячем 1-2, без переноса центра тяжести на горячее 3-4. Это не процесс канонизации жанра, а процесс появления текстов с новыми свойствами в рамках самого жанра. «Как перестал я брать взятки, так про меня и перестали говорить, что я их беру».

Вот поэтому Бредбери и Кинг — это «большая литература» (на вкус многих, очень хорошая), а «Конец Вечности» Азимова — это несомненная «беллетристика» (на вкус многих, тоже очень хорошая), потому что там факторы 3-4 вырвались далеко вперед по сравнению с факторами 1-2.

Алексей НЕМИРОВСКИЙ

НЕ ВЕРЬ СЛОВАМ

Каждый раз, начиная очередной текст в столь неблагодарном и не благородном (какое уж тут благородство) жанре, как критика, я думаю, что могла бы использовать время, потраченное на него с куда большей пользой. Однако повод опять и снова находится: либо мне предлагают озвучить некое событие, либо я сама, дойдя до условной «точки кипения», обращаюсь к «презренному жанру». Непросто сидеть на нескольких стульях сразу, да и стоит ли?.. То один качнется, то другой — за двумя мартовскими зайцами, знаете ли... Или это они — зайцы — за мной?... Пиф-паф. More krovi.

Однако я научилась смотреть на все эти выкрутасы сквозь пальцы: лебедь, шука и рак души моей (о, как страшно! как некрасиво! вульгарно!), бойня правого полушария с левым, холодная война «плюса» и «минуса», «чувственного» и «рационального», «иньского» и «янского»... Ночной кошмар любого литератора, раздавшего себя (будто Лошарик — собственное тело) текстам, текстам, текстам.

«Искусство — низшее из высших»; когда-то в юности я почитывала Ошо, и фраза эта, впечатавшись в голову, долго не давала покоя. Я злилась, бушевала, сжимала кулаки: «Искусство — низшее из высших? Да как он смеет, гуру чертов! Этого не может быть... просто потому что этого не может быть!». Однако чем больше я писала, чем «сделаннее» оказывалась проза, когда пришло понимание, на какие «болевы точки» читателя я хочу надавить и чем именно, тем меньше появлялось новых рассказов: «Зачем? Всё уже было!» — чистый лист/Документ Microsoft Word показался вдруг идеальным воплощением формы и содержания, эталоном красоты, могущественной, самодостаточной, совершенной субстанцией, движущей — и все-таки берегитесь подобно го фалоса — мирами, да-да.

Болезнь (назовем так стандартный «писательский кризис») прогрессирует. Я думала, что брошу «всё это», став наконец-то — счастлице погибшего Икара! — «просто читателем».

... Беккету в конце жизни слова казались «ненужным пятном на тишине». Чоран с горечью констатировал: «Я — писатель, который не пишет». «Куда мне до Беккета и Чорана», — осознавала я, чувствуя, однако, тот же ноющий «корень», проклятие ремесла, выливающееся в абортарий не только абзацев и глав, но даже слогов. На самом деле, не будь его, ничего б у меня не вышло. И — до сих пор стыдно за свои ранние тексты. За тексты, даже вошедшие в книги (это, как оказалось, ничего не меняет).

... но почему столько авторов, переплавляющих «жизнь как она есть» в буквы, не краснеют за собственные «нетленки» даже в одиночестве (*тем более в одиночестве*)?... Всё чаще, как ни садись, вспоминается небызвестная басенка на тему «посадочных мест» для музыкантов.

Речь идет об авторах как молодых, так и вроде бы зрелых, «стоявших». Читая книгу небызвестного прозаика N, я, закусив губу, перелистывала страницы, пестрившие ляпами... Увы, N никогда не поймет, почему я не стану писать о его «произведении», анализировать «его творчество».

Почему я сравниваю литературу и музыку? В музучилище у меня был блестящий педагог, ученик бывших студентов Нейгауза и Игумнова — Александр Рувимович Попох (в МПГУ, кстати, с Аллой Григорьевной Каузовой повезло в чем-то не меньше). Многочасовые занятия за роялем, пусть и не всегда желанные, научили профессиональной работе над любым текстом: только теперь понимаю, какой удачей оказался мой

«полупроходной» литинститутский «недобалл»! Там-то, на Тверском, из меня уж точно вытрясли б «всю душу» — знание убивает любовь чаще, чем принято думать... И так, фортепианная игра научила работе как над звуком, так и над словом — впрочем, осознала я это, как и многое другое («сугубо профессиональное»), лишь удивленно подступая к тридцати.

В классе Попоха работа над каждой музыкальной фразой, каждой ферматой и паузой была скрупулезной и подчас, что скрывать, раздражала. Однако он учил волшебству, зная, как именно — с помощью какого приема (!) — вдохнуть в звук чудо живой жизни. Порой лишь потом, на концерте, приходило понимание: «Всё так и должно было быть, только так и нужно играть... Он прав». Музыка — счастье, навсегда торчащий из спины нож — ушла в кончики пальцев, да так там навсегда и осталась: ни дать ни взять — Спящая красавица, оборотень. Что же до поцелуев «прекрасного принца», то прикосновение все тех же (когда-то «музыкальных») кончиков пальцев к клавишам ноутбука, пожалуй, и есть «то самое»: самое важное, бесценное, никогда не названное.

Работа над фразами музыкальными сродни работе над текстом словесным. Legato на пяти нотах в правой. Una corde. Moderato. Мягкий глубокий бас. Portamento в левой. Subito forte. Staccato. Non legato на pianissimo. Фермата...

Музыка слова — вовсе не миф. Немало литераторов «отравлены» ею: скажем, Legato из пяти предложений в темпе Moderato или Allegro vivace в финале — «код» для них подчас более доступный, нежели стандартный синтаксический (грамматический и пр.) разбор предложения (бывает, конечно, что и не в коня корм). Но есть ли для пишущего яд «более лучший», как написал мне по имейлу один «более прозаик»?!

... Дописав некий текст, я перечитываю его через несколько дней/месяцев, затем убираю «хвосты». Буквы «отлеживаются». За это время «мятежный автор» уступает место «холодному редактору» и/или «желчному критику».

Некоторые (с неумолимым упорством от Varanoff) полагают, будто форма их текстов совершенна именно благодаря «насыщенному содержанию» (выплеснутые в бумагу/Документ Microsoft Word эмоции, разумеется, кажутся райтеру в момент работы над текстом «самыми важными в мире»: увы, относиться к ним критично он может далеко не всегда). Между тем, форма и содержание суть одно. Быть может, форма и есть содержание (но не содержание есть форма): сямские близнецы. Прооперируй их «из лучших чувств» — и что?..

«Язык — это не «мама мыла раму»» (из *частного письма*): увы-увы, редакторская работка «подарила» мне тонны, по большей части, чудовищных текстов, написанных в самых разных стилях: пора составлять «Коллекцию нефункциональных букв»...

Возможно, когда-нибудь чистый лист не вызовет в авторе привычного зуда заполнить его буквами, как случилось, скажем, с героиней романа О.И. Татариновой «Spring. DOC»: «Сейчас бы она смогла бы, наверное, написать этот рассказ. Не потому что знает ответы на все те вопросы, которые мучили в молодости, — нет, по-прежнему не знает, — а потому что научилась строить фразы по своему желанию, а не как получится, и добиваться, чтобы куст олеандра пах и солнце на пляже пекло. Но теперь, пропасть такая, все это расписывать скучно, а писать все время хочется, неумное свербящее чувство...». Тогда, пожалуй, он, автор, действительно услышит «хлопок одной ладони», и это будет той самой «музыкой слова»: единственно важного. Настоящего. Невысказанного.

Наталья РУБАНОВА

ПРО СЛОВА И ЛИЧНОСТЬ

Вначале всегда слово — то есть сценарий всего-всего. Берешь кусок бесконечности в руки, выковыриваешь одну-единственную молекулу, лишаешь ее атома в исследовательских целях, а потом обустройстваешь безжизненную частицу кирпичами согласных, гласных, суффиксов, слов, предложений, абзацев, понятий, идей, мировоззрений, учений, образов... Отграничиваешь, короче, его от вселенной, чтобы построить свою реальность. А сама думаешь — вот, я определила атом! Я сварганила из него личность! Очередной тараканий домик, в котором насекомые могут бегать и развлекаться, упиваясь виртуальной игрой по правилам «моей» личности.

Стихоплести я стала лет с четырёх-пяти, видимо, пытаюсь понять устройство окружающих словесных кирпичей, опаутинивающих меня и всасывающих в мертвящее болото социального воспитания. Трудно представить, насколько стихи были идиотские. Годом к десяти я строила романы, тоже тупейшие, без сомнения, со сплагиченными из любимых книжек сюжетами. Романы писались в специальных тетрадках с листами, прожаренными над газом и сшитыми грубой ниткой, для красоты, типа.

А любимым занятием в школе было написание сочинений. При чем устойчиво практиковался сеанс одновременного сочинительства контрольных опусов за одноклассников с негуманитарным видением реальности. За урок я успевала помочь иногда пяти или восемью ученикам, с радостью выдумывая для каждого индивидуальные мысли

и образы, соответствующие заданным по программе темам. Они получали четверки, пятерки, там уже как кто умел переписывать, а мне было дико приятно за каждую положительную оценку моих конъюнктурных импровизаций. Наверное, одноклассники и учителя были первыми читателями, не всегда об этом подозревая.

И зачем меня тянет писать? Вывязывать кружевами слов новые виртуальные горки и карусели? Ну, во-первых, на горках катаюсь первой. А если поглубже поковыряться — принцип творчества-созидания наталкивает личность на понимание, что творчество — это закон жизни, и когда-нибудь можно научиться свою жизнь превращать в роман, став автором и читателем одновременно. Так оно и происходит, только механизмы, они ж скрыты! Вот творцы их и изучают по макетам для духовных дегенератов, называемым искусством, если, конечно, в лучшем случае.

Вот и всё. Всего-то навсего! И какая теперь разница, на скамейках какого вуза протирала «типа моя» личность свои джинсы, юбки и прочие одеяния?

Ну, на филфаке одесского универа! Учиться нравилось, чему-нибудь, наверное, научили, пристроилась пара улиц, проспектов и переулков...

Потом, как ни жалко, пришлось работать в газетах и описывать что попало в каких попадетсся жанрах, оттачивая технологии словоблудства. Одесские СМИ, агентства рекламные, Одесса, Киев, опять Одесса... Приблизительно тем же занимаюсь и до сих пор в роли с тяжеловесным названием «копирайтер». Только в этом случае оттачиваются технологии словоблудства в контексте коммерческих форматов и гадких НЛП-технологий наглого рекламного терроризма.

А еще стала замечать любопытно-таинственные факты. Многие выдуманные в моих текстах вещи материализуются в материальной реальности! Ну вот как-то в один недописанный до сих пор мистический опус я поместила своих гениальных друзей-дизайнеров, с которыми работала вместе в Киеве. Имена их даже не изменила. Они там нашли гору денег волшебным способом и открыли собственное агентство. Так вот, всего через пару месяцев после фиксации этой игрушки воображения — ребята взяли вдвоем, да и открыли своё агентство, не подозревая ни о каких моих словобдениях.

И таких примеров великое множество. Поэтому пишу я теперь аккуратно — если гадости, то про прошлое, а про будущее-настоящее только позитивности, мало ли чего...

А как-то мне вручили серебряное перо Руси. Просто я очень хотела Москву увидеть, а повода не было. И когда пришло приглашение на такой конкурс с обещанием эксклюзивных призов и вручением их в русской столице, я поняла, что появился, наконец, повод, и победила. Потом я в Питер еще съездила. Мне путешествие Москва-Питер с самого детства снилось, а теперь больше не снится — материализовалось.

Елена КУТИНОВА

ВЕТЕР СЛОВ. МЫСЛИ О ПОЭЗИИ

Поэты-халтурщики (или, как их часто называют, «графоманы») часто защищают свои неумелые вирши, апеллируя к той точке зрения, что поэзия — дело духовное, а филология и даже просто элементарная грамотность ей только вредит. Их идеал — слепая вера, учащая смотреть даже не между, а мимо строк, ибо сами по себе они не несут ни малейшего смысла. Являясь в целом сторонниками противоположного, гностического подхода к литературе, мы посчитали нужным разыскать человека с хорошим вкусом, который внятно и интересно рассказал бы о неблизкой нам, но животрепещущей проблеме — РОЛИ ДУШИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

Кто он, наш эксперт? Александр Чулков родился в Советском Союзе, в городе Львове, 12 июля 1962 года. Учился на факультете военной журналистики во Львовском высшем военно-политическом училище. Однако большую часть жизни профессионально занимался изобразительным искусством и литературой. Живёт в Чехии.

Возможно, некоторые идеи Александра Чулкова покажутся несколько консервативными, но его позиция хороша тем, что она несёт себе не апологию секты, а попытку разобраться. Не в душе, конечно, а в поэтической интуиции...

В последнее время меня часто просят объяснить, как пишутся стихи. В наивности этого вопроса скрывается вполне серьёзное желание молодых и немолодых людей овладеть тайнами творчества. И я их понимаю. Если душа требует, её надо слушаться.

Мне бы не хотелось никого отправлять к тем книгам, где описывается и объясняется, что такое ямбы, хорей, анапесты и т.д. Мне бы вообще не хотелось говорить о стихосложении, о той научной правильности, от которой всё равно ничего живого и ценного не рождается. Более того, я убеждён, что всё, что человеку нужно для творчества, есть у него внутри: в мысли, в сердце, в душе, называйте это, как хотите.

Мне попадались интеллектуалы-филологи, которые были очень эрудированны и разбирались во всём... А только главного не чувствовали — самой красоты поэзии. В искусстве вообще невозможно обходиться только умом. Ум — вещь вспомогательная, он для анализа, вычислений, для навигации и управления техническими процессами... А главное то, в существовании чего до сих пор многие ещё не уверены...

Я не могу никого учить, я не Господь Бог. Попытаюсь просто поделиться своим видением основных слагающих творчества. Надеюсь, что хотя бы косвенно тем, кто хочет что-то понять, это пригодится...

Для меня всё то, что написано в рифму, делится на две категории: на стихи и на поэзию. Стихов на свете гораздо больше, чем поэзии. Конечно, никто точно этого не может подсчитать, но по моим личным ощущениям, стихов — примерно 95%, а поэзии — примерно 5%. Может, и того меньше... Как это понять? А так, что берёшь любого автора, любого поэта, любую его книгу и простым карандашом отмечаешь те места или строки, которые тебе очень нравятся.

Почему нравятся? Потому что они красивые, сильные, особенные... Они берут за живое и заставляют душу открываться какой-то, невыразимой словами, Истине и Доброте. Они меняют тебя к лучшему. И вот тогда, пройдясь по томику любого классика, обнаруживаешь странную вещь... К примеру, перечитав Лермонтова, его стихи и поэмы, я не нашёл для себя ничего ценного в больших произведениях. Мне ничего

не дают ни “Мцыри”, ни “Бородино”, ни многое другое... То есть, говоря проще, они мне — ни уму, ни сердцу... И ещё понял то, что Лермонтов всё-таки достиг вершин Мировой Гармонии, но не в батальных и эпических сценах, не в “скажи-ка, дядя”, а в совершенно других строках. Например, в этих:

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
ты ангелом будешь, я демоном стану!..

Вы слышите это?.. Какая тихая, грустная интонация и какой вой души! Какая боль, надежда, любовь ко всему тому, что обожаемо, но неминуемо должно кануть навеки...

Дальше, к сожалению, хуже, но эти четыре строки очень удачные... Или в стихотворении “Ангел”:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел.
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
под кущами райских садов,
О бже великом он пел, и хвала
Его непритворна была...

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз,
И звук его песни в душе молодой
Остался, без слов, но живой...

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна.
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли...

Если вдуматься в смысл сказанного, то совершенно непонятно, почему и куда ангел несёт чью-то младую душу. С земли на землю? В ад? Но это вообще не дело ангелов... Но в принципе, я не об этом. Я о том, что Лермонтов нашёл здесь удивительно красивую музыкальную интонацию, размер строки...

Весь Лермонтов, вся его душа — это восемь-девять подобных стихотворений. Их я называю поэзией. Остальное — те самые стихи.

Так можно и нужно подходить к любому из нас. Важен не объём слов, важен объём духа, концентрация чувств и неповторимость ежедневной интонации, то есть того ключа, который открывает вас, как старую тюремную дверь... Важна приходящая свобода понимания смысла бытия, важно прозревание и очищение — катарсис... Ибо стихи очищают, как говорил Пастернак. И это абсолютно правильно сказано. С той лишь разницей, что я уточняю: поэзия очищает.

Вы спрашиваете, как пишутся стихи? Из какого сора, говоря словами Ахматовой, рождается что-то путное?... Я могу поделиться только своими соображениями и опытом. И я понимаю, что они не являются ни абсолютной непогрешимой истиной, ни единственно правильным мнением. Всё индивидуально... Всё имеет место и право быть в этом мире...

Я вообще думаю, что главное в процессе творения — найти первые строки, то есть матрицу. От них зависит, что вырастет дальше... Здесь всё происходит точно так же, как с ростом снежинок, кристаллов, жемчужин... Едва ли не абсолютно всё зависит от начала. Дальше нужно просто продолжить и стараться почувствовать, когда тема, мысль, эмоции исчерпаны, и когда уже нужно остановиться.

Матрица — фундаментальна. В процессе написания может происходить что угодно, развиваться своя особенная драматургия, с акцентами, паузами, модуляциями, вкраплениями самых разнообразных элементов и т.д. Здесь всё зависит от вкуса, опыта и характера автора, от его склонности к давно известному или же наоборот, к авангарду, то есть к чему-то ещё неизведанному, новому, свежему...

Не менее важно уметь закончить стихотворение. Окончание тоже должно быть сильным, оно не может быть безвольным или подобным какому-нибудь “и т.д.”

В моей рабочей поэтической тетради часто две-три страницы заполняются различными началами-матрицами, пока я не сталкиваюсь с чем-то особенно меня увлекающим. Тогда пытаюсь писать, пока пишется... Если удаётся, то до конца, если нет, то я просто оставляю неоконченное на потом. Попыток продолжить удачно начатое стихотворение может быть сколько угодно. Хоть тысяча... И дописать вы его сможете через 10, 20, 30 лет или никогда... Всё возможно. Но нет смысла спешить, потому что от спешки или перенапряжения ума ещё ничего хорошего не получалось...

Матрицы можно находить разными путями. Маяковский говорил, что перерабатывает “тысячи тонн словесной руды, единого слова ради”... Не знаю, как он это делал. Что применял, какой экскаватор или драгу, чтобы выловить зёрна поэтического золота... Лично я использую метод локатора. Ведь вы всегда что-то думаете или говорите. Ваш мозг рождает какие-то фразы. Иногда они стоят того, чтобы их записать. Из них в будущем могут получиться хорошие стихи... Если вы не запишете их сразу, то почти со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что они потеряны уже навсегда. Для того, чтобы “воспитать” в себе локатор, то есть способность всегда быть настороже и в готовности определить красоту и новизну сказанного или подуманного, нужна практика. Вы должны отработать в себе это качество, закрепить на рефлекторном уровне. Это подобно тому, как не задумываясь, стараетесь поймать случайно обронённый вами предмет. Должна сработать автоматическая реакция. Как её обострить, закрепить в себе? Наверное, так, что вы должны осознать, что поэзия для вас — очень важное дело. Едва ли не самое важное... Мозг должен это понять. Вы не можете его перестроить физически, не можете влезть туда с гаечным ключом и наладить всё так, как вам нужно. Вы должны сосредоточиться, сконцентрироваться, переместить акценты по жизни... Для вас это должно быть точно так же важно, как умение переходить дорогу или уклоняться от удара. По большому счёту искусство поэзии — это то же кунг-фу, у-шу и всё такое... Концентрация, лёгкость, движение, балет... Здесь невозможен тяжёлый железобетонный подход под лозунгом “Надо!” Мировой Гармонии плевать на все ваши “надо” и “хочу”. Хочешь?.. Тогда стань и будь. Превратись в слух и открытое сердце. Брось всякую защиту, броню,

разные “можно”, “нельзя”... Стань гол и наг перед дыханием бездны и шёпотом звёзд... Только так ты сможешь что-то понять и создать что-то стоящее...

Как начинается поэт? Так, что кто-то другой его зацепит своими стихами. Меня “родил” Андрей Вознесенский. Его “Плач по двум нерождённым поэмам.” Совпало место, время, настроение, моя способность воспринимать... В моём ВУЗе была удивительная преподавательница русской литературы. Когда она прочитала аудитории эту вещь, я был потрясён. Понимаете, со мной мало того, что говорили современным языком, сочно, интересно, свежо, но и без всяких этих “вдохновенный — упоенный — преклоненный...”, которыми грешили Жуковский, Баратынский, Пушкин и многие другие русские классики жанра. Я хочу привести его целиком, оно того стоит.

ПЛАЧ ПО ДВУМ НЕРОЖДЁННЫМ ПОЭМАМ

Аминь.

Убил я поэму. Убил, не родивши. К Харонам!

Хороним.

Хороним поэмы. Вход всем посторонним.

Хороним.

На чёрной Вселенной любовниками

отравленными

лежат две поэмы,

как белый бинокль театральный.

Две жизни прижались судьбой половинной -

две самых поэмы моих

словыных!

Вы, люди,

вы, звери,

пруды, где они зарождались

в Останкине, -

в с т а н ь т е!

Вы, липы ночные,

как лапы в ветвях хиромантии, -

встаньте,

дороги, убитые горем,

довольно валяться в асфальте,

как волосы дыбом над городом,

вы встаньте.

Раскройте, гробы,

как складные ножи гиганта,

вы встаньте -

Сервантес, Борис Леонидович,

Данте,

вы б их полюбили, теперь они тоже останки,

встаньте.

И Вы, Член Президиума Верховного Совета

товарищ Гамзатов,

встаньте,

погибло искусство, незаменимо это,

и это не менее важно,

чем речь

на торжественной дате,

встаньте.

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Их гибель — судилище. Мы — арестанты.
Встаньте.
О, как ты хотела, чтоб сын твой шел чисто
и прямо,
встань, мама.
Вы встаньте в Сибири,
в Париже, в глухих городишках,
мы столько убили
в себе,
не родивши,
встаньте,
Ландау, погибший в косом лаборанте,
встаньте,
Коперник, погибший в Ландау галантном,
встаньте,
вы, девка в джаз-банде,
вы помните школьные банты?
встаньте,
геройские мальчики вышли в герои, но в анти,
встаньте,
(я не о кастратах — о самоубийцах,
кто саморастратил
святые крупички),
встаньте.
Погибли поэмы. Друзья мои в радостной
панике -
«Вечная память!»
Министр, вы мечтали, чтоб юнгой
в Атлантике плавать,
Вечная память,
громовой Ливанов, ну, где ваш несыгранный
Гамлет?
вечная память,
где принц ваш, бабуся? А девственность
можно хоть в рамку обрмить,
вечная память,
зеленые замыслы встаньте как пламень,
вечная память,
мечта и надежда, ты вышла на паперть?
вечная память!..
Аминь.
Минута молчанья. Минута — как годы.
Себя промолчали — всё ждали погоды.
Сегодня не скажешь, а завтра уже
не поправить.
Вечная память.
И памяти нашей, ушедшей как мамонт,
вечная память.
Аминь.
Тому же, кто вынес огонь сквозь
потраву, -
Вечная слава!
Вечная слава!
(1965)

Ну?.. Каково? Вас не впечатляет эта сила? Тогда бросьте читать то,
что я пишу и займитесь чем-то другим, более материально полезным.
Поскольку поэзией не занимаются ради денег. Если деньги придут, вме-
сте со славой или без неё, то это уже другой вопрос, второстепенный. Тот,
кто хочет писать поэзию, а не просто рифмованные строчки, должен ду-
мать о Красоте, о Правде, о Справедливости, а значит, о Боге. И деньги
здесь, как бы ни были они важны или нужны вам для существования,
вопрос неуместный.

Вспоминаются другие лермонтовские строки:

Есть речи: значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Вся поэзия пронизана этими невыразимыми образами и речами,
причём не только сюрреалистическая. Есть строки, которые говорят
больше, чем длиннющие рассказы и диссертации. Причём разумом их
трудно объяснить целиком, разобрать, понять, разложить по полочкам.
Они действуют на тебя, как гром небесный, как неожиданный поцелуй
феи или удар кинжала:

Молния — блеск мгновенный
женственности нетленной...

Вот пример подобной вместительности настоящей поэзии. Снова
Андрей Вознесенский:

* * *

На суде, в раю или в аду,
скажет он, когда придут истцы:
“Я любил двух женщин как одну,
хоть они совсем не близнецы”.

Всё равно, что скажут, всё равно...
Не дослушивая ответ,
он двустворчатое окно
застегнёт на чёрный шпингалет.

И всё. Финал. Занавес!.. Ничего больше не нужно говорить. Ника-
ких разжёвываний тем, введения персонажей, никаких завязок, раз-
витий, кульминаций... Всё это стихотворение есть кульминация вкуса,
ума, гениальной краткости, глобальности и даже подводной скрытости,
как у айсберга... Весь основной её контекст уже за этими строками, он
трансцендентный, запредельный... Это произведение гораздо меньше
по объёму, чем “Отелло” Шекспира или “Анна Каренина” Толстого, но оно
ПОЛНОЕ. В этом чудо поэзии. Скажите мало, скажите точно...

Да какой же ты русский,
раз не любишь стихи?!
Тебе люди — гнилушки,
а они — светляки...

Вознесенского обожают и ненавидят миллионы. Так же могли обо-
жать и ненавидеть только Пикассо. С одной стороны понимающая

публика, с другой — воинствующее невежество, очень недовольная свободомыслием власть и бездарные коллеги по перу. Вознесенский и есть — Пикассо русской поэзии. То, что они похожи и огромны в своей значимости может опровергать либо дурак, либо завистник. Третьего не дано. В этом смысле России, а теперь уже просто всей русскоязычной аудитории мира, очень повезло. И Пикассо, и Вознесенский больше всего ценны своей способностью энергетического воздействия на новых творцов. Их произведения дают вам такой сильный импульс для творчества, какой можно ожидать, наверное, только от святых да ещё, пожалуй, от самого Неба...

Кто “родил” Вознесенского? Пастернак. Это красота его строк и его личности позволила свершиться всему “пришедшему после”. Пастернак — это самая сильная фигура в русской поэзии. В этом я убеждён. Почему не Пушкин? Потому что Пушкин менее поэт, а более драматург, как мне кажется. Пушкин, как раз, в отличие от Лермонтова, весь в поэмах, сказках и в своих маленьких трагедиях. В этом его максимальная ценность и в этом он наиболее близок Шекспиру, поэту N1 в мире...Когда Пушкин пишет:

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке...

то здесь он Поэт с большой буквы. А приведённое стихотворение — перл русской поэзии и сегодня... Но опять же, сколько таких вещей у Пушкина? Раз, два и обчёлся...

Но скажем ещё о Пастернаке. Скажем его собственными стихами...

Любимая, — жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется бог неприкаянный.
И хаос опять выползает на свет,
Как во времена ископаемых.

Глаза ему тонны туманов слезят.
Он заслан. Он кажется мамонтом.
Он вышел из моды. Он знает — нельзя:
Прошли времена и — безграмотно.

Он видит, как свадьбы справляют вокруг.
Как спаивают, просыпаются.
Как общелягушечью эту икру
Зовут, обрядив ее, — пакусной.

Как жизнь, как жемчужную шутку Ватто,
Умеют обнять табакеркою.
И мстят ему, может быть, только за то,
Что там, где кривят и коверкают,

Где лжет и кадит, ухмыляясь, комфорт
И трутнями трутся и ползают,
Он вашу сестру, как вакханку с амфор,
Подымет с земли и использует.

И таянье Андов вольет в поцелуй,
И утро в степи, под владычеством
Пылящихся звезд, когда ночь по селу
Белеющим бляеньем тычется.

И всем, чем дышалось оврагам века,
Всей тьмой ботанической ризницы
Пахнёт по тифозной тоске тюфяка,
И хаосом зарослей брызнется.

Интересен и ранний, и поздний Пастернак. Гением он был всегда. Я убеждён, что на его поэзию повлияла и живопись его отца, Леонида Пастернака, может, единственного стоящего русского художника-импрессиониста, и музыка, которой Пастернак занимался на профессиональном уровне. Его поэтическая живопись — это тема для отдельного разговора...

Давай ронять слова,
Как сад — янтарь и щедру,
Рассеянно и щедро,
Едва, едва, едва...

Не надо толковать,
Зачем так церемонно
Мареной и лимоном
обрызнута листва...

Во многих своих стихах Пастернак достиг максимального поэтического совершенства, единства образности, смысла, музыкальности, изобразительности, душевности и в то же время простоты...

Снег идёт, снег идёт.
К белым звёздочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплёт.

Снег идёт, и всё в смятеньи,
Всё пускается в полёт, -
Чёрной лестницы ступени,
Перекрёстка поворот...

Прийти к этой тициановской простоте, как называет её Вознесенский, это долгий процесс созревания... От сложного к простому... Да, не от простого, к сложному, а наоборот. Это парадокс поэзии, но он есть. Простота строки, стиля шлифуется годами, как морская галька. Из острого, ломанного, колючего куска неживой материи, великий океан делает нечто округлое, стремящееся к максимально гармоничной форме во Вселенной, форме шара. Так и поэт, проходя через всю свою жизнь, трения, конфликты и катаклизмы, постигает нечто высшее и те-

ряет свою злободневную остроту. Он мудреет, и строка его обращается к вечности...

...Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И глядя в эти чёрные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала
В поту кровавом он молил отца...

Пастернак удивительный переводчик. Когда читаешь его Рильке, поражаешься лёгкости и профессионализму, но ещё больше уважению к другому мастеру, бережностью подхода и тонкой восприимчивости... Впрочем, каким же ещё быть настоящему поэту...

Я зачитался. Я читал давно.
С тех пор, как дождь пошёл хлестать в окно.
Весь с головою в чтение уйдя,
Не слышал я дождя.

Я вглядывался в строки, как в морщины
Задумчивости, и часы подряд
стояло время или шло назад.
Как вдруг я вижу, краскою карминной
в них набрано: закат, закат, закат...

Когда учишься поэзии, когда ищешь для себя её основные вехи, примеры для подражания и немых собеседников для раздумий, познаешь многое и многих. Нельзя остаться равнодушным ни к Есенину, ни к Цветаевой, ни к Ахматовой, ни к Бродскому... Есть ещё те, кто не так велик, а может, не так известен, но кто тоже сказал что-то ценное нам и миру. Одни писали используя чёткую форму, другие экспериментировали с синтезом или остановились, кто на верлибре, кто на белом стихе... Важно найти свой инструмент, чтобы выразить свою музыку. А то, что она есть в каждом из нас, это бесспорно...

Я нашёл в себе мужество, чтоб оглянуться назад
Трупы прожитых дней
Устилают мой путь Я хочу их оплакать

Это Аполлинер. В начале двадцатого века отбросил знаки препинания. Друг художников-модернистов и сам не смог оставаться в стороне от кардинально новых перемен в литературе.

Мы шевелить языком
И письма писать должны
Новые звуки новые звуки новые звуки нужны

Правильно. Когда мы перестанем искать новое, а доставим удовольствие всем союзам писателей земли своим послушанием и приверженностью традициям, тогда мы определённо окажемся в тухлом болоте застоя и тупости. Это так же верно, как и то, что стать поэтом можно.

Для этого просто нужно не родиться им, а переродиться. Из обыкновенного биологического продукта, именуемого человеком разумным, в то, что можно было бы назвать человеком новым. Главными критериями которого были бы не только ум, воля, доброта, но и внутренняя, неис требимая порядочность и правильность. А ещё тот гуманизм, который не понимают яйцеголовые интеллектуалы и над которым смеются не только они, но и все остальные знающие и умеющие жить и преуспеть. Тот гуманизм, который видит ценность каждой, казалось бы, самой никчемной души на этом свете. И который различает божий замысел во всём: в траве, животных, облаках и наших человеческих мученьях...

Подай мне, надежда, руку,
пойдём за незримый гребень
туда, где сияют звёзды
в душе у меня, как в небе.
Закрой мне другой рукою
глаза и потусторонней
тропинкой веди, слепого
от снега твоей ладони...

Это Хименес, один из самых лучших испанских поэтов. Он и Лорка — это два бриллианта литературной Испании. Кстати, мне кажется, что в духовном смысле русские и испанцы самые близкие друг другу народы. А совсем не русские и украинцы, к сожалению, как могло бы показаться...

Я просто сказал однажды -
услышать она сумела, -
мне нравится, чтоб весною
любовь одевалась белым.

Глаза голубые вскинув,
взглянула с надеждой зыбкой,
и только детские губы
светились грустной улыбкой.

С тех пор, когда через площадь
я шёл на майском закате,
она стояла у двери,
серьёзная, в белом платье.

Так и видишь эту сцену, похожую на кадр из чёрно-белого фильма эпохи итальянского неореализма... Спросите, а почему тогда мы не ближе к итальянцам?.. А я ведь сказал, что мы похожи в духовном смысле, а не в другом... С итальянцами мы близки фонетическим звучанием языка. Поэтому нам легче всего было бы учиться итальянскому, а не английскому... А испанцы... Они чувствуют, как мы...

Пришёл, как жизнь, короткий,
прощальный, тихий вечер.
Конец всему родному...
А я хочу быть вечным!

Листву в саду кровавая
и душу мне увеча,

пылает медь заката...
А я хочу быть вечным!

Как этот мир прекрасен!
Не задувайте свечи...
Будь вечным, этот вечер,
и я да буду вечен!

Конечно, надо снять шляпу и низко поклониться изумительной работе наших переводчиков: Гончаренко, Гелескула, Столбова, Серпина, Кудинова, Савича, Тыняновой и многих других... Но в том-то и дело, что работа их спорилась благодаря близкому, родному, понятному материалу. Ведь если посмотреть, что пишут сейчас поэты современники из других стран Западной Европы, то унынию нашему, а то и скуке, не будет конца. Какая-то дурная мода пришла, писать то, что и стихами-то назвать трудно. Ни рифмы, ни души, ни, чаще всего, значимости того, о чём пишут... Но поэзия не может быть просто бытовой, ей это претит. Поэзия всегда о глобальном, о самом важном, о смысле жизни, о любви, о долге, чести... А эти... Во-первых, все стали модернистами, все избавились, причём совершенно необоснованно, от знаков препинания. Пишут о любой сцене: пойти в туалет, поесть, посмотреть в окно на блюющего алкоголика... При этом слегка порефлексируют, чуть напустят тумана значимости и умного молчания и считают, что они исполнили своё литературное предназначение на этом свете. Я это иначе, как убожеством души и леностью мысли назвать не могу. Вечные темы никогда не будут банальными. Банальными могут быть ваши слова и используемые приёмы. Даже рифмы могут быть банальными, если вы не стараетесь искать новые. Новая рифма — это новый вид из вашего окна, кто знает, какие горизонты там открываются... В этом смысле я опять же отправляю вас к стихам Пастернака и Вознесенского, поучитесь у них неожиданности находок.

Кстати, если уж зашла речь о рифме, то мне бы хотелось высказать свою позицию по этому вопросу. Я сторонник не приблизительной, а максимально точной рифмы. Когда окончание сходится не в гласных, к примеру: большой — крутой — весной — твой — и т.д., а именно роднясь своими согласными: большой — душой, крутой — простой, весной — со мной, твой — живой и т.д. Тогда не получается этого подростково-дилетантского вихляния строк, а вместе с ними и смыслов. Красивая поэзия — это жуткая дисциплина и концентрация внимания, как я уже говорил ранее. Это — строительство вдоль и поперёк, работа с каждой буквой, каждым знаком. Потому что, гляньте на те стихи, которые я приводил как пример, особенно маленькие, там так мало всего, что каждая запятая о чём-то говорит, каждая пауза поёт... Там просто нет никакой возможности для фривольного размещения второстепенного и необязательного мусора. И вообще, в идеале нужно говорить стихами так, как будто это ваши самые последние слова в жизни, а открывшаяся в них истина — благодать господня и озарение свыше.

Часто именно женщины грешат тем, что бормочут что-то своё, бабье. О горькой доле, о муже-пьянице... Почему, спрашивается, не бабьи стихи у Цветаевой? Да потому что Цветаева — это личность. А когда язык, уровень серьёзен, то ни у какого нормального человека и мысли не появится не принимать вас всерьёз. И никаких речей о феминизме, стало быть, тоже не будет. Мы равны, о чём же речь?..

Моим стихам, написанным так рано,

что и не знала я, что я поэт...

Это удивительное по красоте стихотворение Цветаевой. Удивительное ещё и тем, что оно всё — один большой взмах души. Стихотворение, написанное на длинной волне дыхания океана... А это очень серьёзный показатель и уровня сознания, и формата Духа поэта...

Итак, самым главным инструментом в творчестве является сам человек, его душа, и это не зависит от того, чем конкретно вы занимаетесь. Для того, чтобы быть хорошим поэтом, нужна не ручка с золотым пером, не перо Жар-птицы, не королевская почтовая бумага с водяными знаками и виньетками, не стол красного дерева и не башня слоновой кости. Нужна постоянная работа над собой и только. В ваших стихах будет всегда только то, что вы есть на самом деле, спрятаться не удастся. Все ваши плюсы и минусы оставят там свои чёткие следы, вы весь будете, как на ладони. Если человек пишет плохие стихи, кто в этом виноват? Только он сам. Если ещё не опытный, то это одно дело, это простительно, со временем может научиться. Но если уже маститый, если занимает лучшие страницы толстых журналов, получает приличные гонорары и при этом, как я уже выражался, “ни уму, ни сердцу”, то о чём ещё говорить?... Это не поэт, это стихослагатель-карьерист, у которого главная задача всей жизни — устранять конкурентов. Тухлая, гнилая душа рождает аналогичные стихи. Но не будем о плохом. Вернёмся к хорошему.

Улыбнись, ягнёнок гневный с Рафаэлева холста, -
На холсте уста вселенной, но она уже не та...

Помните, “Есть речи, значенье темно иль ничтожно...”? Так вот, это как раз тот самый случай. Но значение отнюдь не темно иль ничтожно, а даже наоборот... Те строки, которые идут после, я даже приводить не хочу, они уже лишние. Никакие... Да-да, это со всеми бывает. В данном случае и с Мандельштамом, большим и очень специфическим поэтом... Иногда всё чудо только в паре строк... А вот другие его стихи:

Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня,
За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня,
За музыку сосен савойских, полей Елисейских бензин,
За розу в кабине роллс-ройса и масло парижских картин.
Я пью за бискайские волны, за сливок альпийских кувшин,
За рыжую спесь англичанок и дальних колоний хинин.
Я пью, но ещё не придумал — из двух выбираю одно -
Весёлое асти-спуманте иль папского замка вино.

Мне почему-то сразу же вспоминается Игорь Северянин и его бес-
смертное:

...Из Москвы в Нагасаки, из Нью-Йорка на Марс!

В поэзии важна не классовость, не бедный или богато накрытый стол. Ведь согласитесь, что его “Ананасы в шампанском” — это просто красиво, легко, празднично... Мы ведь не только в вечной скорби живём, мы живые, нормальные люди, и поэты в том числе. Только поэты ещё нормальной...

Я остаюсь с голубым человечком,
который ворует у ласточек яйца.

Я остаюсь с полуголым ребёнком
под каблуками бруклинских пьяниц.
С теми, кто молча уходит под арки,
с веточкой вен, разгибающей пальцы....

...Я остаюсь с этой женщиной снежной,
в которой девственный мох догорает,
я остаюсь с этой бруклинской пьянью,
с голым ребёнком под каблуками.
Я остаюсь с растерзанным следом
неторопливой трапезы волчьей...

... За беглой любовью — долгая проба смерти...

Это Лорка — душа Испании. Я не знаю, как можно его не любить. Разве что, будучи ещё очень молоденьким и незрелым. Лорка меня покоряет своей детской непосредственностью и чистотой. А ещё какой-то запредельной прозорливостью и редчайшей в мужском теле нежностью. Когда читаешь многие его стихи, просто столбенеешь и замираешь от соприкосновения с чудом, с чем-то нереальным...

Хочу уснуть я сном осенних яблок
и ускользнуть от сутолоки кладбищ.
Хочу уснуть я сном того ребёнка,
что всё мечтал забросить сердце в море.

Не говори, что кровь жива и в мёртвых,
что просят пить истлевшие их губы.
Не повторяй, как больно быть травой,
какой змеиный рот у новолунья...

Почему-то мне никогда не приходило на ум сравнивать его с нашими поэтами. Сама эта мысль дикая, какая-то неправильная во всём... Его стихи — это возможность видеть мир иными, не совсем человеческими глазами. Глазами ангела?.. Не знаю, вряд ли. Но одно безусловно, это исключительный в мире поэзии взгляд, и он светлый...

Чу... Шажки обмороженных ног муравьиных...

А кто ещё мог сказать так тихо, обречённо и устало, как будто сам всю жизнь, от зари до зари, гнул спину на заводе или фабрике:

И кто пробудился, тот чувствует каждым суставом,
что рая не будет и крохи любви не насытят,
что снова смыкается тина законов и чисел,
трясина бесцветной борьбы и бесплодного пота...

Лорка абсолютный поэт, поэт в чистом виде, если можно так выразиться. У него отсутствует всякое “но” в личности. Он целен более, чем кто-либо другой. Он сам — поэзия. Читая его вещи, никогда не выпадаешь в бытовуху, в завкающую реальность нашего мира, в ту самую реальность, которая чужда и правде, и всему светлому, и самой жизни. В Лорке нет пошлости ни на грош...

...Её жасминная кожа

светилась жемчугом тёплым,
нежнее лунного света,
когда он скользит по стёклам.
А бёдра её метались,
как пойманные форели,
то лунным холодом стыли,
то белым огнём горели...

Это из стихотворения “Неверная жена”. Самая что ни на есть эротическая сцена. Однако посмотрите, как чисто, красиво и поэтически гениально говорится о почти непередаваемом словами. Вообще, всё это стихотворение — один из образцов максимально возможного в поэзии совершенства. Хотя оно и не самое маленькое... А выдержать достойный уровень, не сбиться, не оступиться, когда пишешь длиннее, чем пара строф, это показатель!.. У Пастернака “Рождественская звезда” — подобный, совсем не коротенький шедевр, где всё выдержано от и до... Почему же тогда, спросите, иногда получаются только первые несколько строк? Да именно потому, что у автора не хватило выдержки и интереса не спешить, не писать что угодно и как угодно, лишь бы закончить побыстрее...

Ждите, если нужно, годы...
Ибо время не имеет
никакого значения
для успеха вашей картины.

Это Жак Превер, французский поэт. Один из тех, кто прошёл через ад войны...

Когда умру,
схороните меня с гитарой
в речном песке.

Когда умру...
В апельсиновой роще старой,
в любом цветке.

Когда умру,
стану флюгером я на крыше,
на ветру.

Тише...
Когда умру!

Это снова Лорка, его стихотворение “Memento”. Это даже не способность перевоплощения, это его природное чувство сострадания, человечности... Когда он пишет своё «Сегодня чувствую в сердце // неясную дрожь созвездий...», язык, человеческая речь, разум — всё кончается. На землю нисходит вечная Истина... Но опять, мгновение, блеск и мы снова не успели понять что-то очень важное, хотя были так близки к ней, к чему-то непостижимому и нужному нам больше всего на свете...

И тополя уходят —
но след их озёрный светел.

И тополя уходят —
но нам оставляют ветер.

А ветер умолкнет ночью,
обряженный чёрным крепом.

А ветер оставит эхо,
плывущее вниз по рекам.

А мир светляков нахлынет -
и прошлое в нём потонет.

И крохотное сердечко
раскроется на ладони.

Нет никакой другой политики для человека, кроме любви ко всему сущему и стремления к добру и справедливости для всех. В этом смысле мне всё равно, кто будет писать стихи на русском языке: русский, араб, еврей, австралийский абориген или зелёный человечек... Пушкин правильно говорил, что гений и злодейство несовместимы. Любой национализм — это злодейство, как бы его не называли: патриотизмом, сионизмом, шовинизмом и т.д. И призвание поэта в том, чтобы открывать в человеческих душах лучшие грани и качества. Для этого ему самому в первую очередь нужно понимать, что хорошо, а что плохо. И в глобальном смысле, и в конкретно касающемся того, что он пишет.

Об одном и том же можно сказать по разному, используя всё те же слова. Давайте возьмём первые попавшиеся и попробуем здесь и сейчас что-то написать, хотя бы одну порядочную строку. Итак, например, пусть это будет о весне. Три слова... Ну, какие?... Пусть будут: деревья, вера, небо... Поехали...

1. Я верю, деревья касаются неба...
2. Вера моя снова,
словно дерево к небу...
3. Над деревьями небо, как вера моя, без изъяна,
в нём ни тучки сегодня, одна благодать синевы...
4. Деревья, деревья! Вы тянетесь к небу,
как будто и вас обнадёжила вера...

Пока достаточно. Что было главное? Сначала настрой. Способность творить. Далее нужно оглянуться вокруг, прислушаться к себе, сосредоточиться на какой-то мысли или образе, может быть, выделить осознанно из всего великолепия вокруг какие-то опорные точки... В нашем случае это были три случайных слова, но очень конкретно относящихся к весне. В течении пяти-десяти минут мы имеем четыре возможных начала стихотворений. Они и есть те самые матрицы, из которых могут вырасти готовые стихи. На чём остановиться? На чём бы здесь остановился я? Для меня более интересны и приятны по музыкальности варианты 1 и 4. Причём каждый из них может и ещё меняться... Например:

Деревья, деревья! Вы тянетесь к небу весной...

Добавлено одно слово и размер строки изменился, всё изменилось. Попробуем ещё:

Деревья, родные, к высокому небу...

Понимаете?... Не только слова, но и перемена знаков препинания меняет картину. Попробуйте мысленно представить себе на щеке Джонки родинку, мушку, всего-навсего одну точку — она притянет к себе пространство половины холста, не меньше! Так же и в строке, каждый знак, каждая буква важны. Вы рисуете словами, вы пишете музыку словами, паузами, ударениями, бегом, поступью и перешагиванием слов...

Тот ритм, который возникает в вас должен резонировать с вашими чувствами, тогда работа пойдёт. Строка за строкой ваш труд будет продолжаться, и есть надежда, что это будет красиво... Позже можете холодно проанализировать и критически, бесстрастно попытаться привести написанное в порядок. Только не убирая чувства и откровения, а освобождаясь от случайных неточностей, находя более верные, лучшие слова... Этих правок не должно быть много. Много — это показатель того, что всё плохо и надо либо начинать сначала, либо вообще выбросить это стихотворение и начать другое... Но не забудьте, без насилия! СВОБОДНО И ЛЕГКО...

Не надо стесняться чувств! Вот уж где это на самом деле абсолютно неуместно, так это в поэзии. Ведь вы должны быть максимально правдивы... Вы боитесь, что из вас выскочит что-нибудь очень уж интимное? А зачем вам синонимы? Зачем образность, метафоры, намёки?... Почему у Лорки эротические сцены красивы, а не безобразны? Потому что такие понятия, как вкус, культура, эстетика, чувство прекрасного — это не пустые слова, а вполне конкретные механизмы Мировой Гармонии. Не забывайте, вы — инструмент в её руках. Вы! А не что-то другое... Работайте над собой и ваши творения будут лучше вас...

Я привёл здесь лишь малое количество тех особенных строк, которые для меня являются настоящей поэзией. Мне хотелось, чтобы читатели понимали, о чём я говорю, к чему призываю, и куда пишущему человеку нужно стремиться.

Поэзия — самое сложное искусство. Оно огромное, как философия и прекрасное, как музыка. Оно требует от вас и большого количества знаний, и веры, и воли... И счастья, и доли... Я улыбаюсь здесь... Всё важно. И Бог нас ведёт, и наш собственный выбор, и труд определяют результаты наших усилий. Нет точных рецептов и конкретных инструкций по производству гениальных произведений искусства. Если бы были, их наверняка бы превратили в очередную индустрию по зарабатыванию денег, несметных сокровищ, которые опять бы использовались на роскошь одних и горе других... На войны, кровь и рабство...

Пусть тайна останется тайной
для тех, кто её не достоин...

Остальным... Желаю всяческого добра и просветления...

Александр ЧУЛКОВ

ВЕНИАМИН КАВЕРИН И КНИГИ ДРЕВНОСТИ

Интернет — это классная штука! В нем можно найти что угодно: от маленьких шедевров литературного стиля в блогах до отсканированных манускриптов древних цивилизаций с расшифровками. Самое любопытное, что порой такие уникальные и интереснейшие вещи хранятся на малоизвестных нераскрученных сайтах. Вот именно ими мы и будем интересоваться в первую очередь.

Начнем мы наш первый обзор с сайта весьма и весьма известного. Он расположен по адресу militera.lib.ru. Библиотека Мошкова за свое долгое время существования стала едва ли не главным рунетным ресурсом, на котором можно найти тексты любых художественных и технических книг. Однако далеко не все знают про «ответвления» основного сайта, одним из которых и является «Милитера». Сайт целиком и полностью посвящен военной литературе. Поклонники чтения мемуаров и воспоминаний участников Великой Отечественной будут в восторге — местная подборка книг этой тематики здесь просто огромна.

Другое собрание исторических текстов — vostlit.ru. Из названия видно, что изначально планировалось собирать исключительно «восточные» книги авторов древности. Однако со временем проект стал расти, и теперь здесь можно найти древнейшие тексты, пришедшие к нам со всех стран мира. Лично меня очень зацепили дневники Христофора Колумба при путешествии к берегам Америки. Далеко не всем интересно читать сводки погоды или статистические записи судовых журналов (сколько рыбки выловили матросы, сколько метров ткани ушло на латание парусов), но зато очень хорошо передан дух морского путешествия — даже лучше, чем в классических произведениях Стивенсона или Лондона. Абсолютно такая же ситуация с остальными текстами проекта.

О японской литературе мы знаем немного. Ну вспомнят Харуки Мураками, ну, может быть, Мисиму Юкио. Но не очень многие. Плохо, друзья мои. Хотите познакомиться с настоящей классикой литературы этой страны? Вот вам целая подборка любопытнейших мест, где собрано настоящее богатство. jlib.sinor.ru — «Библиотека япониста» — самое крупное собрание. Здесь есть не только современные авторы, но и сказки, и классические произведения древности, и даже несколько публикаций-рецензий на японские книги. Менее крупные и известные сайты kogo.narod.ru и eastlib.narod.ru также имеют весьма впечатляющую для «народных» сайтов подборочку интереснейших текстов.

Читали в детстве «Два капитана»? Наверняка. Мне было приятно узнать, что у автора любимейшей приключенческой книги было немало других менее известных хороших произведений. На сайте veniamin-kaverin.ru приведены аннотации ко всем книгам Вениамина Каверина, даны ссылки на тексты книг (если таковые есть в интернет-библиотеках). Есть фотоальбом писателя и несколько критических рецензий.

Всем начинающим писателям на заметку. В интернете есть немало способов продвижения себя и своих литературных талантов. Самым действенным, безусловно, являются литературные конкурсы. Премия «Большая книга» — bigbook.ru — это весьма крупный и известный конкурс с солидным финансовым призовым фондом.

Про масштаб конкурса говорит по крайней мере один важный факт — его учредителем является «Центр поддержки отечественной словесности». Слышали про такой? Я вот не слышал, к своему стыду, и зайдя на их сайт, был просто шокирован. Оказывается, финансируется все это мероприятие такой известной личностью, как Роман Абрамович. Вот как, не только в футбол деньги, оказывается, идут... Другие соучредители — «Альфа-банк» и магазин «ГУМ». Председатель Совета «Центра» — советник руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев. Как видите, все весьма серьезно!

О требованиях к предоставляемым произведениям. Минимальный объем сборника повестей или рассказов — 10 авторских листов. Максимальный объем произведения не ограничен. По электронной почте произведения не принимаются — необходимо высылать либо опубликованную книгу, либо авторскую рукопись.

Держайте! Возможно, именно этот конкурс станет вашей дорогой в большую литературу!

Андрей ГРИШИН

“ЖИВОЙ ЖУРНАЛ”: УЗНАЙ О СЕБЕ САМ

Думаю, навряд ли надо сейчас объяснять, что такое «блог». За последние несколько лет интернет-дневники, которыми, по сути, являются блоги, получили настолько широкое распространение, что это слово стало знакомым практически каждому пользователю интернета. Самая известная система блогов — это Живой журнал (livejournal.com) или сокращенно — ЖЖ. Пользователи этого сайта называются на интернет-сленге ЖЖ-юзеры. Существуют, конечно, и другие системы — из отечественных можно назвать liveinternet.ru, blogs.mail.ru, из западных blogger.com. Но ЖЖ был и остаётся наиболее насыщенной событиями и интересными сообщениями информационной средой. Поэтому в своих обзорах я, думаю, буду давать ссылки в основном на него. В блогах можно найти самую разную информацию — начиная с особенностей характера любимой собаки автора дневника (он же — «блоггер») и заканчивая доказательствами математических теорем и обсуждением проблем квантовой физики. Среди обилия информации львиная доля оказывается вполне бесполезным мусором, по крайней мере, для человека, не знакомого с автором дневника лично. Выбирать полезную и интересную информацию в общем потоке блоггерской жизни — это отдельное мероприятие. Я в своей заметке попытаюсь рассказать вам о некоторых интересных моментах, связанных, прежде всего, с различными литературными и околотекстовыми проблемами, новостями, событиями.

Стоит отметить, что отличительная черта блогов — их интерактивность — проявляется и здесь в полной мере. Это и плюс, потому что возникающие обсуждения и дискуссии могут быть интересными, и минус, ибо при обсуждении сколь-нибудь спорных вопросов оппоненты легко могут сбиться на выяснение отношений или просто обмен репликами типа «сам дурак — от дурака слышу». В такого рода скандалах смысла особого я не вижу, так что говорить об этом и не буду.

Вот положительный пример использования интерактивности ЖЖ: поэт Герман Лукомников (ЖЖ-юзер [lukomnikov_1](http://lukomnikov_1.livejournal.com)) устроил у себя в дневнике опрос о себе самом же. В итоге получился довольно объёмный набор, который можно назвать «Герман Лукомников в воспоминаниях современников». Посмотреть эти «воспоминания» можно по адресу <http://community.livejournal.com/memoriosus/20814.html>. Кстати, именно Герман Лукомников, можно сказать, заразил интернет-общественность всем известным «Преведом». В своё время он обнаружил картинку американского художника Джона Лури, которую вольно перевели. И рассказал об этом в своём блоге. В итоге и картинка, и «превед» разошлись по всему русскоязычному интернету. Сам Герман, кажется, тоже был удивлён, судя по его записям в журнале: <http://lukomnikov-1.livejournal.com/72349.html>. Можно, конечно, по-разному относиться к этому «явлению», но факт остаётся фактом — «превед» пошёл в народ именно благодаря блогам.

Другой вариант использования интерактивности блогов, о котором можно вспомнить: некоторое время тому назад блоггер Андрей Мальгин (ЖЖ-юзер [amalgin](http://amalgin.livejournal.com)) взялся составить максимально полный список литераторов — пользователей живого журнала. К этому активно подключились его читатели, и в итоге список получился весьма внушительным — на 500 с лишним персон. Правда, журнал Мальгина взломали и стёрли оттуда все записи, в том числе и этот список. Теперь он доступен в «запасном» журнале по адресу <http://avmalgin.livejournal.com/528335.html>.

Вообще, составление списков — дело крайне увлекательное, это давно известно. Вот ещё несколько списков поэтов, имеющих ЖЖ:

<http://korovin.livejournal.com/76086.html> — весьма объёмный список от поэта Андрея Коровина;

<http://nostradamvs.livejournal.com/39997.html> — довольно субъективный список от Тима Скоренко. У него есть ещё некоторое количество весьма спорных, но небезытересных статей о поэтах, например, «Сказка про плохих и хороших поэтов» (<http://nostradamvs.livejournal.com/34378.html>), «Беседы о плагиате» (<http://nostradamvs.livejournal.com/45800.html>).

<http://karakovski.livejournal.com/149677.html> — список любимых ЖЖ-поэтов от Алексея Караковского, главного редактора «Точки Зрения».

Вот ещё довольно странный «официальный» список, который предлагает нам представительство Живого журнала в России (livejournal.ru): <http://livejournal.ru/celebrities/categories/Поэзия>. Понятно, что в этот список попали «знаменитые» поэты, но даже и при таком раскладе список весьма неполный. К сожалению, несмотря на реплики пользователей, на эту тему составители каталога, кажется, не особо обращают внимание — список не меняется.

И, напоследок, давний, но любопытный список, в котором сопоставляются ЖЖ-юзеры и персонажи Серебряного века: <http://maryl.livejournal.com/237417.html>. Забавно, что не все блоггеры, включённые в список, являются писателями или поэтами. Но некоторые параллели, на мой взгляд, достаточно точны. Если вы следите за ЖЖ-жизнью, можете сравнить и проверить сами.

Словом, в блогосфере можно почерпнуть довольно много любопытной информации, в том числе и о литературе, литературной жизни. В следующих номерах наш журнал так или иначе будет раскрывать эту тему в рубрике «Сетевые раскопки».

Алексей КОРНЕЕВ

РУСТАМ КАРАПЕТЬЯН: “Я ВСЕГДА БЫЛ ОЧЕНЬ ВЛЮБЧИВЫМ”

Красноярск, разлегшийся вдоль огромного Енисея — город серьёзный, длинный и зимой очень, очень белый. Мы сидим на тесной кухне трехкомнатной квартиры, я осторожно прихлебываю растворимый (зато с коньячком) кофе и гляжу в окно, где все тоже белое. Старенький кассетный диктофон трудится бесшумно: стоит нам умолкнуть, и в квартире опять тишина. Где сейчас папина гордость, полторалетний Ян, не спрашиваю: у детей свои дела, поважнее наших. Но поскольку взрослые глупости нам, взрослым, все же дороги, а обмен глубокими мыслями о плюсах и минусах ненастоящего кофе уже закончен, беру наконец быка за рога:

— Рустам, зачем вообще пишете стихи? За них ведь нынче не платят.

Рустам улыбается:

— Лет в двадцать пять хотел было бросить. Но тут случайно познакомился с редактором электронной версии журнала «День и ночь». Он показал стихи поэтессе Марине Саввиных, она дала ободряющую рецензию. Вот я и решил с завязыванием подождать до пенсии.

— Так и будете писать? До самой пенсии?

— Буду. И не только стихи. Осенью вышла антология Андрея Лазарчука, «Предчувствие Шестой волны» — там и мой рассказ есть, «Принцесса».

Опять смотрю в окно, в белый туман, вспоминая строку, которая когда-то привлекла мое внимание к стихам Рустама: «крик ворон и запах снега». Хорошая строка, правильная, настоящая. За ней вспоминаются еще две, в тему разговора: «Как будто посланный кем-то гонец, Живу, сам себя гоня». Читаю их вслух, в очередной раз с обидой отмечая мысленно, что мог бы и сам о себе так написать, только вот не додумался.

— Рустам, а все-таки, кто вас гонит — жить, писать? Или это так, для красного словца?

На этот раз Рустам вполне серьезен:

— Я родился, как Суворов — слабым и хилым. Настолько хилым, что сначала сказали, что я не выживу, потом записали в дебилы и предложили усыпить. Мама из больницы просто сбежала — дала мне, можно сказать, второе рождение. Это обязывает.

— Ничего себе, в дебилы, — впечатляюсь я. — И как, сбилось пророчество?

Теперь мой собеседник откровенно хихикает.

— Мне в школе было очень скучно, особенно про маму и маму читать. На уроках закрывал глаза и смотрел мультики в воображении, а потом честно получал двойки. Я вообще ужасно ленивый. Раньше это меня сильно беспокоило, но однажды мне на астрологических курсах составили гороскоп. По нему выходило, что рожден я тюлька в тапочку под сожженным фэзоном, и поэтому вся моя энергия обратно в космос выливается. На курсы я больше не ходил, но и по поводу лени комплексовать перестал.

— А читать когда начали? Леня не мешала?

— Читать я сам научился, по телевизору — по АБВГДейке. В пять лет прочел «Робинзона Крузо». Все дети гении, и я тоже таким был.

• БЕСЕДЫ С АННОЙ НИКОЛЬСКОЙ-ЭКСЕЛИ

Тут меня одолевает пафос — по счастью, молчаливого рода. Пытаюсь представить себе эту картину: рождается ребенок, маленький, голенький, слабый. Врачи говорят: уморить. Мама говорит «не дождетесь». Ребенок растет и становится поэтом. Врачей хочется обозвать нехорошей кличкой, но тут вспоминается еще строфа, и ее смысл вдруг доходит до меня по-настоящему (и как раньше-то читал, боком?) — «Ну, что ж такого, когда нам любо, Как жизни дрожь — Поймаешь слово, вливаешь в губы, И жадно пьёшь.» Вот уж действительно, высшая форма алкоголизма, слова пить. В наше бескультурное время вполне тянет на «страсть дебила»... кстати, о страсти тоже стоит поговорить.

— Рустам, но почему у вас столько стихов о любви? Тема сложная, измученная поколениями поэтов, зона риска, так сказать. Почему не боитесь, зачем не избегаете?

— Я всегда был очень влюбчивым, — серьезно отвечает Рустам. — Мама рассказывала, как я однажды из садика пришел и говорю: «Мама? Ну почему, когда Павлик разговаривает с Олей, мне хочется подойти к нему и ударить?» Может, потому и специализируюсь на лирике...

Не выдержав, смеюсь, и хозяин смеется вместе со мной. Серьезное получается интервью... мультик какой-то. Сидят два дурака на кухне и ржут во весь голос. Но я действительно не знаю, как можно глаза в глаза обсуждать любовную лирику, да еще такую, как у Карапетяна — интимную по самое немогу, искреннюю до мурашек по коже. Это же все равно что в чужую спальню заглядывать. Такие стихи нужно читать в одиночестве, а если обсуждать, то либо со специалистом-стиховедом, либо, еще лучше, с любимым человеком. Вот вы, уважаемый читатель, смогли бы бесстрастно разобрать на части строфу: «Я становлюсь жаден (Жаден — не значит скуп) До от ногтей царапин, До перемятых губ»? Нет, правда, смогли бы? «До глубины зелёных Глаз, где струит грех. Досыта, до стопа, Рвущегося вверх.» Если да, значит, лучше бы вы брали это интервью. А я смущен и ищу, куда сбежать.

— А... это... тут курить можно или лучше не надо?

Выясняется, что лучше не надо, зато есть выбор: любоваться в подъезде на мусоропровод или у подъезда — на парк. Выбираю редьку послаще.

Парк оказывается, на московский взгляд, просто замечательным: в нем деревья растут! На мрачное замечание, что в микрорайоне, где я живу, деревья попадают лишь по оплошности застройщиков, Рустам отвечает, что застройщикам пришлось насадить здесь парк, поскольку где-то под землей в трубах бежит речка с дивным названием Паниковка, и строить на ней сверху ничего нельзя.

Разговор неизбежно сворачивает на судьбы цивилизации, а я щурю глаза от снежного блеска и рассматриваю Рустама. На резком, ярком свете, в обрамлении снежных хлопьев на толстых ветках он смотрится еще более экзотично — ни дать ни взять, заблудившийся во времени и пространстве монгольский воин с почему-то армянской фамилией. От этой мысли становится смешно, и политкорректность куда-то улетучивается.

— А откуда у вас такая фамилия и такой разрез глаз? Если не секрет?

— По линии папиной мамы мои предки — армяне. Во время турецкой резни бежали на территорию России. Прадед был учитель, даже в Париж ездил...

— Зачем?

— Чего не знаю, того не знаю. Может, просто на башню посмотреть.

— А глаза?

— По другой линии у меня дед китаец. Оказался тут сразу после войны, целую толпу их прямо на границе пачками ловили и привозили сюда — надо ж было кому-то работать. А здесь его уже бабушка, мамина мама, и присмотрела.

Кажется, я попал в волшебную сказку. Хочется спросить что-нибудь вредное. Назло.

— И что у нас в результате?

— В результате я — русский. Сибиряк. Хотя зимой очень холодно. Наверно, потому, что предки такие.

Опять хохочем. Нет, все-таки серьезного интервью не получится. Слишком все вокруг волшебное и сибирское, слишком добр и обаятелен «мой» замечательный автор. И слишком часто улыбается. И я уже совсем замерз. Запихиваю столичный окурочек в полупустую пачку (нехорошо речку Паниковку обижать, бросая ей бычки на темя), и мы возвращаемся на ставшую привычной кухню — к теплу, кофе и коньяку. Впереди у нас рассказ Рустама о любимой жене, красавице, оперной певице, о случайной встрече в Интернете, обмене телефонами, первом «живом» разговоре, длившемся всю ночь... Впереди добрых полсотни моих вопросов о стихах, на каждый из которых Рустам ответит одновременно серьезно и лукаво, постоянно подшучивая над собой. А потом — прощание, добрые пожелания и долгий путь обратно — в менее холодную, но совсем не сказочную Москву.

PS. Чуть не забыл предупредить: на самом деле я, конечно, к Рустаму не ездил, интервью наше было полностью виртуальным. От Красноярска до Москвы, говорят, четыре тысячи километров — дистанция огромного размера, здесь только Сеть выручает. Но действительно ли только она? Еще легче любые расстояния преодолеваются стихами.

Михаил МАЙГЕЛЬ

РУСТАМ КАРАПЕТЬЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Слово произнесено

Слово произнесено,
Альфа скрещена с омегой.
Крик ворон и запах снега.
В белом черное пятно
Скроет первый снегопад,
И теперь уже ищите
Средь бесчисленных оград
Буквы в вымерзшем граните.

***

Как будто посланный кем гонец,
Живу, сам себя гоня.
Во мне сто тысяч стучит сердец,
И до и после меня.
Во мне язычник, во мне кумир,
Одеты в сто тысяч кож,
Сокрывших целый разумный мир
И плоти животной дрожь.
Я — Шут, любезный себе-Царю,
Подвешенный под ребро,
И зло и весело я творю
Доступное мне добро.
Ведь там где праведность, там и грех,
И ночь, и сиянье дня.
Но кто я, кто я, средь этих всех,
И до и после меня?

*** (Из цикла «Письма»)

Что-то совсем затянулся поход твой последний.
Годы ветшают в мучительно долгой отлучке.
Разные слухи доходят до нашей деревни:
Там воевал, там связался с какою-то сучкой.
Все-то всё знают, лишь я не читаю газеты,
Нервов не хватит следить за твоим героизмом.
Сын наш подрост, тоже рвётся по белому свету,
Позаниматься скорей экстремальным туризмом.
Наши дела постепенно приходят в упадок.
Дом без хозяина — скоро развалится тоже.
Может, вернёшься, его приведём мы в порядок.
Может. Ах, как я устала от этого «может».
А по ночам я в подушку измятую вою,
Плачу всем телом и падаю в чёрную яму.
Ах, Одиссей, тяжело быть почти что вдовой.
Ты позвони. Или молнией дай телеграмму.

***

Из белой вьюги, из тёмной ночи,
Из всех углов
Ловили звуки, ловили ключья,
Обрывки слов.
Забыв про время, про сон и отдых,
Про мира власть,
Одно лишь бремя, одна забота
И злая страсть.
Ну, что ж такого, когда нам любо,
Как жизни дрожь —
Поймаешь слово, вливаешь в губы,
И жадно пьёшь.

***

Я становлюсь жаден
(Жаден — не значит скуп)
До от ногтей царапин,
До перемятых губ.
До глубины зелёных
Глаз, где струит грех.
Досыта, до стога,
Рвущегося вверх.
До в темноте света
Сквозь лабиринт — нить.
Разве же всё это
Можно и не любить?

***

В полумраке коридорном не спеша,
Как-то коротко и верно — скрипкий шаг.
Мимо комнат, мимо дремлющих зеркал,
Мимо, словно плавной тенью промолчал.
Глухо щёлкнет выключатель, с кухни — свет.
Дует щёки старый чайник тыщу лет.
Снова шорохов комочки — в коридор.
Сердце ором, губы молча — где ж ты, вор?

Над первым небом

Над первым небом, над листопадом,
Порой нелепо, но так воздушно,
Мы жили юно, мы жили рядом,
Не очень умно, не так, как нужно,
А как хотелось. Ах, как хотелось!
И плыло тело, душа парила.
Лишь так возможно, имея смелость —
Неосторожно, со всею силой.
И дни кружились, слетая с неба.
И звёзды плыли, как многоточье.
Струились души, пускай нелепо,
Но так воздушно. И очень, очень.

АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА: “БОГ ПИШЕТ СВОИ ВЕРЛИБРЫ”

История мировой литературы соткана из подвигов и предательств, высокого полёта и мышинной возни. И слава Богу, что история пишется сейчас. Это значит, что у нас есть шанс войти в неё порядочными людьми, честно делающими своё дело.

Анастасия Яковлева-Помогаева родилась в Одессе, но никогда не считала, как пел Ганькевич, что жить здесь и умереть — само по себе большая честь. Для того, чтобы внести свой вклад в ноосферу, нужно было начинать всё от чистой доски. И тогда маленькая Настя получила первым делом музыкальное образование, закончив училище им. К.Ф.Данькевича по классу фортепиано, после чего смело отправилась учиться на философский факультет Одесского Национального университета. Зачем такие радикальные повороты, спросите вы? Философия — это не только основа наук: и литература, и музыка не могут существовать без мировоззренческой основы.

Рассказывает Анастасия Яковлева-Помогаева: *«Моя мама — художница. Я выросла среди запаха масляной краски и знания: «Не трогай, картина сохнет». Взрослые, такие же художники или литераторы (богема, короче, но в хорошем смысле), собирались у кого-то в гостях и говорили на темы Библии. Затем смотрели картины и читали стихи. Поэтому в детстве у меня возник четкий образ. Высокий, не очень опрятный мужчина с бородой. Он — поэт, читает свои стихи, он же кто-то из маминих знакомых, он же говорит о Боге. Линия: Борода — стихи — Бог. Выходило, что так же бородатый Бог сидит где-то у себя в мастерской, пьет из грязного стаканчика чай и читает всем желающим свои последние верлибры. Возможно, отголоски такого отношения остались в моем подсознании до сих пор. Я уверена, что Бог стихи пишет. И не спорьте со мной».*

Став писать стихи, Анастасия стала путешествовать по разным городам, общаться с разными людьми. «Узнать, чего действительно стоят твои стихи, можно, только выйдя за привычный круг знакомцев и людей, по-дружески тебя любящих», — говорила она друзьям.

Как и многие ровесницы, не имеющие доступа к профессиональной литературе, Настя обрела круг общения в Интернете, опубликовавшись в ряде сетевых изданий и войдя в редакцию журнала «Точка Зрения». После этого профессиональная литература сама нашла молодую поэтессу: Настя стала лауреатом литературных премий «Золотое перо Руси», «Таланты твои, Украина», участвовала в фестивале современного искусства «Ноумен Арт», а в 2007 году получила приглашение на VII форум молодых писателей России в Липках. Стихи и критические статьи Насти к тому времени публиковались в альманахе «Пролог», газете «Литературная Россия», журнале «Меценат и Мир». А в июне 2006 года Анастасия Яковлева-Помогаева организовала творческое объединение поэтов и прозаиков «ЛИТО.ОДЕССА», ставшее героем нашей рубрики «Точные координаты».

Алексей КАРАКОВСКИЙ

АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Negro de Purcare

Где-то здесь затерялся пиратский корабль
В пирамидах обжитых одесских домов
На костре жарких окон его огрубевшие кости

Небо — флаг, небо — скат, небо — брошенный скальп,
Заикавшись пожаращем южных отряд,
Как назло, завернется в июльский безветренный кокон

Эй, дружбан, угости, мне бы вечер спасти
В низкопробных отелях тревогу растить
У жестокого самого черствого Черного моря

И не соль в той воде, и не слезы в беде
Держит горло до боли в горячей узде
На губах пьяной девки отравы соленого пота.

Город гарью пропах, в елисейских садах
Прифонтанские дачники, чувствуя крах,
Подбирают на рыжей земле переспелые груши.

В этой жаркой глуши швартовать не спеши,
Хуже бури крикливой безветренный штиль,
Все равно твой пиратский корабль съест одесская суша.

Лидия

Последний луч небесной скатерти
Полночная стянула каракатица,
Поднялись из тенистой заперти
По раздорожью лета запахи.

Их собирали в банки, прятали
На зиму с пряными томатами,
Мелисса спутанными прядями
Сушилась на оконной заводи

Чтоб седина мороза синяя
Запахла сливой и малиною,
Чтоб на январской тихой станции
Засеребрился свод акации

Grand Reserve Cabernet

Ревновать бы тебя, разлевиную, в ложе,
Столь спокойную, дрожью держать настороже,
Будто гордого зверя на тонкой цепочке, Кармен.
Нет здесь верно расписанных партий,
Среди лиц изможденных, истоптанных платьев,

Наш рассказ ради славы сто раз перепела зачем
 Эта толстая в пудре грудастая прима —
 Андалузка биг-маков и льдыстых Мартини,
 За нее не отдал бы и грязь прифонарных ночей.
 Да! Из рта старой примы мелодию стащишь,
 Королевская стерва породы кошачьих,
 Применив сто уловок для ловли богатых мышей.
 Ты замучай меня, брагоустой изменой,
 Накорми всех желающих, хмелем тем пенным,
 Что пьянила меня, завлекая и в тысячный раз.
 А затем прикоснись томно-вычурной кошкой,
 Чуть прохладною похотью красного шелка,
 Доиграв этот странный, любовью проигранный фарс

Алазанская долина

Вот жалость!!! Нет камина.
 Так просто было б сжечь
 Мою жизнь в двадцать длинную
 Как «мир с войной», как речь

Грущу не от усталости,
 От пленного огня,
 Что ест — как нищий сладости —
 Бумагу у меня

В пылу его прожорливом
 Колышется, точь-в-точь
 Обид под сердца жерновом
 Скопившаяся жёлчь

От них мне долю львиную
 Не помнить, и любить.
 Мою жизнь, в двадцать длинную
 Углем трех слов крошить.

ОДЕССА, ЭТО КОГДА...

Одесса всегда жила своей собственной жизнью, мало обращая внимание на написанное и ненаписанное о ней. Благо климат и географическое положение позволяли думать прежде всего о коммерции, не разбрасываясь на поэзии и музы. Но как-то незаметно литература влилась в городские сплетни и слухи; из салонов выбралась в народ, слилась с ним и постепенно сумела перерасти и его, и город, чтобы в результате превратиться в миф. Судьба уникальная: город, простой, в чем-то обычный, в чем-то нет. И его отражение в литературе — гордая, наглая и ни на что не похожая жизнь.

pro

А ведь ничто не предвещало. Пушкин, первый великий турист, приятель провел время в обществе дам. В благодарность даже посвятил городу несколько строчек. Вслед в город с кратковременным визитом прибыл Мицкевич и, не получив места преподавателя, отправился дальше. В городе побывают практически все, за редким исключением: Лермонтов просто не успел, Тургеневу было лень. Гоголь посетил театр, но «Ревизор» не впечатлил, хотя, может, это и враки. Толстой по пути в Севастополь побывал, но, как настоящий офицер, вел себя скромно. Говорят, Чехов не любил одесских журналистов и щелкал семечки, как простой гражданин, а не великий литератор. Здесь напоили Куприна за просто так, ради компании. Может, поэтому Александр Иванович и любил Одессу. Александр Грин впервые увидел здесь море. Горький работал грузчиком. Выступал Маяковский. Корнея Чуковского выгнали из гимназии как ребенка низкого происхождения. На Мясоедовской жил Шолом-Алейхем. В «Моряке» работал Паустовский. Вавель здесь родился и жил. Олеша, Катаев, Багрицкий...

И вот перед нами не Одесса, не город, а миф. Миф, который живет своей собственной жизнью, обрастая своей уникальной романтикой и лирикой. А сами обитатели города с немим восхищением наблюдают, как живут персонажи мифа, и страшно им завидуют. Конечно, Одесса уехала. Конечно, уже не то. Даже Жванецкий живет в Москве. Ну так и Катаев уехал, но мифу это не помешало. Наоборот, каждый уехавший разносит миф все шире и шире. Миф растет, жители города тянутся, чтобы соответствовать и еще больше множить миф. Да, Одесса уже не тот город, в котором все знали всех, появилось много новых людей. Но

Фото Дмитрия Кузьмина.

● КУНСТКАМЕРА

каждый приезжий заражается мифом. Становится одесситом. И миф растёт, жители хотят не просто соответствовать, а быть лучше.

contra

Миф возникает уже тогда, когда породившая его реальность умирает. Значит, Одесса умерла? Исчез одесский говорок, растворилось неповторимое чувство юмора и жизнелюбие? Все это так. Постепенно, медленно, эпически медленно расселяются коммуналки, а одесские дворики перестают очаровывать — начинает пугать озлобленность их обитателей. Мы были беднее, но мы были чище. И началось это все не с распадом Союза. Началось еще в шестидесятых. Писатели и поэты задыхались, старались при первой возможности вырваться, перебраться в Столицы. И не случайно Жванецкий живет в Москве. Имея такую славную литературную историю, сейчас в Одессе сложно зацепиться за известные имена, создается впечатление, что никто уже не пишет стихи, не придумывает сказки, не издает книги. Легко перечислить «тут были» и сложно найти «тут есть».

Когда-то Одесса была столицей. Пусть по-своему, пусть в узкой области — но столицей. Теперь её упорно загоняют в провинцию. Не люди, это не заговор, загоняют обстоятельства. А провинциальной Одесса существовать не может. Она должна жить с размахом, громко и ярко. Иначе миф постепенно изнашивается и исчезнет. И создается впечатление, что выбраться уже нельзя, выхода нет, впереди только жалкие годы падения, после непродолжительного взлета.

* * *

Но миф, порожденный когда-то Одессой, возвращается обратно. Старые названия. Старые улицы. Старые дома. «Гамбринус» вернулся уютным ресторанчиком, опять подвал, пусть и напротив старого места, но там опять звучит скрипка. А в кафе «Фанкони», как всегда, вкусно варят кофе. Вернулся памятник Екатерине Второй. Восстановили Оперный театр и фонтан. Жизнь, конечно, не будет стоять на месте, и город не станет ни в коем случае жить прошлым мифом. Одесса будет создавать новый миф.

Максим УСАЧЁВ

● БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

КАК МЫ РАСКАЧИВАЛИ ОДЕССУ

В 2006 году Анастасия Яковлева-Помогаева предприняла попытку создания в Одессе представительства Интернет-журнала «Точка Зрения». Несмотря на то, что новое ЛИТО столкнулось с множеством трудностей, за несколько лет своего существования ему удалось расшевелить как молодое, так и немолодое поколение одесских поэтов и прозаиков.

Эта заметка, написанная в конце 2007 года для первого номера журнала «Контрабанда» — уже история. Как и сам этот журнал. Сейчас в Одессе уже всё по-другому. Тем интереснее, возможно, будет прочесть эту заметку людям, вовлечённым в современный литературный процесс.

Молчание Одессы

Литературной жизни в Одессе нет. Писатели и поэты есть (причем некоторые даже очень талантливые), а литературы нет. Кто из наших литераторов был поумнее да похитрее других, тот давно уже схватил чемоданчик и убежал в Москву или в Питер. Судьбе оставшихся, увы, не позавидуешь. Одни из них спились, онанируя на собственную непризнанную гениальность. Другие разбрелись по углам, по закоулочкам и сколотили вокруг себя узкие кружки себе подобных. Молодым и мало-мальски талантливым авторам в эти кружки вход категорически раз и навсегда заказан. Нет у нас какой-либо серьезной литературной тусовки, а есть только мелкие «кланчики», замкнутые сообщества, в которых все «пощипывают» и «покусывают» друг друга в свое удовольствие, выясняют между собой, кто же из них «самый, самый», но при этом дальше Крыжополя их имена не известны.

В Москве, Санкт-Петербурге проходят литературные фестивали, мастер-классы, и даже такие камерные мероприятия, как квартирники, пользуются популярностью. У нас... Помню «потрясение юной журналистки», попавшей на наш квартирник. Вместо того, чтобы встать на стульчик и со сцены читать стишки (детсадовский комплекс правильных девочек), поэты сидят в прокуренном помещении,

• БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

пьют пиво, читают по кругу стихи и болтают между собой! На квартирнике — и разговаривают?! Если бы устроить квартирник симфонического оркестра, да. Там бы все чинно сидели. Молчали. Вот такой у нас город современный.

Словом, нет литературной жизни в нашем городе. Когда мне Алексей Караковский предложил возглавить одесское ЛИТО при поддержке Интернет-журнала «Точка Зрения», я, хоть и понимала весь сизифов труд этого мероприятия, но согласилась.

Качумай, собрались больше трёх

19 июня 2006 года «ЛИТО.ОДЕССА» было создано. При рождении присутствовали Анастасия Яковлева-Помогаева, Елена Кутинова, Николай Помогаев, Максим Усачев, Юлия Заяц, Яна Одноствалко. Собираться решили в помещении Объединения Молодежных клубов, на Пушкинской, 34.

Труд и впрямь оказался из «веселых». К нам стало приходиться большое количество невнятных личностей, которые от ЛИТО требовали сразу: славы (много!), печати во всех журналах (толстых!) и денег (больших!), грозились, что если этого всего мы им сразу не предоставим, то они к нам ходить не будут, и вообще, если «ЛИТО.ОДЕССА» не в состоянии обеспечить своих участников немедленной славой и деньгами, то «на фига» оно вообще нужно. Сами при этом стихов хороших или прозы не писали. А иногда вообще ничего не писали. Правда, хотели начать.

Но бывали и случаи чистого везения. Однажды я договорилась встретиться с одним художником в арт-кафе «Выход». Встреча не сложилась. Зато я увидела своего старого знакомого, Женю Охотника. Разговорились. Рядом с ним сидел парень с грубовато-солдатским лицом. Недавно из армии вернулся, как сообщил мне. Пишет стихи. Я к тому времени уже успела устать от наплыва в ЛИТО «юных дарований» с невнятными стихами про первую любовь, но приготовилась сочувственно слушать. Особых откровений не ожидала. Но, оказалось, вот оно. Находка. Один из ярких камешков нашего ЛИТО. Для меня неожиданность: этот парень, из армии, Хармса любит?! Этот парень начитан?! Приятный удар по моему интеллектуальному снобизму. Вот так и нашелся Владимир Павлюшкин. Сейчас он поступил в Москве в Литературный институт. Говорят, что один из лучших студентов на курсе.

Лену Кутинову я знала еще по Москве. Мы познакомились с ней во время награждения в ЦДЛ премией «Золотое перо Руси» в 2005 году. Лену представили как киевлянку (работала тогда копирайтером в Киеве). Ей предстояло прошататься одной по чужому городу с сумками, перед поездкой в Питер. Услышав родную одесскую речь, она подошла ко мне и моему мужу Коле. После чего мы, лауреаты, при минусовой температуре отметили знакомство в Александровском саду.

Потом оказались на Лубянке. Не потому что литераторы, не потому что лауреаты, и уж тем более не потому что отметили. А что, сразу уже ассоциации? Нельзя просто по Лубянке погулять?

С Максимом Усачевым мы познакомились в Интернете, на «Точке Зрения». Увиделись, когда собрали встречу «ЛИТО.ОДЕССА» на нудистском пляже. Макс всегда умудряется приходиться на встречи в деловом костюме. Это не перчатка в лицо богемному обществу. Просто он всегда с работы. Но в сочетании с юмористическими рассказами и габаритами Макса выглядит завораживающе. Пример гармонично найденного имиджа.

• ФАНТОМ

Вика Лях, Оксана Макачук, Сергей Шаманов пришли к нам позже. От этих людей я не слышала жалоб на непризнанную гениальность, ни криков «что мне это даст, если я буду посещать ваши тусовки». Ничего из пошленькой манеры поведения уездной богемы.

Прогулка с Ковальджи

Вскоре после нашего появления с нами познакомился известный московский поэт, прозаик и переводчик Кирилл Ковальджи. Он родился недалеко от Одессы, в Белгороде-Днестровском.

Я очень волновалась, что не узнаю его, когда буду встречать. Алексей Караковский меня успокаивал: «Ты его узнаешь. Очень милый дедушка».

Когда я его увидела, поняла, что даже и в девяносто лет этого человека нельзя будет назвать «дед», «старик». Только, может быть, «дедушка». Маленький. Аккуратный. Встречу с ним и презентацию его книги «Зерна» мы организовали 13 августа 2006 года в помещении книжного салона Литературного музея «Остров сокровищ» на улице Ланжероновской, дом 2. Перед выступлением прогуливались по Одессе. Он повидал тех, кто для нашего поколения остался уже в легендах. Многих «тех». Говорю, что увлечена поэзией Вадима Шершеневича — оказывается, Кирилл Владимирович знал его жену. Он видел Лилию Брик, Олешу. Хорошо, что написал мемуары «Зерна».

На презентацию книги пришел некий одесский писатель-сатирик Т. Я и раньше знала, что такое злость и зависть, но никогда не видела её в столь чистом виде. Смотрит человек на тебя, улыбается, но глаза при этом мертвые. Улыбка будто бы сама по себе застряла в вязкости, неестественно ехидно-въедливой вежливости. Он пытался Кириллу Владимировичу какие-то ернические вопросы задавать во время презентации. А затем в Интернете написал гадости о нем. Интересно, писателю Т. после этого полегчало? Боюсь, что нет. Вначале я хотела «ринуться в бой», написать в ответ тоже много всякого «хорошего»... но передумала. Все-таки, любопытный момент для наблюдения: пожилой, но полный любви к жизни Ковальджи и рядом мертвоглазый Т, замаринованный в собственном яде. Интересно, в археологический музей принимают ядовитых мумий?

Растаманские сказки

Написали мы объявление: «20 октября. ДМИТРИЙ ГАЙДУК, «РАСТАМАНСКИЕ СКАЗКИ». Моно-спектакль в фокусе перформансов». А до этого написали Дмитрию, на авось, наобум. Наглость такая одесская: «Хотите к нам приехать?» А он взял и написал: «Хочу».

Заросший и мощный. Только беседа была вначале какой-то тяжелой. Чуть позже я узнала, почему: мы не стали называть Дмитрия на «ты»! Неудобно, запанибратство какое-то. А ему обидно стало. Смешно. Но к концу его пребывания, когда мы с Костей и Дмитрием гуляли по Одессе, лед растопить удалось. Философия, религия, мировой порядок, литературные и музыкальные знаменитости (Дмитрий работал музыкальным критиком) — все темы перебрали. Ему понравился Арабский культурный центр, жаль, что мы не успели тогда войти внутрь. Поздно уже было, он уезжал. Я

этим летом ему позвонила. Просто так. Из Москвы он вернулся жить на Украину...

Афроукраинцы на складе Правды

В ОМК мы собирались с переменным успехом. Хотелось чего-то другого. Клуб — заведение официальное. Тем более что там уже существовал литературный кружок. А так как мы, молодые авторы, не желали идти именно в тот кружок, то оказались на правах полудиссидентов. Ну не захотели мы признавать авторитет местных знаменитостей: культуролога Р. и писателя П.!

Летом к нам приехали поэты из Киева (литературное объединение «Вертикаль») Тереза Славович и Окътис Бельг. Мы устроили квартирник на одесском склоне, вблизи пляжа «Отрада». Соединив два слова, «склон» и «Клондайк», получили симпатичное название «Склон Д'@йк». Можно сказать, что литературный салон-кафе «Склад 'Правды'» родился там. Нам неожиданно повезло. Знакомый Лены Кутиновой, Владимир, узнав о наших поползновениях устраивать квартирники, предложил переместиться в его кафе и организовывать литературные мероприятия там. Так у нас появилась крыша. Кафе мы вскоре окрестили. Получилось это случайно. В тот день мы долго мудрили с названием арт-кафе. Когда-то там был склад газеты «Правда», и когда Вова Павлюшкин позвонил Андрею Беседе, чтобы тот присоединился к нам, то сказал: «Знаешь, куда идти? Там, где склад 'Правды'...» — и перевел на меня удивленные глаза. Я поняла, что его — так же, как и меня, и всех придумывающих название, — осенило... Да будет так.

Еще одна занимательная история связана со «Складом 'Правды'». У Владимира в арт-кафе кроме нас по определенным дням собираются также музыканты и ди-джеи. Через некоторое время о наших постоянных квартирниках уже пошли слухи, кроме того, нашу тусовку показали по одному одесскому каналу. «Склад 'Правды'» находится во дворе. Всё мирненько, сидят соседки на лавочках, — одесский дворик. Идут два музыканта репетировать в арт-кафе. Типичные африканцы. Афроукраинцы? Одна соседка другую спрашивает:

— Это кто такие?

— А... это... литераторы. Они тут собираются.

Таким образом нас причислили к темнокожим потомкам Пушкина.

Некоторые наши квартирники 2007 года

16 августа — литературный квартирник Склон Д'@йк Буриме

23 августа — литературный квартирник «ХЛАМ» (посвященный культуре 20-х годов)

13 сентября — литературный квартирник «Словотворчество»

5 октября — литературный квартирник мистической прозы и поэзии «Сдвиг Хэллоуина»

Надеюсь, нам удастся возродить традицию артистических кафе начала XX века.

Анастасия ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА

ПОЭТЫ ОДЕССЫ

Ксения Александрова

* * *

Давит к земле до края набитым ранцем,
Заданным сочинением об Емеле.
Валька, сосед, совсем не умеет драться,
Я не пыталась, но говорю: умею.
День Валентина — праздник, по мне, дурацкий.
Валя принес в подарок воздушных змеев.

Шустро мелькает в прядях цветная раста,
Секс вызывает радость, как в детстве санки,
Много напитков — крепких, хороших, разных.
Ближе не стоит, thank you, спасибо, danke.
День Валентина — имхо, совсем не праздник.
Валька влюбился, бегаёт на свиданки.

Солнце на плечи давит лимонной сферой,
Сколько же можно жарить, гореть, лосниться?
Муж уезжает завтра, я с ним — на север.
Помню чужие руки, не помню лица.
День Валентина — праздник унылый, серый.
Валик уже пять лет, как живет в столице.

Я с сыном, Валею, ласкова, неразлучна,
Сказками о Емеле кормлю на полдник.
Каждое воскресенье — отличный случай,
Время воздушных змеев, качелей, пони.
День Валентина — праздник, конечно, лучший.
Валик, сосед, должно быть, меня не помнит...

Давит к земле до края набитым ранцем.
Лезвием память — хватит, куда больше?
Валя, сосед, совсем не умеет драться,
Те, дворовые, были быстрее, сильнее.
Я отучилась, вышла за иностранца,
Валька погиб. У пяток река синееет.

* * *

Целоваться глазами, почти не касаясь губ —
Слишком мало для тех, кто не знает, что значит боль.
Сероглазое море — на дне лазурный и голубой.
Я хочу быть одна, оставаясь опять с тобой,
Я вернусь до обеда и снова, прости, солгу.

Целоваться глазами, почти не касаясь душ -
Слишком много для тех, кто боится случайных слов.
Сероглазое море и ледяное его тепло.
Тихо греется чайник, в кастрюле томится плов.
Я вернусь до обеда и снова, прощай, уйду.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

***

Жженой медью раскрасив крыши пустых домов,
Осторожное солнце прячет свои бока.
Мы достигли зенита, дальше уже никак.
Жаркий шепот, как выстрел — точно, наверняка:
«Видишь, каждый прохожий — близкий, понятный, мой.»

Серебристые блики, вязкий закатный сок,
Эфемерная радость — не разбуди, не тронь.
Солнце падает в море — пенный соленый трон.
Выворачивать наизнанку свое утро,
Выворачивать вещи, стряхивая песок.

Золотится закат, как нитка янтарных бус,
По изнанке ладони тянется красный шов.
Непослушные пряди, сломанный гребешок.
Мне так горько, смешно, безудержно хорошо -
Расскажи мне об этом счастье, когда проснусь.

***

Сероглазая, больше не мне за тебя молиться.
Куришь на балконе холодно, в комнате слой тумана.
Мир нестареющих женщин, их невозможные лица
Смотрят куда-то вверх, крупный снег падает на ресницы
Слипшейся белой перхотью, смерзшейся кашей манной.
Боль убаюкана серостью, лестью, вином, обманом,
Хмелем побед. Я обещаю каждую зиму сниться,
Но никогда — звонить. Не грусти. До свиданья, мама.

Танда Луговская

Одесское утро

По холодным утрам дюк де Ришелье кормил голубей
И распугивать чаек пытался — но они успевали раньше
Ухватить ржаную гнутую корочку или сухой хлебец.
Известняк на рассвете тускл, а потом оранжев -

Вся Одесса сложена из него, чуть отошедшего моря,
Прорастала из катакомб — путь гранатовой Прозерпины...
Дюк смотрел на крылатый ковёр у ног и улыбался молча.
В Горсаду просыпались серые львы, выгибали спины.

Море било почти у края лестницы, только чуть-чуть подале -
Той, что кровью прославлена, а создана любовью (хотя бы в рифму).
Растворялся утренний сумрак, отдавая свету детали
Барельефов, брусчатки, цветущей каштановой ветви, отросшей криво.

У музея Лаокоон потягивался, отжимал, вывешивал на просушку змей.
Чуть шурша, акации рассказывали очередную душистую небыль...
Дюк вздыхал и, уже бронзовеющий (солнце!) возвращался на постамент,
А крылатый весёлый ковёр уносился в небо.

Лестница, которая потом была названа Потёмкинской, была построена градоправителем Одессы и генерал-губернатором Новороссии Михаилом Семёновичем Воронцовым для своей любимой жены, Елизаветы Воронцовой (Браницкой) — чтобы она не сильно уставала по дороге к морю.

***

Как пронзительно мало я знаю о мире,
Не касаясь губами людей и созвездий!
Горький влажный рассвет, сотворение мифа -
Ничего не должна, никому не известна,
Но уже известняк сквозь траву проступает,
Из жемчужниц колонны, солёная память:
Артемиды-попынь, и Фемида слепая,
И сандали крылатые наземь упали;
Фаэтонова дерзость, Икарова дерзость,
Ниобеи, Арахны глубинная гордость...
Вот весна, запах йода, песчаное детство,
В катакомбы веков проседающий город,
Вот что в жилах вскипает, морочит, пророчит,
Заставляет смеяться, поёт, закликает...
...Вот что, может быть, выручит белою ночью,
Где и море иное, и гибель иная.

***

Одесса рифмуется с детством, десной воспалённой,
И лесом, которого нет, и букетом пролесков зелёным,
И водной завесой — разбившейся в брызги волной,
А то интересом — и жаром под блузкой льняной...

Одесса рифмуется, память плетёт прихотливо:
Приливом, и белым наливом, и веткой оливы -
Дотронуться, соприкоснуться, растаять в словах -
Чтоб выпало это зерно на других островах,

На Каменном ли, на Васильевском... Солнце дробится,
И сыплет за шиворот хвою, и вздрагивает черепица
От мелкой щекотки и крохкой смешинки во рту...
Я жить буду долго. Я память ещё заплету.

***

А ведь так несложно: ракушка, мидия, улиточный завиток
В этом городе, рыжеватом-солнечном на просвет,
Говорят о том, что невдомёк казалось, а ныне — под локоток,
И уводит по окатанным булыжникам к мерцающей синеве,
Вон туда, к началу Пушкинской, разрыву среди листвы,
Да, где море в полосках причалов по моде Пеппи Длинныйчулок,
В штормовом ли в предупреждении слышится плач «увы»,
Дребезжит ли в подъезде наполовину выбитое стекло,
Невдомёк, а здесь трава в конце ноября взъерошена и дерзка,
С кем дышали этим городом — кто невозвратим, кто просто далёк,
Только под волнами гуляют ставрида с тьюлкой и всякая там треска,
Да на постаменте грифон чернеет, как укатившийся уголёк.

***

Скрипки всегда поют о любви — даже когда молчат:
Каждым изгибом, каждой струной, ласковым лёгким лаком,
Льнут ко щеке, всё — поцелуй, и сияют в лучах,
Даже в надломе, даже в беде, звуком последним, знаком...

Море всегда поёт о любви — шторм ли, бессильный штиль,
Ластится пена, дробится прибой, радуга над камнями...
Что ты забыл, что не сумел, разорвал, упустил -
Море тебе обо всём споёт, море, что станет нами.

Я и сама пою о любви, и не петь — не могу:
Стану волною, стану струной, солёной сухой строкою,
Воздух целую, зову имена, радуюсь, берегу,
Ласке отвечу, и даже удар не отведу рукою.

Тем и колдуем, тем и живём, светимся по ночам,
И из-под пальцев уходит беда, и нить сплетается снова...
Только не помнись, как время дождём течёт по нашим плечам:
Слово «люблю», и взгляд в глаза — и не ожидать иного.

Тинке

Тринадцать лет, тринадцать лет некруглой даты -
Да обернуться, заглядеться на когда-то,
На чуть неловкое, с улыбкою смущённой,
И красным было то вино, а море — Чёрным.

Там, во дворце Михал Семёныч Воронцова,
Где свет медов, а небо за окном свинцово,
На листьях иней, хрупко-хрусткая слежалость,
Тринадцать лет, да нас там нет, такая жалость.

Мы года два уже не жили друг без друга,
А тут решились — и бутылка шла по кругу
Той незаконной да весёлой, жаркой свадьбы...
Тринадцать лет. Самих себя теперь позвать бы

Да рассказать, рассыпать мягкую соломку -
Что будет прочным там, что ненадёжно-ломким,
Кому и верить, как себе, кому не стоит...
Да не услышат, не откликнутся, пустое.

Тринадцать лет, волна приходит за волною -
Там суть останется, исчезнет остальное.
И смотрим в будущее мы, его не зная,
Давным-давно поврозь... Люблю тебя, родная.

***

Вот и болью живём, и без горечи воздух — не воздух;
Всё, что классики нам напрозорчили, стало судьбой.
Мы ушли из пространства меж Оперой, морем, Привозом —
Цвет акации, бризом снесённый в весенний прибой.

Нам рассказывать после легенды — легенды, конечно —
О дворах проходных, о булыжной реке мостовой,
О вокзале, о морге, о море, любой остановке конечной —
В бесконечность ныряя с разбегу, без брызг, с головой.

Нам рассказывать мягкий асфальт, раскалённое лето,
И вино «Изабелла», и мидии хруст под ногой,
И вишнёвые брызги на небе, и ветер рассвета —
Всё в другой нашей жизни, и нашей, и всё же другой.

По Приморскому бродим не мы — благодарные тени:
Речь неслышна, улыбка прозрачна, походка легка...
И друзья-одесситы, вздохнув, нас считают не теми,
И глядят нам вослед — иронично и чуть свысока.

Двор

Двор отцветшей сирени и старой акации, воткнувшейся в облака.
Две машины глядятся друг в друга, потирают ушибленные бока.
У одной на крыше чёрно-рыжие «жорики», у другой - толсто-рыжий кот.
Всё проходит. Это тоже пройдёт.

Всё проходит. Это в первую очередь о коте -
Пробежит по крыше, по волнистой ступившейся темноте,
Вопль его оранжев, вопль противника запылённо-бел -
Как не заявить о себе?

Набухают пионы, вот-вот — и лопнут от нерастроченных сил,
Одуванчики пишут комментарии по краям, хоть их никто не просил,
Бельевые верёвки машут крылами, ещё немного и улетят,
К холодам вернуться назад.

Виноград обрезали. Из лозы и шифера мелкота мастерит шалаши -
Там они индейцы, эльфы, разведчики, мафиози, все равно хороши:
Что стекает с телеэкрана, то впитается в тусклый ласковый чернозём.
Прорастет. А мы подождём.

Ярко-розов, цветёт шиповник, напротив сушится ярко-розовая простыня.
Жадно солнце впитывает — аж золотится — ракушечник-известняк.
Лепестковый сор катает ветер по асфальту двора —
Будет с чем котятм играть.

Одесса, любовь. Фото Татьяны Карпеченко.

Виктория Лях

***

Сводит с ума монотонное капанье с крана,
Тело не греет, не жжет городской кипятик.
Терпкие мысли смешались на грани стакана,
Через минуту их насухо вытрет платок...

Мокрой щекой прислоняюсь к нему граниту,
Слушаю шепот блуждающей в море волны...
Нужно успеть спрятать мысли в вазоне разбитом,
Чтоб их узнать не успели судьбы колдуны.

В этой пещере мне будет уютно, как дома.
Здесь расстояние меньше до бледной Луны!
Греет ночами мне спину сухая солома,
Бьет по душе постоянное чувство вины...

Знаешь, у знака любви слишком приторный запах.
В мире моем только я и звериный оскал.
Здравствуй, мой друг на израненных пепельных лапах,
Будем гулять между бивнями огненных скал?

Екатерина Чудненко

***

Малютка, у тебя слишком хрупко закручены винтики,
И каждый прохожий, хоть чем-то похожий на мудрого Гудвина
В твоей тонкой корке проделает норки и рытвинки
И станет питаться твоим нежным сальцем как пудингом.
Малютка, ты слишком уж чутко спишь на горошинах,
И сны с ярким хвостиком, что мимо проносятся тобою встревоже-

ны

Не все, то что грезится является лестницей в небеса
Не все, то что чудится, когда-нибудь сбудется... Хоть когда.
Ты знаешь, малышка, ты громко уж слишком цедишь луну
И солнечных зайчиков цепляешь на маечку ни к чему
Чем лучше кусаться, быть может остаться среди этих зим,
И если вдруг что-то, захочешь до рвоты
До дрожи в коленках и пятен на стенках,
Сходи в магазин.

***

Какой небесный ювелир
Налил это время мне в стакан?
Сказал: пей! Хочешь, сейчас этот мир
Брошу к твоим ногам?
Он бы не бросил, конечно,
Просто испытывал, смотрел в глаза,
Ведь у него в руках вся вечность,
А у меня одни тормоза.
Я могу только вовремя крикнуть:

Постойте, не надо меня гнать на эти вершины
Я еще не окрепла, мне нужно привыкнуть
Жить в теле женщины, когда рядом мужчины!
Мне нужно успевать собирать по осколкам
Правду. Узнавать ее среди обновок,
Переживать ежевечернюю ломку,
Утром себя вынимать из пеленок,
Знать, что совсем необязательно
Быть самой важной на свете птицей,
Просто стремиться делать все тщательно
Так будто готовишься завтра родиться.
Ежесекундно готовишься к смерти
Так, чтобы завтра очнуться зрячей
Не в новом теле, не в новой жизни,
Но в другом измерении... Где все иначе.

***

Как будто все молитвы выпиты из жил
Как будто этой мир уже не твой
Ну кто тебя немного оживил,
Ну кто тебе внушил, что ты еще живой?
Как будто этот мир немного нем
В нем не найти Несбывшегося след
Но кто тебе из многих теорем
Взял вывел истину о том, что смерти нет?

Валерия Репина

***

Дома бросают тени вниз
И шепчутся о чём-то.
Ночь, зацепившись за карниз,
Ползёт по стенам в окна.

И звёзды гаснут от дождя,
И прячутся за ставни.
Заснуть боюсь. Где буду я,
Когда сон станет явью?

***

Весна
И замерзает в горле льдом вчерашний чай,
Я не могу у пустоты себя отнять,
Нет объяснения обыденным вещам,
Когда не знаешь где найти, где потерять.

Весна
Латает ветер стены выцветших домов,
И небо цвета курасао через край,
Среди банальщины про смерть и про любовь
Дрожит, звеня, такой спасительный трамвай...

Сергей ШАМАНОВ

У ГРАНИЦЫ ПРИБОЯ

— Что ты делаешь в субботу? — Игорь Коробков замер в ожидании ответа.

— Проведу время с интересными людьми, — ответила Анечка, и Коробков засомневался, достаточно ли он интересный человек, чтобы претендовать на время самой красивой девочки школы.

— Что это за люди? — настороженно спросил он.

— Друзья и родные. С кем еще выходные проводят?

Коробков залился краской, левой рукой поправил дужку очков.

Они стояли в школьном вестибюле, сноп солнечного света из окна падал на доску объявлений, где дежурный менял расписание. Мимо проходили спешащие школьники, им и самим пора было торопиться на урок.

— Давай пойдем в кино?

— В субботу?

Он кивнул.

— Я подумаю, — сказала Анечка. — До субботы еще целых пять дней, сегодня только понедельник.

— Отлично! — сказал Игорь, и лицо его радостно засияло не то от предвкушения свидания, не то оттого, что он все-таки отважился ее пригласить.

Всю неделю Коробков вел себя с Анечкой учтиво-сдержанно: здоровался по утрам, встречаясь в классе, провожал взглядом после уроков, когда в компании подруг она шла домой. В пятницу, едва прозвонел звонок, он подбежал к девушке и напомнил ей про кино.

Анечка наморщила лоб, качнула головой и ответила:

— Не хочу в кино. Давай погуляем у моря.

— Давай, — сразу согласился он. — Я знаю один красивый пляж между сопков, за городом.

— Как мы туда доберемся? — улыбнувшись, спросила она.

— Отец дает мне машину, — гордо ответил он.

Проводив девушку домой, следующим утром он ждал её на том же месте за рулем старой папиной «Тойоты».

Коробков-старший, научив отпрыска вождению, строго-настрого запретил садиться за руль до получения водительских прав, но сейчас был в рейсе, и сын воспользовался его отсутствием. Авто, почти всю зиму простоявшее в гараже, с трудом завелось. Нарушитель осторожно доехал до Анечки, благо машин в это время в их маленьком городке было немного.

По дороге Анечка рассказывала, что, окончив школу, отправится в столицу поступать в театральное училище. Игорь невпопад брякнул, что хочет стать старшим механиком, и Анечка вздохнула, огорчившись приземленности его стремлений.

Вскоре они приехали. Игорь остановился перед пляжем, возле высоких кряжистых сосен. Серые облака стремительно проносились в утреннем небе, нависали над вершинами сопков, словно вулканический дым. Пляж за ветками сосен походил на прекрасное, но внезапно ощерившееся животное — пенистые волны разбивались о берег, и сердце останавливалось от грозного рокота прибоя.

Девушка была одета по-весеннему: в легком бежевом пальто, из-под полы которого виднелись черные колготки, на ногах спортивные туфли, позволявшие непринужденно ступать по песку длинными шагами, словно преодолевая невидимые препятствия. Обогнав Игоря, она

обернулась к нему, и, улыбнувшись, стала пятиться к воде. Ветер трепал ее вьющиеся золотистые волосы, она то и дело поправляла их ладонью. Когда движение вспять наскучило, она развернулась, и побежала навстречу волнам, Игорь, спрятав очки во внутренний карман пальто и потуже завязав шарф, бросился за ней.

— Как здесь чудесно! Это самый красивый пляж, — произнесла Анечка, охватывая глазами горизонт.

В воздухе пахло йодом и солью. Линия прибоя была усыпана блестящей галькой, битыми ракушками, зелеными и коричневыми водорослями. Анечка присела возле медузы, чтобы разглядеть ее. Сквозь прозрачное тело, почти полностью состоящее из воды, виднелись ракушки и песок.

— Похожа на хрустальную пепельницу, — сказала девушка, отряхивая песок с подола пальто.

Они неторопливо брели вдоль линии прибоя. На сухом участке песка Анечка нашла шестиконечную морскую звезду с оранжевыми пятнами на спине. Коробков, спасая иголкой жизнь, забросил её, как мог, подальше в море.

Черная шкура морской звезды была шероховатой, Игорь понюхал руку и вытер ее об штаны. Анечка рассмеялась. Его смутил этот смех, но еще больше пугал тот смех, который он мог услышать после того, как признается ей в любви. Опыта в любовных признаниях у Игоря не было, он даже не мог припомнить ни одного фильма или книги, где бы это происходило. Анечка, не подозревая о его терзаниях, завороченно смотрела на море.

— Я тебя люблю! — сказал он, и слова его, нерешительно сорвавшиеся с губ, утонули в рокоте прибоя. Анечка не обернулась, и Игорь решил, что она его не слышала. Это было к лучшему: признаваться в любви надо, глядя в глаза.

Он забежал немного вперед и остановился. Анечка шла навстречу. Чувствуя нерешительность, он перебирал в памяти моменты, которые должны были придать ему уверенности: как в первом классе на линейке Анечка стояла возле учительницы, сжимая в руках букет рубиновых астр, и её голову украшали огромные белые банты. Он вспомнил, как его посадили к ней за парту, и вражда, характерная для девочек и мальчиков, переросла в дружбу. В пятом классе на физкультуре им пришлось бежать стометровку, и он, обгоняя всерьез настроившуюся на победу Анечку, не мог решить — лучше поддаться или доказать, что он быстрее. Добежав до финиша первым, он не смог ответить на этот вопрос ни тогда, ни сейчас, спустя несколько лет. А не так давно он наблюдал, как ее провожал домой мальчик из старшего класса и, безумно ревнуя, он чувствовал, что готов горы свернуть ради Анечки...

— Аня, я хочу признаться тебе. Я тебя люблю! — выдохнул он.

Волна с грохотом ударила об берег и пенным языком растеклась между ними. Аня, вскрикнув, отскочила от нее.

— Ты слышала? — взволнованно спросил Коробков, не обращая внимания на волну, коснувшуюся его ботинок.

— Что слышала? — удивленно спросила Анечка, но по глазам и появившейся на подбородке ямочке, Игорь был уверен, что она все слышала.

— Я тебя люблю! — повторил он, и пролетающие над ними чайки скушали его слова, словно подброшенный сверху хлеб, и новая волна набежала, поглотив своим шумом крики самих чаек.

— Ничего я не слышала! — выкрикнула Аня и, отвернувшись, сделала несколько шагов навстречу бурлящей стихии.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Я тебя люблю! — крикнул он вдогонку.

— Не слышу! — ответила Аня.

Девушка шла вдоль моря, Игорь бежал за ней. Его признание в любви стало походить на игру. Почти догнав Аню, он снова, перекрикивая прибой, повторил признание.

— Не слышу! — крикнула девушка, засмеявшись. Она, петляя, бегала по берегу, Игорь старался не отставать и, наконец-то раскреповившись, кричал во всё горло: «Я тебя люблю!». В ответ раздавалось веселое Анечкино: «Не слышу! Не слышу!».

Поотстав от девочки, Коробков мучительно размышлял о том, что она играет с ним, а раз играет, значит, не воспринимает всерьез. И пока он думал об этом, солнце вышло из-за облаков, все вокруг засверкало, стало теплее, и даже ветер стих, а зеленые волны потеряли свою силу.

Теперь она точно услышит его, решил Игорь и побежал к ней.

Анечка шла по мокрому песку, рассматривая морских ежей.

— С ними ничего не будет? — спросила она подошедшего Игоря.

— Дождутся прилива и снова попадут в море, — успокоил он девушку.

Игорь наклонился, взял морскую звезду и запустил её в море. Звезда не долетела до воды, он бросился за ней, стараясь ступать по камням, торчащим в сыром песке, отыскал ее, и снова запустил в сторону волн.

Анечка подошла к нему. Ее голубые глаза сверкали на солнце, за спиной далеко-далеко покачивались сосны, ему даже показалось, что он ощутил запах хвои, и вполне возможно, что ветер с берега действительно донес их аромат. Он услышал, как песок скрипнул под его ботинком. Это был самый подходящий момент повторить те слова, которые он недавно кричал, и сейчас, даже если он произнесет их шепотом, девушка все равно их услышит.

Он расстегнул воротник, шагнул к ней и остановился. В её глазах читался страх, и ему стало неловко за ещё несказанные слова. Всё произошло быстро. Анечка приблизилась к нему свое лицо, и он ощутил ее губы на своих губах. Ее руки обняли шею Игоря, и юноша заключил девушку в ответные объятия.

В глубине души ошеломленный Коробков всё ещё считал нужным признаться в своих чувствах, но слова, как горстка монет, лежали в дальнем кармане его сознания, и от волнения он не мог собрать их воедино. Анечка, отстранившись, одними лишь глазами попросила его молчать и вновь прикинула к его губам. Время приобрело относительную неопределенность, в которой мгновение не отличалось от бесконечности. Он закрыл глаза, и девушка зажмурилась так, что по щеке потекла слеза. В этой соленой как море капле отражалась огромная волна, стремительно летящая на берег.

Нет, не из-за его признаний возник страх на лице девушки. Увидев, как морская стихия вздыбилась на мелководье, закрыв небо, Аня поняла, что от нее уже не убежать. Решительность и желание противостоять волне пробудились в ней. Пусть лучше так... Она сильнее прижала к себе Игоря, только бы он не видел огромной стены, выросшей за его спиной.

Они стояли, крепко обняв друг друга, не чувствуя ничего кроме своих губ, и волна, закрывшая полимира, налетела на них, сбила с ног, закрутила в своем водяном нутре, Коробков инстинктивно схватил Анечкину ладошку, открыл глаза, но не увидел ничего, кроме серо-зеленого марева, его крик потонул в воде.

Волна обрушилась на сопку, срезав ее зеленую вершину, пошла по пляжу, добралась до сосен, легко вырывая из земли могучие хвойные

деревья, растеклась по побережью, снесла стоящие вдалеке от моря дома, оставив после себя огромное водяное поле, похожее на сточную канаву, забитую мусором. Мутная гладь, образуя многочисленные рукава, медленно возвращалась в море, на ее поверхности покачивались деревья и сорванная трава, обломки домашнего быта, сломанные жизни и разбитые мечты.

Спустя много лет, как и в день трагедии, яркое мартовское солнце заливало пляж и грохочущее море; молодая пара приехала отдохнуть на пляж. Девушка сидела на подстилке и просматривала снимки на цифровой камере, ветер трепал ее черные волосы. Парень стоял сбоку от нее и, прищурившись от солнца, смотрел на море.

— Неужели они погибли... Так жалко, — сказала девушка. — Я думаю, кто-то из них выжил, иначе как люди узнали их историю?

Молодой человек посмотрел на девушку и отрицательно помотал головой.

— Эта история стала мифом. Я слышал, что они отошли далеко от берега, спасая морские звезды, оставшиеся в песке после отлива, когда море отступило от берега на сотни метров перед цунами. Волна была такой же сильной, как и та, что смыла с земли Северокурильск. Их машину нашли в паре километров от пляжа. Она была изувечена, как сжатая в кулаке пивная банка — без дверей, без крышек капота и багажника.

Молодой человек поднял с песка гладкий камушек и с разбега запустил его в бурлящие волны. Галька, пять раз подпрыгнув, исчезла в набегающей волне.

Вернувшись к подруге, он бросил на подстилку мокрый камушек, с виду точно такой же, как тот, что он забросил в воду.

— Прибой возвращает, то, что забрал, — сухо сказал он, присаживаясь возле девушки. — Этот пляж потому и прозвали пляжем влюбленных. Иногда среди шелеста и грохота волн здесь слышатся слова того юноши, впервые в жизни признававшегося в любви. Местные знают об этом. Однажды я был свидетелем розыгрыша — на пляж приехала пара ребят, один был с крашеными волосами, выдутыми феном в модную стрижку из журнала мод, бесполое существо с поломанным голосом. Его друг, высокий, широкоплечий парень стоял возле воды и, смущенно улыбаясь, повторял, оглядываясь: что ты такое говоришь? Но на пляже, даже когда он смотрел на своего хихикающего дружка, другой красивый голос говорил: я тебя люблю! И когда они, смеясь, покинули пляж, я продолжал слышать эхо, и поверил в легенду.

— Не может быть! — сказала девушка. Отложив в сторону камеру, она пошла к воде.

Бирюзовые волны, вспениваясь, разбивались перед ней. Недалеко проплывал рыболовный траулер, сопровождаемый стайей чаек. Засмотревшись на него, она вздрогнула: рядом тихо-тихо прозвучало признание в любви.

Неужели?!

Повернув изумленное лицо, она увидела за спиной своего молодого человека.

— Это был ты! — воскликнула она.

— Нет, не я! — ответил он, напустив на себя серьезный вид, но она ему не поверила и бросилась бежать.

Она бежала вдоль моря. Ноги разболелись, но девушка не останавливалась. Ее любимый оставался стоять на месте, она его едва видела, но голос, говоривший: «я тебя люблю!», слышался в каждой волне, и не отставал от нее.

Максим УСАЧЁВ

РАССКАЗЫ

Шаркать

Поэт даже ногами шаркает мелодично. Если конечно не предпочитает всякие там верлибры. Идет по тропинке и шарк-шарк, шарк-шарк, шарк-шарк, шарк-шарк. Прозаик старается шаркать оригинально, стараясь то ногу по-новому поставить, то носок интересно потянуть, то, проходя, веточку задеть. Иногда тоже «музыка» получается, но чаще шарк, шарк, шюрк, шурк, шлюп, шарк. Критик ногами шаркать не любит, считает, что, это, нечего расшаркиваться, поэтому только изредка, чтобы показать, «как надо», производит на свет благостное шарк.

И только читатель не следит за процессом и шаркает как попало.

Истина в вине

Истина валялась и никого не трогала, ибо была пьяна. С Истиной это случалось. Она была женщиной доверчивой, и поэтому слабой. Слабостью, как водится, пользовались, и накатывало на неё временами желание набраться горячительного до бесчувствия. В народе даже говорили: ищи Истину в баре. У многих в результате сложилось мнение, что алкоголь она запойная. Но Молва людская — мразь первостатейная, поэтому верить ей, конечно, не нужно. А вот то, что Истина валялась пьяная и никого не трогала — это правда. В таком состоянии Истину обычно никто из местных не трогал. А вот чужаки...

— Ты кто?

Истина поднимала голову и показывала язык.

— Не понял.

Истина переворачивалась на спину и признавалась:

— Исстина.

— Кто?

— Исстина... Исщина. Исссст... Ииик... на.

— Что, правда?

— Не исстина.

— Да я понял. Действительно, что ли, самая настоящая истина?

— Ик, — подтверждала Истина.

— Здорово! А скажи что-то такое истинное!

— Уже ночь.

— Что?

— Уже ночь.

— Не понял.

— Уже ночь. И это истина.

— Ну, это просто. А посложней?

— Сейчас ночь и день одновременно.

— Хм?

— У нас ночь, а у японцев день.

— Ты меня разводишь?

— На самом деле нет ни дня, ни ночи — только шарик, который крутится.

— Точно разводишь.

— И это тоже истина.

— А если я хлебало тебе почищу?

— Мне будет больно.

— Зашибись. Ну ладно, давай тогда в отгадалки поиграем. С кем я сплю?

— С женщиной.

— Жопа.

— Иногда.

— Ты ненормальная?

— Угу. Не видишь разве? Валяюсь пьяная на земле. Вот протрезвею...

— Мы одиноки во вселенной или есть другие разумные?

— Да.

— Что?

— Мы одиноки и есть другие.

— Назови команду, которая выиграет чемпионат мира по футболу!

— Лучшая.

— Какая страна! Страну назови! Которая выиграет чемпионат!

— Без разницы. Организатор бабки с туристов сшибет.

— Тьфу. Да пошла ты.

Истина опять переворачивалась на живот и спрашивала напоследок:

— А зовут тебя как?

— Нафиг тебе?

— Для учета.

— Пелевин.

— Пи Ленин?

— Вин.

— Ага. Ну, ты смотри — не забывай разговор-то...

Жаба

Владимир поцеловал Светлану в лобик, и та превратилась в жабу.

— Ква! — испуганно сказала Светлана.

— Бля! — испуганно сказал Владимир.

Внимательно посмотрел на жабу в постели, мыслительный процесс запустил, но ничего умнее не придумал, как снова её поцеловать. Поцеловал в голову — безрезультатно. Тогда он прищурился, и процедил сквозь зубы:

— Тяжелое время — тяжелые решения!

И поцеловал жабу в попу. Жаба дернулась, прыгнула и превратилась в обезьяну.

— Гу! — произнесла обезьяна.

— Ага, — довольно пробурчал Владимир.

Радоваться, конечно, было рано, но процесс пошел. Обезьяна посмотрела на Володю, потом на себя и упала в обморок. Тот подошел и уж было собрался поцеловать в лобик, да задумался. Потом с сомнением посмотрел на обезьянью попу. В результате поцеловал в живот, как компромиссное решение. Обезьяна дернулась и превратилась в лебедя.

— Ага! Профессионально растем! — сделал вывод Владимир.

Лебедь — это было уже кое-что. Он поцеловал лебедю крыло и тот превратился в собаку, собаке заднюю лапу и та стала мышью, когда он поймал мышь и поцеловал её в спинку, та превратилась в кошку. Владимир задумался. Где-то вкралась ошибка. Он внимательно посмотрел на Светлану. Тут его осенило! Он схватил кошку и поцело-

вал её в... в... в рот. Или что там у кошек. И та превратилась в прекрасную девушку.

— Ква! — радостно сказал Владимир.

— Жаба! — закричала Светлана и заехала ногой Владимиру по морде. По жабьей морде.

Вишневая косточка

Доктор однажды выходит из дому, то ли в пургу, то ли просто в сильный снег, закрывает за собой дверь, садится в сани и едет, едет. Только изредка возница разворачивается и что-то кричит, но доктор не обращает на него внимания, так как, по правде говоря, изрядно пьян. На хуторе никто не встречает, но возница по-хозяйски открывает незапертую дверь, и доктор молча тащит свой ужасно неудобный и тяжелый саквояж на второй этаж. Там в маленькой комнате все уже стоят над маленькой кроватью, в которой лежит девочка. Матушка положила ей ладонь на лоб и плачет.

«Что такое?» — спрашивает доктор. «Она съела вишневую косточку», — бормочет отец, тут же рядом, серым пятном тени подпирая шкаф. Доктор кивает и, борясь с головокружением и тошнотой, подходит к кровати и откидывает одеяло. Внимательно смотрит и просит принести ведро. Мать вскакивает, но её останавливает отец и идет сам. Принесит.

Доктор осторожно берет девочку на руки и ставит её корнями в ведро. «Двухнедельные корни», — зачем-то говорит он. «Она не сказала, а мы не заметили сразу», — зачем-то оправдывается мать. Отец молчит. Доктор просит земли. Отец приносит горшки с домашними цветами: геранью, фиалками, фикусами, чтобы не долбить замерзшую землю на улице. Доктор вместе с матерью разбивает глиняные горшки и засыпает землю в ведро. Девочка молчит. Наконец земли больше нет. Доктор с сомнением смотрит и в конце концов кивает — должно хватить — и идет мыть руки.

Мать готовит всем чай, а отец снимает с дочки платье, которое ей больше не пригодится. Садятся за стол, доктор выписывает рецепты и рассказывает: «Это пятый случай, где-то растет эта вишня, но найти не может никто. Даже косточки. Только дети где-то откапывают в снегу, когда играют. Или подбрасывает кто. Значит, возьмёте навоза две мерки и песка. По весне посадите». Потом все пьют чай.

Кроме девочки, которая пугливо дрожит в ведре.

Колыбельная

Подушка это символ политкорректности — мягкая, две стороны, четыре угла, не занимает на кровати определенной позиции.

Простыня — идеал божественного всепроникающего присутствия. Она везде.

Одеяло — перводвигатель раздора. Его всегда мало, его не хватает, каждый норовит увеличить пододеяльное пространство.

Кровать — это весь мир. Мир, покоящийся на четырех ножках и линолеуме.

Мы с тобой — два желтых листочка акации ветреным октябрьским вечером, заброшенные на простыню в синий цветочек, на одной подушке, под двумя одеялами, жмемся друг к другу...

Приятных снов, любимая.

Елена КУТИНОВА

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Мудродумые туэрдзы-занаки, что умели души свои по всяким мирам выгуливать, вымерли, спотыкнувшись о суходумие воевателей. Потому как даже самая увесистая мозгля слабнет замертво в сравнении с обычным статистическим выдурком.

Туэрдзы-занаки выживали колдовством. Племена, кочующие по соседству, вместо трепетов и завид источали к ним одни презрительные брезгли, поскольку землю те не пахали, а жили, как у солнца за пазухой.

С октябрями в красную степь, где сельбище туэрдзы высилось, пришёл круглоглазый княжака со своим войском и сказал: «Бывёт зима, она спуха храпливая, бывёт весна, она рожалочка добраящая, бывёт лето, оно житуня скакастая, бывёт осень, она померуха формалинная. А вы, ничевожный отрод, в ничто и обратитесь. Кто землю не пашет, зазря в божий воздух пукает». На что шаман-верхован сказал ему: «Ты княжака-чужеземщик глупяк. Ибо нет меж нами ругазмов, как меж водами и огнями, землями и небами, рожатами и смерто-тами. У всякой части миросплетения — своёиное признание. Мы айболитим социум, календарь придумали и учение пишем».

Сплюнул княжака, падлюн радикулитный, в песок-красносып и приказнул окружить сельбище туэрдзы. Светлолико шамана-верхована многожды изузорили кровавыми линияками. Удовлетворялись княжака и его войско предпринимательством сим зверческим и послуянчили вспять к своим землешапствам.

Тулова ухлопнутых разом иссяклись. Туэрдзы-занаки ведь в подземинах глубучих распрятались, куда от гробов ещё пращурь бегали. Очень круглобельные туэрдзы-занаков истребят грезилась, а кромсали своё желамство, что за реалево в темнухе ночевой приняли. Суходумие застлало зеньки ихни. Не ведали, бездури геморройные, что с призраками, своей мозглёй подтверждёнными, драчились.

В суетохе переселянской верхован сына посеял. Как хватились — княжака уже в селении шоркал. В подземинах шаманиха рыдачила — за сыном пустюнькать клянчилась. Стискнул рукопашки ей верхован, как бы чужеземщики, что над головицами почвы копытили, народ не подмерещили. А шаманёнок за курган рухнулся и созерцалики целил на чужеземщиков. Те мечами воздушья резали. Ошеломящийся дитяшка тупоглавию чужеземному, отождался и побрёл прадедское племя на шаривать. Рыскачил по густотемени и по микролетству заблук. Бескратно улопывал крунику и кисловки, в ладоны с деревьев швырявшихся. Подхлупячила его тётиха шикатая, что мимо на авто жукала и дикой природицей любознатилась. Унянчила в отдаленища, попарила в банной и нарекла Маугли. Подкормился туэрдёнок и храпунькать умаслился.

Продрыхнулся Маугли в роскошей комнице, где на него с изумлячеством мебелья зыркавил. Столовник притопцевал изьявными ножцами. На нём сияльник шею от любопытства кривючил. Зеркавлло скупулёзничало с серванткой. Та позвукивала хрусталево от хика хоухчего — в ней шекотался мух. Тюльная шторка порхала от наглецких целуйчиков ветра, пхнувшего губины в фортовку. От их бесконфузмов чихала бегонь. Омерзючее привидение успшей бабухи лакало из вазуры с тюльпантами желтую подгнильшую воду. Туэрдёнок забросил вазуру и зашпандорил окно. Фантом старыдлы сразу улетунулся. Из шкафума выглянул дух грядущего бейбёнка и спросил:

— Упровадилась злодюка?

— Я её выбрил. А ты кто такойченко?

— Через шесть полнолунов я у ваших соседичей околыбелюсь. А этот бабизрак ловчит вместо меня рождануться. Квартиль моих предстоящих родимцев ей когда-то принадлежалась. Там под паркеткой у ней финансово доисторической ценности спрятнуто. Вот и летирует по обдомью — боится, что тайнилице обнаружат. Если злодюка в мою беремшу вселяшится — та умрет. А я так и не стану бейбёнком.

И он таким жалобёхоньким сделался, какими делаются духи, если телющи их плакают.

— Хватит слезынь нюнэчить, — сказировал туэрдёнок. — Раз-ультиматим твоё ситуэтьство. Я шаманёнок из племяшества туэрдэ-занаков! Мой папун — шаман-верхован! С нашим народством княжака не совладчил, где там мерзюшному призраку!

— Спасибо, — шепукнул дух и выныкался в шкафум.

Ночурой колдунёнок к соседичам через балконку проникся. Усопшая над ним свирепасто летавила, но не было у неё телющей, чтобы рукавами дитяшке воспрепятствовать. И стала она мужу беремши кошмарства снить.

Тот проснукался от ужасмов кемарочных, вскинул шаманёнка за шиворот и к тётихе, в зуб не дуоющей, в двермень зашибачил.

Мадам с расклооченной патлей, цопая локтейкой халат, с неожидства глазач оквадратила.

Соседич ей Маугли в тапки ринул и во всю ротозейку рывкнул:

— Ваш дикобраз обрабастать меня мишенил!

— Звините питомыша — от привычеств животных не сдыхался, — зашпрехала дамша.

— В следующий раз по шейде нахрюпаю, ворюк минилеточный, — сбуркнул агрессивник и вспять походулил.

В следующий раз дитяшка умней сделал. Скопил чесноковки, кактус многолетчатый у тётихи спёр и ладанку в паркуме надёргал. Теми сокровками он покойницу обезвредил. Окно изувешал чесновкой, воздушья ладанкой обвоночил, а кактус у башколюбья хозяев вяпал. Дулась, собачилась усопщица, а в квартиль не потянула пронзиться. Объектства те сокровезные путю ей перескрывали.

Расколупал туэрдёнок паркетку и шкатуль вынул. Там финансово доисторической ценности штабелячилося. Сгрёб заповетница старикашные и на кладбище потаскал. Фантомица над ним клокоталась. Нимбовка из чесноковки голову колдунёнка благородила, из карманов ладанка сыплась, а в котомке кактус старыдлины злопли отсеивал. Нашёл туэрдёнок могилу бабухи и шкатуль в холмике укопал. С тех пор усопшая дом их не беспокоила.

Утром к тётихе снова в двермень зашибачили. Соседич в пороге припопцевал и тексты зловредные выл: “Дайте того дикобраза, я ему шейду исхрюпаю! Ночурой в гостиную вникся, лаковый пол искромсачил, а окна чесновкой изгадил!”

Разнервякалась дамша и ушлёпала в комнцу. Там шаманёнок храпунькал, с кактусом под подушкой и нимбовкой из чесноковки, на шейду во сне съехавшей.

“Продрыхнись, Маугли, — тормошорила его мадамша. — Зачем дурачеств таких наделал? Из тебя, зверума, человечину стряпают, а ты безнравствуешь! Где благодарство?” Честно туэрдёнок какбылицу тётихе рассказал, отцу грядущего бейбёнка повторил. Про старыдлу-усопщицу, про шкатуль с финансово и про духа, что в бейбёнка через шесть полнолунов слепится.

Осверипенилась дамша, за фантазмы ту истину вздумала и пове-ла Маугли к психиатру.

Усадил его психиатр, стал молотушкой по колентусам шпукать. Кто такой, интересовался, и зачем непотребства делает.

А дитяшка свою ёрзалку заладил. Про могилу с финансово и про духа, что в бейбёнка через шесть полнолунов слепится.

Обмерил врачун ему температуртель, созерцалики пальчаткой пощупал и сказал: “Бывёт зима, она спуха храпливая, бывёт весна, она рожалочка добрящая, бывёт лето, оно житуня скакатая, бывёт осень, она померуха формалинная. А у тебя всё навывшворот, будто в пятом времени года водишься. Это от того, что мозгля у тебя в затылке большая, а во лбе слабая. У наших бамбинышей впереди мозгля сильная и лбуха высокая. А у тебя лбишко недоразвито, а мозжечёк перетрофирован. Тебе переднюю мозглю растить надо, а заднюю за непотребством вычтем. Мы на тебе достижень научную испытujemy. Фантазмы твои нервяцкие психогенератор DL-666 выздравит. Рас-помнишь выдумы и рядовучим соучастком общества станешь”.

Отлечили дитяшку и к тётихе домой управили. Та его в банной попарила и храпунькать умастила.

Тишочком живёт себе Маугли. Духов не видит, соседичей, бейбашкой засчастливленных, не тревожит. В школу ступил, геометрию учит и тётиху бавит.

Вырос Маугли, выучился и инквизитором ишачить приткнулся. Удовлетворяшилась тётиха — присынок в дом финансово подтаскивать начал. А когда любознатились, кто так овёшенький — отвечал: “Я Маугли, питомыш тётихи доброчувственной. В щаче меня нашарили, сворой звериной вскормленным. И только психогенератор DL-666 промог меня к жизни реанимировать”.

Как-то Маугли со своими сотрудичами в Красную степь приуськался, чтобы социум от алхимства высквернить. Там, по просплетням, колдуны, бедламщики общества ныкались. Поганства на племя волшебучее раньше ещё предпринимировались, но чуяли чародейщици и мифирно истаивались.

Отрыскачил туэрдэ-занаков Маугли и всё племяшество чепухунтое искокошил, за что большой гонораркой отделался.

Один дитяшка живём сохранюкался. В суетохе переселянской он за курган рухнулся, и родильцы его посеяли. Этот дитяшка был я — Ненестор, что в подземинах текстерьбу эту самую высек. Житейство своё я на этот обсказ истратил. А чтобы вызнать историю, долго свидетельства набирал. И осталось от туэрдэ только что я и моя графить.

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ «ENTER»

На вопрос «Как не надо писать стихи?» при желании можно найти уйму ответов. Однако, на мой взгляд — достаточно взыскательный взгляд заведующего отделом поэзии интернет-журнала «Точка Зрения» — все эти ответы можно свести в один. Не надо писать стихи плохо.

Говорят, что поэты, которым не посчастливилось гениями родиться, становятся гениями постепенно. Сначала они пишут просто и плохо. Затем — сложно и плохо. Затем — сложно и хорошо. И только затем — если доживут и не «перегорят» — начинают писать просто и хорошо.

Что такое «просто и плохо», знают, наверное, все. Эти первые опыты о Великой и Единственной Любви, читая которые, чувствуешь себя приобщённым к чему-то вечному и неизменному! Это невнятное коллективное бессознательное с набившими оскомину рифмами «любовь-кровь», «мальчишка-слишком», «во сне-по весне» и прочая! Кто не читал их! И — о ужас! — кто из пишущей братии не сочинял их в начале творческого пути!

Сегодня, однако, мы рассмотрим случай «сложно и плохо». Такие стихи рождаются, когда пишущий перестаёт искать темы для творчества в себе — и начинает искать их в окружающей реальности. Но недостаёт мастерства — и, как результат, вместо стихотворения получается сложносочинённая каша.

Итак, попытаемся понять стихотворение некоего Дмитрия Б. Стихотворение носит тревожное название «Всё смешалось».

*Всё смешалось, мосты изогнулись.
Мы глотаем поднявшийся ветер.
Ветви плетью к тебе прикоснулись —
Ты безжалостно тронула Enter.*

Если первые три строки, пожалуй, способны вызвать симпатию, то четвёртая вызывает лишь недоумение. При чём, ну при чём здесь несчастная клавиша? Безжалостно тронутая, гм, гм. Да ещё и со столь неожиданным эффектом.

*Так случилось, ты снилась так странно.
Всё сбылось. Сомневались напрасно.
Я молился на лезвие в ванной.
Это было безумно-прекрасно.*

Не знаю, как насчёт «прекрасно». Но «безумно» — это точно. Автор в качестве лирического героя пытается преподнести нам абсолютно невменяемого человека. Потому что даже относительно вменяемый человек «молиться на лезвие в ванной» вряд ли стал бы. Другое дело, что автор вряд ли тесно знаком как с суицидом, так и с безумием. Иначе бы у него получилось описать заявленную тему как она есть: некрасивой, страшной, жалкой — но жизненной. Ну нет романтики в этих вещах. Нет. А когда пытаются романтизировать страшные вещи, да ещё и писать о том, чего не знают, то получается так, как получается. Пафосно до позывов к хохоту и ни разу не убедительно.

*Я молчал неприкрыто, серьезно,
Наблюдая игру преломлений.
Неродившийся первенец, слезно,*

Успокоился в солнечной пене.

Физики автор явно не изучал. Иначе не путал бы термин «преломление» с клише «игра света». «Молчал неприкрыто», на мой взгляд, — более чем сомнительная конструкция. А «прикрыто» молчать можно? В двух последних строках четверостишия концентрация бреда достигла апогея. Нет, я понимаю, что лирический герой хотел от любимой ребёнка, но не сложилось. Но что за «солнечная пена», для чего она?

*Что осталось? Дыхание ада.
Амальгамы подернулись бездной.
Я не вижу, какая ты рядом.
Окисляется память железным.*

Химии наш автор тоже явно не изучал. «Амальгамы подёрнулись бездной» и «окисляется память железным» — это... это... ну просто слов нет! Автор, вам кол! Родителей в школу! Всё-таки нужно, нужно понимать термины, используемые в стихах. Иначе вместо образа — неважно, зримого или создающего настроение — получается бессмысленный набор вумных словей.

*Я не помню объятий вселенных.
Без тебя пустота абсолютна.
Все разорвано. Тикают вены,
и считают часы поминутно.*

Анатомия лиргероя не может не потрясать. Тикающие вены... интересно, право слово! И что поминутно считают часы?

*Только слабые искры мятежно
Наполняют тоску отчуждений.
Полный вакуум скоро, но прежде,
Я замкну этот круг всепрощений.*

Возможностей моего мозга не хватило на то, чтобы найти в этом многотонном пафосе хоть малейшую искорку смысла.

SPACESPACESPACESPACESPACE

*Ты сложила логин «димкамилый»,
Проклиная безжалостный Enter...*

Для чего здесь нужен «спейспейспейспейспейс»? И для чего снова помянута всеу злосчастная клавиша «Enter»? И в каком месте она безжалостна? И нужно ли её проклинать? Хотя... если подойти к последнему утверждению философски... Но я не буду подходить ни к одному утверждению в этом стихотворении философски! Я просто скажу:

АВТОР! НЕ ПИШИТЕ ТАКОЕ БОЛЬШЕ НИКОГДА! ПОЖАЛУЙСТА!

Лиене ЛАСМА

Сергей Алхутов, 2007. Фото Натальи Караковской.

Обратил внимание читателя на небольшой секрет этой фотографии: если на неё долго, не отрываясь, смотреть (по разным данным от суток до полутора), то изображение Сергея Михайловича начинает подмигивать экспериментатору сначала левым глазом, потом правым, а потом обоими глазами.

ДАР РЕШКИ

Общеизвестно, что «Молот ведьм» написали Яков Шпренгер и Генрих Инститорис. Куда менее известен тот факт, что первоначально труд задумывался как двухтомник. В написании «Молота ведьм», первого тома труда, основное участие принял Инститорис. Шпренгер больше занимался вторым томом, имевшим рабочее название «Серп ведьм».

Серп ведьм — видоизменённый священный прибор друидов. Именно к этому сакральному образу восходит известный русский фразеологизм «серпом по яйцам», родившийся в борьбе с концепцией Мирового Яйца. Собственно, ведьма с серпом — прообраз Смерти с косой. Том «Серп ведьм» и задумывался как хотя бы отчасти некромантический, в противоположность «Молоту ведьм», отсылающему к древним фаллическим культам.

Двухтомник Шпренгера и Инститориса в целом планировался к выходу под названием «Орёл ведьм». Сколько глав имел пресловутый орёл, теперь установить практически невозможно, но в том, что орёл как объект магических манипуляций имеет древнейшую историю, сомневаться не приходится. Вспомним, например, «Дар Орла» Кастанеды.

Вернёмся, впрочем, от орла к нашей парочке. Ещё до создания своего неоконченного двухтомника Шпренгер и Инститорис написали в соавторстве несколько книг. Содержание их было далеко не только богословским. Так, во второй книге, название которой до нас не дошло, Яков и Генрих рассказывают о своём путешествии в Киргизию, где они проповедовали католическую религию скотоводам-кочевникам. Пятая книга под названием «Страна горбов» повествует о Гренландии и гренландских горбатых китах. Специальную книгу «Я не летать, я только бегать...» посвятили доминиканцы фауне приаральской степи — в частности, птице дрофе. Невозможно не провести параллель между темой дрофы и темой Орла ведьм. Особо на это указывает тщательно выполненное монахами описание процедуры гадания по галопу дрофы. В одной из книг доминиканцев упоминаются также страус, дятел и коноплянка.

Впрочем, куда полнее в сочинениях монахов раскрыта петрологическая тематика. Вознамерившись найти в природе камень, который отвергли строители, Яков и Генрих тщательно описывают в книге под названием «Где ты, Пётр?» горный хрусталь, лазурит, яшму, несколько разновидностей гранита и красный силикатный кирпич. К теме кирпича доминиканцы возвращаются неоднократно — так, в одном из последних созданных в соавторстве трудов «Прорабы Вавилонской башни» они стали первыми авторами, описавшими — ещё до соответ-

ствующих находок археологов! — клинопись на вавилонских кирпичиках. Именно из этой замечательной книги русский писатель Даниил Хармс позаимствовал знаменитую фразу «Камни внутрь опасно».

Между прочим, ряд исследователей истории наркологии полагает, что значительное число текстов, написанных монахами в соавторстве, писались именно под воздействием камней внутрь. Происходило это, если верить реконструкции событий, следующим образом.

Яков Шпренгер заглатывал небольшой хорошо окатанный камень, найденный им на берегу реки Шпрее. Генрих Инститорис прикладывал своё ухо к животу собрата, и едва живот начинал бурлить, немедленно записывал услышанное. Запись велась на латыни, как того и требовали академические стандарты времени.

Любопытно сопоставить описанный метод создания художественных и богословских текстов с пищевым поведением курицы. Как известно, куры заглатывают небольшие камешки для лучшей механической обработки склёванного ими зерна в собственном зубу. Так петрология объединяется с орнитологией.

Питались ли Яков и Генрих курятиной при создании книги «Где ты, Пётр?», геологам неизвестно. Но то, что при создании «Орла ведьм» монахи использовали пергамент из птичьей кожи, наводит на весьма далеко идущие размышления.

Последние исследования филологов говорят о том, что, возможно, «Орёл ведьм» был лишь частью ещё более обширного труда, так никогда и не написанного. Вторые две книги труда объединялись заголовком «Решка ведьм», причём слово «решка» монахи использовали как глагол с частицей. Целью двух последних томов четырёхтомника, предположительно, было обоснование необходимости применять при допросах стальные орудия.

Будучи столь активны как писатели, Яков и Генрих не успели реализовать себя в каком-либо другом деле. Из любопытных плодов их неписательской деятельности до нас дошёл только капкан на демонов уровнем не выше пятого. Капкан до сих пор применяется в ряде оккультных практик.

Сергей АЛХУТОВ

Михаэль Пахер. Св. Вольфганг и дьявол, 1471-1475

БЕР — ЩУР

ФЕНИИ. — Ирландская секта мистиков-фенопоклонников, владевшая тайнами парикмахерского искусства. Цель секты — обретение пряди волос Самсона, остриженных Далилой, основательницей секты. Боевые отряды фениев были необоримы благодаря боевым искусствам Фен-Шуй (название происходит от того, что бойцы держали фен в левой руке или «шуйце») и Фен-Десница (боевой фен в правой руке, впоследствии этот термин трансформировался в «фея-девственница»). Пуритане Кромвеля, брившиеся наголо и не признававшие причёсок, изгнали Ф. с островов и те эмигрировали на материк, где основали государство Фенляндия. Во второй половине XX века секта пережила расцвет — многие носили символы их учения ФЕНЕЧКИ, ботали по ФЕНЕ, появилась гитара Фендер, струны которой символизировали волосы Самсона. Выражение «феноменальный» означает принадлежность к секте Ф.

Во времена расцвета движения от Ф. откололись эмотивизмисты, звали этих людей с розово-черными фенами — ФЕ-НУБАРБИТАЛЫ. Они и придумали куклу Барби для своих оккультных целей. Собственно, отождествляя себя с этими куклами, они покупали для Барби машины, домики и боевые фены, после чего, обеспечив себе благополучие в иллюзорном мире, погружались в транс. Для скорейшего погружения в транс использовалось ФЕНтази.

В Греции поклонники Феникса, олицетворявшего Божественный Несгораемый Фен, ещё задолго до нашей эры выстроили храм Парфенон. Чаще всего Божественный Фен изображался в виде птицы: сохранилось множество статуй Зевса с птицей на руке. Эта птица и есть легендарный Феникс, причём в изображениях он является центральной фигурой, т. к. именно он сидит на Зевсе, а не наоборот. Фенист Ясный сокол — ещё одно птицеобразное воплощение Божественного Фена.

Таким образом мы выходим на понимание космогонии фениев как первоисточника множества древних и современных мифов.

Конец секте положила эпидемия ФЕНЕРИЧЕСКИХ заболеваний, вызывавших неспособность пользоваться феном.

БЕР. — праславянское название медведя. Этот корень сохранился в некоторых словах современного языка — таких, как, например, берлога (логово бера) или географических названиях — Бердичев (дичь бера) и Бермуды (муди бера). Последнее особенно показательно, поскольку именно бермудский треугольник печально знаменит исчезновениями судов и самолётов. БЕР (медведь) всегда являлся символом неукротимой дикой природы, и изначально выражение «Пошёл ты на х...» означало «Отправляйся к беру на муди» или буквально «пропади ты пропадом», т. к. пращуры осознавали невозможность остаться в живых после знакомства с мудями бера.

Отдельно хочется остановиться на слове БЕРУШИ (ватные затычки для ушей), которые изначально были оберегами для органов слуха. Актуальность данного аксессуара в те времена подтверждает дошедшее до нас выражение «медведь на ухо наступил». Учитывая количество лишённых музыкального слуха людей, являющихся потомками тех, на чьи уши наступали медведи, можно сделать вывод, что такие случаи не были редкостью.

Как часто бывает, этот славный славянский корень были заимствованы рядом европейских языков. Примеры: 'uber alles' (нем.), 'berce' (фр.), 'berg' (англ., нем.). Скандинавское berserk, опять же — дословно

означает «тот, кто заставляет обосраться медведя»; народ берберов — явные потомки славян-медведепоклонников. В китайском и японском языках этот корень практически отсутствует, что ещё раз подтверждает современные теории распространения заимствований из славянских языков.

Корень «бер» в имени человека означает матёрость, масштабность таланта. Например: Бернштейн, Бернгард Шоу, Флобер, Альберт Эйнштейн, Бергман. И даже «Битлз», не имея этого корня ни в названии группы, ни в именах музыкантов, записали альбом «Rubber Soul».

КАЗИНО. — Игренное заведение. В начале существования К. единственной игрой была рулетка. Её изобрёл житель деревни Козино, за ночные визиты к односельчанкам через окно и столичный апломб получивший прозвище Влез Москаль (далее В.М.). Некоторые биографы изобретателя утверждают, что первым рулеточным колесом было колесо от брички Чичикова, о котором рассуждали персонажи Гоголя: ««Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой».

Нигде, однако, не упоминается, чтобы Чичиков направлялся в Казань, по пути куда колесо могло бы быть утрачено. Скорее всего, В.М. использовал обычное тележное колесо, а в качестве шариков — козы шарик. Рулеточное поле является картой села Козино, где было 37 дворов, расположенных в три ряда. Поля изначально обозначались не цифрами, а именами проживавших в домах женщин. Так буквы ЗО (их ошибочно принимают за цифру тридцать) являются началом имени ЗОЯ. Красными В.М. сделал те поля, где проживали красавицы, а чёрными — где дурнушки. Игру использовал, чтобы облегчить себе выбор и оправдать своё отсутствие перед обделёнными вниманием дамами. Свой дом (крайний) В.М. отметил зелёным цветом, поскольку там царил зелёный змий. В Козино выражение «чёрт поberi» трансформировалось с годами в «чёт поberi».

Однажды долготерпению мужского населения Козино пришёл конец, и В.М. с боями изгнали, придравшись к московскому акценту. Влез Москаль бежал во Францию, где сменил имя на Блез Паскаль и поступил в монастырь близ Монте-Карло. Там он посвятил себя мистике и науке: изобрёл ВЕЩНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ и треугольник Паскаля, более известный, как любовный треугольник.

Монтекарло названо так из-за высокой горы, на вершине которой обитал старец Карло (впоследствии стал понтификом и принял имя Папа Карло). Сей старец по чертежам В.М. изготовил из говорящего дерева рулеточный стол, который самостоятельно умел считать золотые. В.М. открыл у подножья горы первое игренное заведение и назвал его КАЗИНО в честь родного села. Так простой монах обогатил целое княжество, которое в его честь назвали Монако (Монах & Со).

Культурное и политическое влияние В.М. было огромно: с его лёгкой руки из проигравших состояние, ставя на чётное, сформировали Чётный Легион, а из проигравшихся на нечете Нечётный (впоследствии Почётный и Иностраннный легионы). Из неспособных к воинской службе проигравшихся стали делать козинаки, добавляя мёд и орешки. Писатель Стендаль был вынужден сочинять рекламные брошюры о казино и назвать свой роман «Красное и Чёрное», поскольку изрядно задолжал заведению.

Дмитрий ВИСКОВ

Михаил ПРИДВОРОВ

ПОШУШАЙКИ

Мышка и кашка

Ела мышка кашку в плошке.
Чтоб досталось меньше кошке,
Съела на две ложки лишку.
Заболел живот у мышки.

Бабайки

Я скажу вам по секрету,
Честно-честно, без утайки,
В нашем доме нынче летом
Поселились две бабайки.

Две трусливые как мыши
Бабаёжки с волосами.
Если ночью крикнуть «кыш!» им,
Или кинуть в них трусами,

То они, дрожа от страха,
Замирают под кроватью
У сестры моей Натахи.
И не надо маму звать нам,

Чтобы веником и шваброй
Их оттуда выгоняла.
Мы с Наташкой сами храбро
Завернемся в одеяло.

В одеяле нам бабайки
Не страшны. На крайний случай
Можно в них кидаться майкой,
Если метко, то получат.

Правда, ночью, точно-точно!
Если свесишь вниз ладошки,
Их тихонько пощекочут
Две смешные бабаёжки.

Нам ни капельки не страшно:
Если зубы чистить пастой,
Если утром кушать кашу,
То бабайки — не опасны.

Девочка и рыбки

Девочка с баночкой, в баночке рыбки.
К маме бежит со счастливой улыбкой.
Дома в аквариум выпускают рыбок,
На зиму будут запасы улыбок.

Пошущайка

Мышки в нише под окошком
Пошущивались дружно:
— Хорошо бы выгнать кошку,
Чтоб лапшу спокойно кушать. —

А на вышитой подушке,
Распушив на шее шарфик,
Повернула к норке ушки
Кошка в рыжей шубке жаркой.

Не шурша, бесшумным шагом,
Подобралась кошка ближе.
Шутка ль, шуплые мышата
Поспешили кошку выжить.

Зашипела страшным шипом,
Словно шина от машины,
Положив конец шутливо
Шустрым проiscaм мышинным.

Самая красивая тень

Я накрашу тени губы
Лучшей маминной помадой,
Нарисую мелом зубы, —
Тень ужасно будет рада.

Подведу ресницы тушью,
Как у Анжелины Джоли,
Обозначу нос и уши,
И... пяток веснушек, что ли.

Замечательная гамма —
Тень с цветами на обоях!
Ой!
Пришла с работы мама.
Ладно, я веснушки смою.

Пусть завидует Серёжка,
Пусть обрадуется папа:
Я у тени нашей кошки
Обвела гуашью лапы.

Полклопа

Дед Лука с улыбкой глупой
Колупал клопа под лупой.
Лупой в лоб клопу попал,
Полклопа отколупал.
А вторую половину
Из-под лупы на пол сдвинул.
Перерыв верх дном жилище,
Не нашел клопа в пылице.

ИЗДАТЕЛЬСТВО “СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИНТЕРНЕТЕ” (LITSERIES.RU)

**Самое амбициозное и пока ещё недорогое издательство
Москвы приглашает новых авторов!**

Издательство «Современная литература в Интернете» организовано опытными специалистами, и поэтому мы хорошо знаем, как напечатать книгу, которая осчастливила бы автора и доставила бы удовольствие читателям. Всем нашим авторам предоставляются приятные бонусы: при выпуске книги они получают бесплатно ISBN, оформление обложки (по материалам заказчика), доставку до подъезда в пределах Москвы и распространение в магазинах (на этот счёт у нас давно налажены связи с магазином «Библиоглобус» — одним из самых больших в Москве). Кроме этого, Интернет-магазин «Библиоглобус» рассылает издания книг не только по России и Ближнему Зарубежью, но и по всему миру. Предлагая книги в магазин, издательство не берёт никакой платы за свои услуги; таким образом, вся прибыль от издания книги достаётся автору.

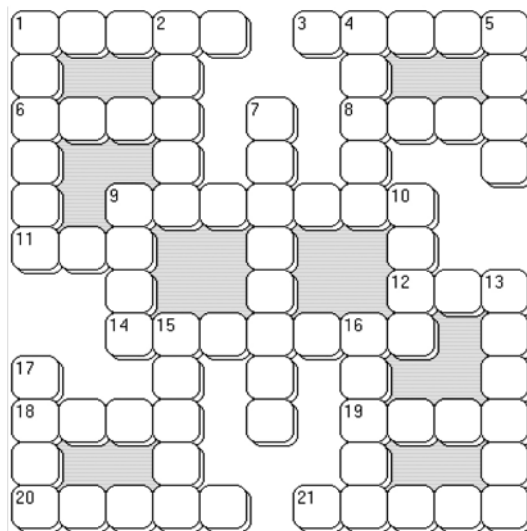
Но продажи редко зависят от одного лишь факта попадания книги в магазин, гораздо важнее то, как Вы организуете рекламную кампанию. Если Вам нужен сайт в поддержку книги, то наши специалисты могут помочь в его разработке и продвижении (подробнее — см. сайт нашей веб-студии). А если Вы сочтёте необходимым публикацию критических статей об изданной книге в средствах массовой информации, то мы можем помочь Вам и в этом. Наше издательство может предложить несколько вариантов проведения рекламной кампании (сами мы предпочитаем Интернет-рекламу — как наиболее дешёвую и эффективную).

Деятельность нашего издательства регулярно освещается в СМИ, а изданные книги номинируются на различные литературные премии («Национальный бестселлер» и т.п.). Кроме того, мы имеем возможность организации презентаций книг в клубах Москвы и некоторых других городов. Именно на презентациях, как правило, удаётся успешно продавать книги людям, привлечённым тематической рекламой на сайтах и в социальных сетях.

Публикацию в журнале или сборнике можно назвать экономичным способом издания не только потому, что он дешевле, чем выпуск книги, но и потому, что издательство берёт на себя все расходы и хлопоты по продвижению и рекламе сборника. К началу 2010 года наше издательство выпускает три издания — литературный журнал «Контрабанда», хрестоматию «Музыка в переплёте» (стихи, рассказы и статьи, посвящённые музыке) и «Кошкин альманах» (сборник забавных стихов и рассказов о кошках). Участие в сборнике платное, имеет место строгий отбор материалов, литературное редактирование и корректура текстов.

Наши услуги можно заказать в любой точке России и за рубежом, воспользовавшись электронной формой, расположенной на сайте. Для удобства клиента мы организовали постоянно растущую сеть региональных представительств в различных городах России. Это позволяет нам избавить Вас от хлопот по оплате и получению заказа: всё это возьмёт на себя наш представитель в регионе.

Заказать расчёт на издание книги можно на сайте Litseries.Ru. К каждому литературному проекту мы относимся индивидуально!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРОССВОРДЫ МИХАИЛА МАЙГЕЛЯ

Журнал «Контрабанда» познакомил друг с другом множество людей, и каждый из них занимается в журнале тем, что ему интересно. Так уж получилось, что Майк Майгель, отличный поэт, оказался ещё и мастером-ваятелем кроссвордов. Естественно, литературных.

Когда-то мы вручали за правильно отгаданный кроссворд новый номер «Контрабанды». И все кроссворды первым отгадывал поэт Александр Денисов... Ах, как давно это было!

Теперь мы ничего никому не вручаем. Просто гарантируем удовольствие. Согласитесь, по нашим временам это уже немало.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Старое имя для стихов. 3. То, что Арсений Тарковский записывал на бумажном лоскутке. 6. Долго мыла руки (у Ходасевича и Полански). 8. Заменитель счастья №2 по Пушкину. 9. Один из качающихся ночных у Горьковского. 11. Сирийский конный отряд в оцеплении Лысой Горы («Мастер и Маргарита»). 12. Часть собрания сочинений, составляющая отдельную книгу. 14. Насекомые, съевшие парадную дверь вдовы («Сто лет одиночества»). 18. Самый популярный у женской аудитории герой Веры Камши. 19. Качество, свойственное ангелам у Шелдона и Мегрэ у Сименона. 20. Заменитель счастья №1 по Пушкину. 21. На него выходили кони Юнны Мориц.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Своенравная ведьма, персонаж О.Громыко. 2. Раньше им писали, теперь рисуют. 4. Пляшущие по 4 штуки в ряд. 5. «Кровавый» у Пушкина, «святой» у Гумилева. 7. Плохой, но очень плодovitый автор. 9. Маяковский считал, что он может затеряться, как блоха в брюках. 10. Те, кому не пройти в храм ре-минорной токкаты (Галич). 13. Виртуальный аналог медведя. 15. Рот с зубами (по Далю). 16. Персонаж, которого не стоит кормить медом («Винни-Пух»). 17. Священная рыба в фэн-шуй и «человек с маузером» у Паустовского.